

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

V Международная научная конференция

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
Ф54

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан) К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Кыят Эмине Лейла (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узиков (Узбекистан), М. С. Федорова (Россия), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Филологические науки в России и за рубежом: материалы V Междунар. науч. конф. Ф54 (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.). — Санкт-Петербург : Издательский дом «Свое издательство», 2017. — iv, 82 с.

ISBN 978-5-4386-1201-8

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Филологические науки в России и за рубежом».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ**Усачева В.С.**

Интертекст в произведении А. Белого «Возмездие» 1

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Зяц И.Г.

Представления о «локализации» эмоций в средневековом языковом сознании (на материале средневековой немецкой литературы) 4

Мельникова Л.А.

Проблема национальной идентификации героев романа Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой» 6

Mete Khalida Ali kizi

Association with the epos tradition of ancient world – trial for the search for eternity of Gilgamish and Alexander 8

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Садокова А.Р.

Магическая функция колокольчика и колокола в японской народной культуре и фольклоре 13

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Коркина С.А., Никонов С.С.

Концепция любви Бенедикта Лившица в сборнике «Флейта Марсия» 16

Котова А.В.

К вопросу о диминутивах в сагм. 3 Катуллы 18

Куличенко А.А.

Музыкальность и «песенность» поэзии Вяч. Иванова 21

Никонов С.С.

Сравнительный анализ образов Анны Карениной и Константина Левина из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» 23

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ван Синхуа

Новые лексические единицы в современном китайском интернет-сленге 26

Карпова А.М.

Анализ фонетических систем английского и туркменского языков (прогноз относительно туркмено-английской интерференции) 31

Клепиковская Н.В.

Структурный анализ моноксемных технических терминов 34

Морозова Н.Ю., Короткова П.В.

Аспекты изучения маркетинга на уроках английского языка 36

Мусатова Г.А.Частицы *бы, всё же, всё-таки* в сложноподчинённых предложениях с уступительной семантикой. 38**Мусина Г.Ф.**

Развитие терминологии физики в татарском языке в послеоктябрьский период. 40

Надь Э.-Л. Ономатетический акт как вступление в «знаковый космос» vs трагедия «неназванности»	43
Polonchuk R. A. Comprehensive comparative analysis of phraseological units in Chinese and Russian languages (using the examples of military sphere phraseology)	45
Радченко Д. В. Модальные слова в немецком языке как средство выражения субъективной модальности: прагматический аспект	47
Романчук Ю. В. Синкретизм в языке. Энантиосемия как частный случай проявления синкретизма в языке	51
Фрончек М. К. Словообразовательный анализ устойчивых словосочетаний и фразеологизмов в сфере спорта в современном русском языке (на материале избранной спортивной лексики).	53
Шокиров Ш. И. Лингво-прагматическая и когнитивная интерпретация концепта «глаз» в языках различных систем.	55

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Корочкова С. А. Реализация культурно-образовательной функции журналистики через призму детских и подростковых передач на российском телевидении	59
Руденко Т. И. Актуализация семантического поля «культура» в языке современных российских СМИ (на материале газеты «Аргументы и факты» № 32 (1813) 5–11 августа 2015 г.)	62

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Лаврентьева Е. А. К вопросу о степени эквивалентности лексемы «связь» и ее русских, английских и немецких соответствий (на материале толковых словарей)	65
Паршина Т. В. О некоторых вопросах (трудностях) перевода текстов кораблестроительной тематики с русского языка на английский.	68
Хромых А. А. Классификация функциональных стилей речи (теоретический аспект)	71

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Арустамян Д. В., Дроздова Е. А. Обучение грамматическим конструкциям иностранного языка в процессе формирования коммуникативной компетенции студентов	74
Чжу Юйфу, Лу Вэнья, У Цзинвэнь О стилистических средствах в русском рекламном тексте и их переводе на китайский язык.	75

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Интертекст в произведении А. Белого «Возмездие»

Усачева Валерия Сергеевна, учащаяся 11 класса
МБОУ гимназия имени А.В. Кольцова г. Воронежа

В данной статье проанализирована необходимость изучения явления интертекстуальности для полноценного анализа художественных произведений. Предпринята попытка рассмотрения аллюзий в произведении А. Белого «Возмездие». Выявлена взаимосвязь текста А. Блока и произведений, к которым были сделаны отсылки автором.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, аллюзия, ссылка, символизм, А. Белый, возмездие

В литературоведении одним из самых актуальных вопросов сейчас является вопрос интертекста. Важность темы объясняется отсутствием единства в понимании базисных категорий теорий интертекста. Согласно принятому большинством ученых мнению, интертекстом является ассоциативное взаимодействие одного произведения с одной частью или несколькими частями других текстов. По М. М. Бахтину¹, «интертекстуальность — диалог сознаний благодаря совокупности «забытых смыслов», в то время как Ю. Кристева² объясняет явление как «цитатную мозаику» [4, 135]. Важно понимать, что большинство существующих текстов — интертексты, и при этом все они — индивидуальны. Писатель в той или иной форме обращается к произведениям прошлых лет, управляет ими на разных уровнях. Однако нельзя это понятие путать с такими, как «плагиат» или «пародия». По мнению Р. Барта, французского литературоведа и семиотика, любой текст соткан из цитат, отсылок, отзвуков, и «все это языки культуры», «старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию». Текст приобретает вторую природу, новые свойства, оттенки, ощущения.

Особенно примечательно явление интертекстуальности XX века. Ведь именно период «серебряного века» являет собой исключительное многообразие и воплощение творчества в художественном слове. Причем модернизм подразумевает динамизм развития, непримиримость, действие против чего-либо традиционного, утверждение культа новизны. В первом модернистском течении — символизме — поэты, «стремясь в будущее», пытались выделить свои стихотворения среди других, активно обращались к интертексту, который формировал новый смысл полностью или частично посредством ссылки на иной текст.

Так, наше внимание привлекло произведение А. Белого «Возмездие» (1901). Оно относится к раннему творчеству поэта, впервые опубликовано в сборнике «Золото в лазури» [3, 137]. В нем проявляется увлеченность автора аргонавтизмом, то есть приобщением к древнему мифу, повествующему о путешествии на корабле «Арго» группы героев в мифическую страну вслед за солнцем. Не случайно оно посвящено именно Эллису: вместе с Эллисом (Л. Л. Кобылинский) и С. М. Соловьевым А. Белый создали объединение аргонавтов.

Нарисованная в «Возмездии» Белым картина отображает смысл мифа, где детали плана имитируют движение развивающейся мысли. Деление на четыре смысловых компонента способствует созданию калейдоскопа образов, каждый из которых заявляет о своем тождестве целому. Так, один из центральных образов — поэт. Здесь солярный символ вплетен в философский сюжет, важный для творчества Белого аргонавтического периода, — сюжет похода за золотым руном. Он предполагает пространственное преодоление низа и соединение его с верхними сферами бытия. Поэтому действие первой части происходит в горах: «Я блуждаю в горах, — позабытый...» В данном случае можно выделить интертекстуальную связь со стихотворением Белого «На горах». «Горы в брачных венцах» — таково начало. Аллюзия приобретает формо- и смыслообразующий вид. С точки зрения символистов, гора — центр мира, самое высокое место. Она видна отовсюду, заставляет нас поднимать голову вверх, смотреть не только вокруг себя, но и выше. Путь на гору — восхождение, преодоление. Такое восхождение сделали лирические герои. Они — на вершине. Невольно вспоминается миф о горе Синай — библейской

¹ Русский философ, культуролог, теоретик европейской культуры и искусства, исследователь языка.

² Французская исследовательница литературы и языка, писательница, семиотик, философ и оратор.

святой горе, где Моисей получил с неба скрижали завета, и Иисус Христос произносит Нагорную проповедь. Русский символизм берет начало обращения к библейской символике именно благодаря творчеству Белого. Значит, гора — место встречи «земного» и «небесного», людей и богов. У Белого образ горы в «Возмездии» и «На горах» не соотносится с реальной горой. Гора — место обитания богов, мифологических существ, и это явно прослеживается в текстах: «Великан... как утес...» («Возмездие») и «Вот ко мне на утес притащился горбун седовласый» («На горах»). Однако божественное начало приобретает не великан или горбун, а именно *поэт*.

Поэт находится на пике горы, приближен к небу. Белый поднимает тему божественного призвания поэта, причем не просто поэта, а *поэта-пророка*. Интертекстуальность создается не только приемом заимствованных цитат, но и принятием смысловых систем. Поэт Белого становится поэтом именно благодаря священному безумию, которое послано Богом. Поэт — это медиатор, посредник между богом и людьми, он сродни пророку и шаману, который также является проводником воли Бога, находясь в иступлении. Белый словно дает свою интерпретацию пушкинского «Пророка»: «Я блуждаю в горах, позабытый, // в тишине замолчавший пророк». Интересно заметить разницу между пушкинским пророком и пророком Белого. К последнему является великан, который «грознится сквозь мглу». В литературе, как правило, великаны имеют функции чудовищ-«вредителей», их роль выполняют злые духи или враждебные народы. К пушкинскому же поэту является посланник от Бога — «шестикрылый Серафим», который помогает поэту вдохновиться, обрести дар зрения. Его пророк не чувствует себя оскверненным обществом, не равнодушен к происходящему вокруг. Пророк Белого тоже не равнодушен; однако он боится, ему страшно: «Я кричу, что осилю все кручи, // не отдам себя в жертву я злу». В традиции XX века для поэтов было присущим отстаивать свое место в литературном мире, поэтому Белый произносит эти слова, которые, по его мнению, возвышают героя, приравнивают к «новому Христу». Взаимодействие смысловых систем А. Белого и смысловой системы А. Пушкина приводит к приращению новых смыслов.

Интертекст — система текстов, втягивающихся в пространство того или иного текста [2, 131]. Строка уже из второй части «Возмездия» («И все выше и выше всхожу я, // и все легче и легче дышать») сочетается с цитатой из стихотворения К. Д. Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени» («И чем выше я шел, тем ясней рисовались, // Тем ясней рисовались очертанья вдали...») Здесь идея соотношения лирического «Я» поэта и символа Солнца как воплощения личностного, индивидуального начала и в то же время жертвенного, творящего, жизненно необходимого для других. Бальмонт словно ощущает себя полномочным представителем жизнотворческой энергии Солнца среди людей, чувствует в себе силы изменить мир, сделать его лучше, осветить творческим горением. Таковы и амбиции Белого: «Слишком рано я к спящим воззвал».

Поэт Белого становится равным Богу:

«Острым тернием лоб увенчайте!

Обманул я вас песнью своей.

Распинайте меня, распинайте.

Знаю жаждете крови моей»

Белый развивает тему божественного признания поэта-пророка. Он обычный человек, но в то же время уравнивается с Богом. Белый много увлекался творчеством Р. Штейнера, знаменитого мистика, доктора философии, педагога, который в «Очерке тайноведения» писал, что космическая миссия Христа является в своем откровении высоким солнечным существом, на которое можно указать при описании развития импульса Христа. Можно привести много примеров произведений с действующим лицом в качестве Иисуса Христа, но по смысловому компоненту к «Возмездию» А. Белого приближена именно поэма А. Блока «Двенадцать». Для А. Белого, как и для А. Блока, образ Христа — символ нового мира. В данном случае интертекстуальные отношения уникальны в функциональном плане. Этот фрагмент интертекста Белого является *спонтанным*, то есть не поддерживается переводом или новой редакцией текста; нет «плагиата». Белый адаптировал текст.

Вместе с образом Христа появляется образ черного ворона: «лишь умру, — стая воронов черных, // что кружилась всю жизнь надо мной». Примечательно, что символ ворона в древнем Китае ассоциировался с соляным символом. Однако в русском представлении, ворон — кровожадный хищник, который питается падалью [5, 125]. Белый проводит связь с толпой: люди осуждают, обсуждают, критикуют, злословят, не понимают. Устойчивую связь образа ворона с смертельным кодом можно подтвердить, если обратиться к стихотворению Эдгара По «Ворон». Птица символизирует отчаяние, возрастающее, накаляющееся, отчаяние души. Явление ворона — показать трагический удел человека в мире, обречённость на вечную и безнадежную борьбу со своей памятью и в итоге с самим собой. Ворон — это связь со смертью и миром мертвых. Отсылку к похожему образу мы наблюдаем в произведении «Слово о полку Игореве»: «Но часто вороны граяли, // трупы между собой разделяя». Черный цвет и у Белого, и в древнерусском искусстве связан со злобой и печалью. В «Слове» половцы — «черные тучи» и «черные вороны», в «Возмездии» толпа — «стая воронов».

Интертекстуальность — перенесение свойств и признаков одного текста на другой; устройство, «перезаписывающее» текст. Толпа Белого соотносится с толпой Пушкина («Поэту»): «Услышишь суд глупца и смех толпы холодной...». В данном случае Пушкин обращается к образу толпы, оскорблявшей Иисуса Христа в его пути на Голгофу.

Поэт в «Возмездии» погибает. Однако если рассмотреть точку зрения Джон Ф. Адамса, исследователя творчества Эдгара По, можно предположить, что наоборот, образ ворона предвещает «воскрешение» поэта, новую жизнь. Ворон здесь как знак надежды, символ «завтра».

Такое определение можно объяснить тем, что звук «кар», создаваемый птицей, имеет схожее звучание с греческим существительным «сав», что значит — «завтра».

«Завтра» будут помнить творчество поэта. По мнению Белого, поэт равносильен Божьему творению, он — гений и потому не как все. «В очах людей читаю я // Страницы злости и порока» — писал Лермонтов в «Пророке». Поэт должен выполнять свое предназначение: бороться, не отступая от миссии, предпочитая «торжество» народных масс. Истинное творчество требует отчуждения окружающих: «Смотрите, как он наг и беден, // Как презирают все его!» Аллюзия с «Пророком» Лермонтова показывает смысл выбранного Белым названия для стихотворения.

«Возмездие» — отплата, кара за преступление, за зло (С. И. Ожегов). Сама природа «возмездия» относится к «книге книг» Библии — Священное писание показывает, что в разных случаях слово имеет не одинаковые значения: либо «наказание», «месть», либо «награда» [1, 10]. Оно зародилось в Ветхом Завете и перешло в Новый Завет. При этом Возмездие связано со Страшным судом человека перед его уходом в Вечность; это Божье Воздаяние за грех. Именно этот суд решит исход души человека, ее судьбу. По христианским канонам, жизнь, прожитая по закону Божьему, способна преодолеть смерть, перейдет в жизнь вечную. Идея возмездия служит искуплением не

только за совершенные деяния, но и за имение и ношение самое *мысли* об этом деянии.

Белый говорит о сущности своего дара — *быть поэтом*. Осознание долга, своего избранничества приводят к мысли о неразрывности проклятия; дар поэта хранит как добро, так и зло. Возмездие Белого в том, что он, осознавая дар поэта, не отрекся от индивидуализма. Для него личное «Я», что объясняется его отношением к течению символизма, перекрывает общее «мы». Индивидуалистический аспект возмездия перечеркивает гражданский долг.

Таким образом, благодаря явлению интертекстуальности раскрываются многие смыслы стихотворения А. Белого «Возмездие». Интертекстуальность это не только применение цитаты как готового речевого образования, а также крылатых слов, но и аллюзий. Именно цитата позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой [2, 137]. Благодаря же аллюзии можно проследить обращение автора к смысловому содержанию других произведений. Интертекст — новая реальность, которая позволяет «переработать», обогатить художественный опыт предшественников в силу требований времени. С помощью интертекста А. Белому удалось в одном лаконичном произведении соединить большое количество смыслов, образов, что стало доступным благодаря использованию аллюзий.

Литература:

1. Дорничева Д. В. О происхождении и эволюции идеи Возмездия в поэтическом сознании А. Блока / Д. В. Дорничева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2009. — № 5. — С. 9–15.
2. Еременко Е. Г. Интертекстуальность, интертекст, и основные интертекстуальные формы в литературе / Е. Г. Еременко // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. — 2012. — № 6. — С. 130–140.
3. Круглова Т. С. Специфика адресации в книге стихов Андрея Белого «Золото в лазури» / Т. С. Круглова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — № 11. — С. 132–137.
4. Петрова Н. В. Различные подходы к определению интертекстуальности / Н. В. Петрова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 7. — С. 131–136.
5. Тропкина Н. В. Образ ворона в китайской и русской поэзии / Н. В. Тропкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2014. — № 7. — С. 124–127.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Представления о «локализации» эмоций в средневековом языковом сознании (на материале средневековой немецкой литературы)

Заяц Ирина Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права

Исследования эмоций и отдельных эмоциональных концептов, осуществляемые лингвистами и лингвокультурологами в рамках разных лингвокультур, позволяет утверждать, что во все времена человеческое сознание стремится связать переживаемые чувства и эмоции с какими-либо частями человеческого тела, установить место их «локализации» внутри человека. Согласно исследованию М.К. Голованивской, в русском языке обычным местом «пребывания» эмоций считаются душа и сердце. Во французском языке к ним прибавляются еще и такие внутренние органы как печень и селезенка [3, с. 229].

О.Н. Кондратьева, на основе изучения концептов «ум», «душа» и «сердце» в аспекте диахронии, отмечает, что в древнерусской модели человека отсутствует четкое противопоставление органов интеллектуальной и эмоциональной сфер. Каждый из идеальных «органов» принимает участие и в интеллектуальной, и в эмоциональной деятельности человека [4, с. 20].

На определенном этапе развития человеческого сознания указание места локализации эмоций является не факультативным, а обязательным, единственно возможным способом обозначения внутреннего, эмоционального мира человека. В результате исследования произведений древнеанглийского эпоса, Н.Ю. Гвоздецкая выясняет, что существование группы эмоциональной лексики в языке древнеанглийского эпоса еще не сформировалось в достаточной степени, слова этой группы могли передавать значение чувства лишь при опоре на наименование психики (духа, души, сердца) [2, с. 55]. Наивное языковое сознание не может представить эмоцию как феномен психического плана, стремление к конкретизации этих сущностей приводит к тому, что каждой из них отводится определенное «место проживания» в человеческом теле.

По утверждению Б.П. Вышеславцева, понятие «сердце» занимает центральное место в мистике, религии и в поэзии всех народов [1, с. 62]. Сердце является олицетворением психической, духовной жизни человека. Естественно, что именно этот орган наиболее тесным образом оказывается связанным с эмоциональной сферой человека. Особая роль сердца в хранении и распределении чувств проявляется в его способности участвовать в образовании эмоциональной лексики. Это подтверждает факт

частого употребления слова *herze* в качестве первого компонента сложных слов, обозначающих эмоции, с целью усиления или подчеркивания искренности чувства: *herzevröude*, *herzewunne*, *herzeliebe*, *herzeleide*, *herzepîn*, *herzesmerze*, *herzenôt*, *herzeriuwe* и др. [6, s. 57].

Сердце оказывается одним из основных органов человеческого тела, способных испытывать эмоции: *des herze waere da gevreut; si waren mit ein ander do ir muotes unde ir herzen vro; des wart ir herzen dicke wê* [10]; *ir herze niht wan jâmers phlac* [12]; *des gewunne min herze groze swere* [11]. Кроме того, этот орган представляет собой своеобразное вместилище для чувств и эмоций. В качестве языковых маркеров подобных отношений между объектами наиболее ярко выступают предлоги *in* и *ûz*, а также наречие *innerhalb*: *dorft er in sime herzen nimmer mer getragen so vil der hohen vreude; diu zôch ûz sinem herzen die fröude* [14]; *diu briuwet in ir herzen die senfte bi dem smerzen* [8]; *da truog er ime herzen lieb âne leit* [7]; *daz begunde se in ir herzen klagn* [12]; *er begunde... im sîn herze mûren // vil jâmerliche riuwe* [10];... *den tougenlichen ungemach // den innerhalb sîn herze truoc* [10].

Эмоция может быть близка сердцу: *swie nâ er (der kumber) minem herzen gê* [12]. Сердце, в свою очередь может быть метафорически погруженным в эмоцию и плавать в ней... *daz sîn herze in jâmer muose baden* [13];... *die sîn herze in jâmer souften* [13]. В некоторых случаях сердце начинает играть роль активного органа, регулирующего эмоциональную жизнь человека и распределяющего эмоции по своему усмотрению: *ûz freude in sorge jagete // mit kraft daz herze sinen lîp* [13].

Эмоции хранятся в глубине человеческого сердца. Самым «глубоким» местом их расположения представляется дно сердца: *dîn vart... kan mir senken // jâmer in mins herzen grunt* [10]. Вследствие этого, проявления различных чувств, например, поцелуи, также могут подниматься со дна сердца, подчеркивая при этом искренность самого чувства: *ein kus in liebes munde, // der von des herzen grunde // her ûf geslichen kaeme...* [8].

Языковое сознание наделяет сердце способностью реагировать определенным образом на то или иное эмоциональное состояние. Так, под воздействием эмоции горя сердце начинает прыгать в груди: *daz herze ir in dem libe*

spielt von sender jâmerunge [10], плакать, вздыхать: *ich sol... iuwer herze siuften lêren* [12]; *manegen sâft tiefen // holte si von herzen mit bitterlichem smerzen* [9]; *dâ weineten gemeine vil herzen...* [8], холодеет: *ir wart in deme libe kalt daz herze...* [10].

Некоторые отрицательные эмоции, например, горе, душевная боль изображаются при помощи описания различных воздействий на сердце, целью которых является причинение негативных, болевых ощущений этому важнейшему органу человеческого тела или его полная деградация. Так, сердце можно сломать, изранить, порезать, измучить, ослабить:... *und wie mîn herze sî versniten // nach ir vil sâezen minne* [10]; *nu hilf mir schiere, ê daz dîn minn // mîn herze und die fröude verkrenke* [14]; *dâ mîte ist versêret mîn herze* [14]; *und ime diu sâeze Minne // sîn herze und sîne sinne // mit ir begunde sêren...* [14]; *als ez uns danne riuwe birt // und innerhalb des herzen swirt // und toetet uns dar inne* [8]; *diu vorhte ir beider êren // diu begunde ir herze sêren* [8]; *du wilt mîn herze brechen* [9].

Сердце, в свою очередь, под воздействием негативных эмоций начинает страдать, может разбиться и даже умереть: *ir begunde ir herze quellen ...* [8]; *wan ez anders wunder waere // daz in ir herze niht zerbrach* [9];... *an wertlicher wünne lag ihr beider herze tôt* [10].

Сердце, являясь «вместилищем» эмоций, само оказывается заключенным в грудной клетке, которая также упоминается в связи с переживанием человеческих эмоций: *lust ûzen und innerhalb der brust*; *der jehe mir mêr noch flüste // dan herze under brüste ie getruoc...* [13].

Способность переживать радость и горе приписывается человеческому телу: *unser libes wünne*; ...*des vreute sich sîn lip*; *ez machet trûric mir den lip* [12]; *mîn lip wirt gesehen in den sâezen sûren arbeiten* [14]; *daz ist nu gar verwildet // mînem seneden klagendem libe* [14]; *diu versûmde riuwe und sîn grôziu triuwe...*, // *der jâmer nâch dem wibe, // die benâmen sînem libe // vil gar vreude und den sin* [12]; *sî began... ûzen an ir libe spehen den inneren smerzen...* [8]. Тело и сердце часто встречаются вместе, символизируя две стороны человеческого тела — физическую и духовную: *die lust des libes unde des herzen*; *ich bin sô gar an iuch verquoln // mit herzen und mit libe...* [10]; ... *hundert tûsent smerzen des libes unde des herzen* [8]. Противопоставление физического и духовного становится наиболее явным при попытке скрыть ту или иную эмоцию. Если в отношении тела, внешнего вида человека, скрыть эмоциональное состояние представляется вполне возможным, то наша внутренняя жизнь не подвластна контролю и саморегуляции: *se ûzen tougenliche ir minne hâlen an ir clâren liben, // und inne an den herzen verquâlen* [14].

Тело может не только испытывать те или иные чувства, но, в свою очередь, еще и вызывать их. Прежде всего, это касается тела прекрасной женщины, которая зажигает огонь в мужчине и своей недоступностью причиняет ему душевные страдания: *daz geine wîp, der leben und // der sâezer lip mir gît so herzeclichen pîn* [10]; *wie man sô grôzen smerzen // ir vil saelic lip gegeben!* [10]

Очень тесной представляется связь между переживанием эмоций и человеческой душой (*muot*). Представляя собой метафизическую сущность, душа, тем не менее, обладает способностью радоваться, страдать и испытывать на себе влияние данных эмоций: *der mut wart vro*; *den zwein gelieben waere wol und sanfte in ir muote*; *sînes muotes wart er so geil*; *mit vroelichem muote*; *geniete sich eren unde guotes und vroeliches muotes*; *nu habet vroelichen muot*; *diu maget wart riches muotes*; *von dem gedanken wart si do vil ringes muotes unde vro*; *mîn sender muot // nach iu muoz grôzen kumber doln* [10]; *daz beswaeret ime den muot* [8]; *mit tougenlichem smerzen // ir muotes unde ir herzen...* [8]; *lameir, daz swaeret mir den muot* [8]; *des sorget in der mut* [7].

Неслучайно, лексема *muot* весьма активно участвует в образовании сложных слов и словосочетаний, обозначающих радость и горе: *gemuotheit* — *fröhsinn*; *hochgemüete* — *freudiger sinn*, *fröhsinn*; *hochmuot* — *freude*; *ringer muot* — *leichter*, *fröher*, *sorgloser sinn*; *vröudenmuot* — *freudiger sinn*; *muotriche* — *freudenreich*, *wohlgemut*; *muotsaelic* — *innerlich beglückt*, *erfreut*; *schwaermüetic* — *gedrückten mutes*; *unmuot* — *zorn*; *betrübnis*; *schrecken*; *leitgemuot* — *schmerzerfüllt* [6].

В ряде случаев в том же значении, что и лексема *muot* выступает слово *sinn*: *vroelicher sinn*; *sîne gedanke und sîn sin // die wurden swaere der van* [8]; *und ime diu sâeze Minne // sîn herze und sîne sinne // mit ir begunde sêren...* [14].

Переживание эмоций часто определенным образом связывается с глазами человека. Очень велика роль визуального восприятия в возникновении эмоции радости. То, что является приятным для глаз, чаще всего вызывает у нас положительные эмоции, и наоборот, то, что ассоциируется в нашем сознании с эмоцией радости, скорее всего, покажется нам привлекательным на вид, (если оно физически воспринимаемо). Исходя из этого, глаза также наделяются способностью радоваться: *si ergtöuweten ouge* [8]; ...*und swaz dem ougen lieben sol* [13]. Неслучайно встречаем мы в средневерхненемецком языке следующие лексемы: *ougenweide* — *erquickung für die augen*; *ougenpil* — *augenwonne*; *ougenhouwe* — *augenweide*; *ougenweide* — *augenwonne* [6, s. 214].

Таким образом, к основным частям человеческого тела, ассоциируемым с переживанием тех или иных эмоций, относятся сердце, тело, глаза и метафизическая сущность — душа человека.

Распространенным явлением в средневерхненемецком периоде является употребление частей человеческого тела вместо обозначения самого человека: *kein edel herze sol verzagen!* [10]; *manec herze und ouge nam ir war* [8]; *si (Isôt) bar vil manegem herzen tougenlichen smerzen* [8]; *dâ weineten gemeine vil herzen und vil ougen...* [8]. Эту особенность средневерхненемецкого периода отмечает Х. Бринкманн [5, s. 347–349]. При осуществлении подобной замены на первый план выходит не человеческая личность, а та или иная функция, выполняемая соответ-

ствующим органом. Так называемый «функциональный подход» (funktionale Auffassungsweise) заключается в том, что ответственность за действия самого человека возлагается на отдельные органы его тела. Так, рот ответственен за смех, просьбы, поцелуи, сердце — средоточие духовной жизни, уши и глаза воспринимают происходящее и т.д.

Этот прием используется средневековыми авторами для того, чтобы отвлечь внимание читателя от личности человека и собственного авторского «Я». Причиной этого, по всей видимости, является господствующее долгое время в средневековой литературе невнимание к человеку как самостоятельно действующей и чувствующей личности.

Литература:

1. Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 62–88.
2. Гвоздецкая Н. Ю. Субъективный и объективный компоненты в древнеанглийских наименованиях горя // Ди-ахроническая контрастивность германских языков. — Тверь: ТГУ, 1991. — С. 50–59.
3. Головановская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. — М.: Диалог МГУ, 1997. — 279 с.
4. Кондратьева О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум): Автореф. дис. канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004. — 24 с.
5. Brinkmann H. Studien zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. — Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1965. — 2 Bänder — 853 S.
6. Matthias Lexers mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. — Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1962.
7. Das Nibelungenlied // http://www.fhaugsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/12Jh/Nibelungen/nib_intr.html
8. Gottfried von Straßburg. Tristan. // http://www.fhaugsburg.de/~harsch/germanica/Ch.../got_tr00.htm
9. Hartmann von Aue. Der arme Heinrich. Zehnte Auflage. — Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1953
10. Konrad von Würzburg. Herzmaere // http://www.fhaugsburg.de/~harsch/germanica/C.../kon_herz.htm
11. Von sente Brandan // http://sunsite.berkeley.edu/~khasting/brendan/brendan_gmh.htm
12. Wolfram von Eschenbach. Parzival // http://www.fhaugsburg.de/~harsch/germanica/C.../wol_pa00.htm
13. Wolfram von Eschenbach. Willehalm // http://www.fhaugsburg.de/~harsch/germanica/C.../wol_wi00.htm
14. Wolfram von Eschenbach. Titurel // http://www.fhaugsburg.de/~harsch/germanica/Ch.../wol_ti00.htm

Проблема национальной идентификации героев романа Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой»

Мельникова Любовь Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель

Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

В статье рассматриваются особенности национальной идентификации героев романа Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой». Выводы, полученные в результате образного анализа, указывают на наличие в художественном мире анализируемого произведения персонажей, совмещающих в себе одновременно немецкое и русское культурные начала.

Ключевые слова: Г. Бёлль, «Групповой портрет с дамой», ментальность, культурные ценности, национальная идентификация

Россия и русская литература были предметом особого интереса Г. Бёлля, которого называли «самым русским» из всех немецких писателей [2]. Роман «Групповой портрет с дамой» можно назвать самым русским в его творчестве. Главным мужским персонажем в нем является русский военнопленный по имени Борис Львович Колтовский. Его национальная принадлежность сразу же акцентируется нарратором, который ведет на протяжении всего повествования диалог с воображаемым читателем и пре-

дугадывая реакцию последнего, задается вопросом: «Почему главное действующее лицо в этой книге не немец?» [1, с. 169]. И тут же отвечает на него: таково было желание главной героини Лени Пфайфер. Таким образом, уже в начале представления персонажа особо подчеркивается тот факт, что он «не немец». Тем самым в романе поднимается проблема взаимоотношений русских и немцев, которая в XX веке обладала злободневностью и актуальностью и неоднократно становилась объектом изучения.

Особое место среди научных работ, посвященных этому вопросу, занимает «Вуппертальский проект» Л. З. Копелева, который представляет собой многотомный труд, отразивший не только развитие российско-германских международных отношений, но и взаимодействие двух народов на протяжении IX — XX столетий. Генриха Бёлля с Львом Копелевым связывала многолетняя дружба. Последнее обстоятельство отчасти объясняет, почему в романе именно этого немецкого писателя появляется герой, который будучи носителем русской ментальности, принимает и усваивает немецкие культурные ценности и относится к ним с уважением и любовью, даже находясь в германском плену во время Второй мировой войны.

Ментальность определяют как «относительную целостность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества» [3, с. 238].

К числу типичных русских ментальных качеств относятся душевная открытость, щедрость, надежда на «авось», отсутствие национального эгоизма, религиозность, смирение, созерцательность [4]. Из перечисленных характеристик к Борису в анализируемом романе применимы последние четыре.

Стремящийся к объективности повествователь тщательно изучает его личность, в том числе и на предмет ответственности «немецкости». Типично немецкими ценностями и качествами исследователи считают надежность, порядок, прилежание, перфекционизм, пунктуальность, дисциплину, бережливость [6, с. 133].

Руководствуясь объективными данными, нарратор первоначально в вышеназванном аспекте смог установить следующее: 1. Борис обладал знаниями почти в объеме немецкого аттестата зрелости; 2. Будучи еще совсем молодым, он уже читал Гегеля по-немецки (причем пришел не от Гегеля к Гёльдерлину, а, наоборот, от Гёльдерлина к Гегелю). На основании этого повествователем делается вывод о том, что «Борис не намного ниже Лени по образованности <...> как любовник был её достоин <...> вполне её стоил [1, с. 172].

Субъективными источниками информации о «немецкости» Бориса для повествователя служат так называемые свидетельские показания, полученные им в результате его бесед с непосредственными очевидцами жизни изучаемого им героя, особенностями которого являются:

- 1) хорошее, четкое, громкое немецкое говорение с безукоризненным произношением;
- 2) фантастическая любовь к порядку;
- 3) организаторский талант;
- 4) образованность;
- 5) способность сохранять внутреннее равновесие;
- 6) знание немецкой поэзии, мещанской литературы, большого количества народных и детских немецких песен;
- 7) любовь к пению, желание исполнять немецкие песни во время работы в мастерской по плетению венков в статусе военнопленного. Вокальный талант Бориса получает высокую оценку со стороны других героев, которые отмечают, что исполнение Колтовским арий из опер Карла Марии

Вебера, «Аделаиды» Бетховена было безукоризненно и в смысле вокала, и в смысле произношения» [1, с. 230].

Совокупность данных характеристик в образе Бориса способствует не только изменению отношения других персонажей к этому герою, но и в ряде случаев к перемене их политических взглядов. Например, глава мастерской, в которой работал Колтовский, Пельцер констатирует: «Именно Борис открыл мне глаза на все эти расовые теории и прочий бред; настоящие недочеловеки были те, кто их придумал» [1, с. 294].

Названным героем также дается оценка поведения Бориса: «... я лично не вижу ничего плохого в том, что советский человек до такой степени дорожит нашей культурой» [1, с. 230];

В результате этого в романе возникает проблема национальной идентификации данного персонажа, которая предполагает соотнесение с культурной традицией [9, с. 75]. Борис демонстрирует прекрасное знание немецкой культуры, но самого себя отнюдь не отождествляет с немцем. Он представляет собой тип героя, органично синтезирующего русские и немецкие культурные ценности. На его примере Г. Бёлл предлагает вариант решения проблемы взаимоотношения русских и немцев на уровне обычных, рядовых людей. Искусственность положения Бориса в военной Германии подчеркивается наличием у него покровительства некоего высокопоставленного лица из военной промышленности, из беседы с которым повествователь узнает, что именно последнее помогло Борису приобщиться к немецкой литературе.

В то же время образ этого русского героя содержит отсылки к персонажам русской классики, например, аллюзии на князя Мышкина [7]. Вместе с тем его увлечение Клейстом, Гёльдерлином, мечтательность, некоторая оторванность от действительности усиливают сходство с немецкими романтическими героями. Немецкий романтизм становится одним из формообразующих начал его личности.

Проблема сочетаемости «русскости» и «немецкости» затрагивается в образах немецких филологов-славистов, к анализу которых мы уже обращались [8]. Финансовый служащий Шольсдорф обладает хорошим знанием русской литературы XIX века, именно он становится разоблачителем аферы с «мертвыми душами», предпринятой одним из персонажей Груйтеном. В качестве мертвых душ — рабочих военнопленных, существующих только на бумаге, — выступают русские писатели, в произведениях которых встречаются герои немцы: Пушкин (Герман), Гоголь (Гибнер), Гончаров (Штольц), Толстой (Карл Иванович). Вне этого списка называются И. С. Тургенев и А. П. Чехов. Описывая недоумение Шольсдорфа, возмущенного этим кощунственным с его точки зрения поступком, повествователь особо выделяет в списке имя Лермонтова: «<...> меня просто взорвало: Лермонтов — подневольный немецкой строительной индустрии в Дании! Пушкин, Толстой, Разумихин и Чичиков месят бетон и хлеблют баланду! Гончаров с Обломовым копают землю лопатами!» [1, с. 145].

Г. Бёлль, по его собственному признанию, был знаком с творчеством этого русского классика, в произведениях которого «немецкое» также соприкасалось с «русским». Отчасти это объяснялось его биографией. Няня Лермонтова была немкой, немецкий язык писатель знал в совершенстве и читал немецких авторов в подлинниках. В романе «Герой нашего времени» представлен образ врача Вернера, который отмечен признаками взаимопроникновения русского и немецкого культурных начал, что обозначено в том числе и в его фамилии, которую рассказчик сопровождает следующим комментарием: «Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец» [5, с. 75]. Его внешность вызывает ассоциации с Байроном, молодежь называет его Мефистотелем, что усиливает погружение образа этого героя в немецкую литературу.

Таким образом, в романе «Групповой портрет с дамой» Г. Бёлль обращается к проблеме взаимоотношения русских и немцев в критический момент межгосударственных отношений — Второй мировой войны. Одним из средств преодоления возникшего барьера в межкультурной ком-

муникации представителей двух стран в этот период становится литература, знание которой в ряде случаев может способствовать национальной идентификации героев. Культурная традиция, литературное наследие другой страны продолжает оставаться предметом взаимного интереса и изучения даже в условиях военного конфликта. Это подтверждают образы русского военнопленного Бориса Колтовского и немецкого филолога-слависта Шольсдорфа. Национальная принадлежность, историко-политическая ситуация не становятся для них барьером, отделяющим их от культуры другой страны. Образ Бориса можно рассматривать как попытку Г. Бёлля представить тип идеального героя, объединяющего в себе русские и немецкие культурные, ментальные начала и ценности. Однако он не выдерживает испытания германской послевоенной действительностью и погибает. Образ же влюбленного в русскую литературу филолога Шольсдорфа остается в романе до конца повествования и служит выразителем оптимистических взглядов Г. Бёлля на дальнейшие перспективы русско-немецких культурных и литературных контактов.

Литература:

1. Бёлль Г. Групповой портрет с дамой. пер. с нем. Е. Е. Михелевич. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с
2. Генрих Бёлль: самый русский немецкий писатель [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.dw.com/ru/генрих-бёлль-самый-русский-немецкий-писатель-/a-3871199> (дата обращения: 25.11.2017).
3. Гуревич П. С. Культурология. М.: УИЦ Гардарика, 1999. 278 с.
4. Думнова Э. М. Специфика русского менталитета в социально-философских концепциях XX века // Омский научный вестник. 2013. № 3. С. 85–88.
5. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Княгиня Лиговская. М.: Дрофа, 2006. 253 с.
6. Медведева Т. С. Ценности немецкого народа: история и современность // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2010. Выпуск 3. С. 130–134.
7. Мельникова Л. А. Ф. М. Достоевский и Г. Бёлль: к проблеме литературных влияний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–1 (31). С. 94–99.
8. Мельникова Л. А. Немецкие филологи и русская литература в романе Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 28. С. 215–220.
9. Полева Е. А. Национальная самоидентификация героя в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 4 (8). С. 75–86.

Association with the epos tradition of ancient world – trial for the search for eternity of Gilgamesh and Alexander

Mete Khalida Ali kizi, PhD in philology
Ganja Branch of Azerbaijani National Academy of Sciences

The study includes the quest for immortality of mythic folk heroes — the earliest king heros of history Gilgamesh and Alexander the Great, the association of the immortality with Prophet Noah and Prophet Khidr, and in general, immortality in ancient myths and the trials that the hero faces on the search for it.

Keywords: Alexander, Gilgamesh, Khidr, eternal life, elixir of immortality, immortality, folklore, Sumerian, epos, trial

Statement of the problem: Ancient Greek philosopher Socrates, still in the fifth century BC, confessed and declared (the conversation is described in the Fedon) that he

primarily saw the assignment of philosophy in a person's preparation for death. However hard a human being tried to live, to create, to obtain wealth and to master countless pos-

sessions, it is impossible for his body to remain unshaken and his soul to remain unshattered at the thought of the arrival of death at the end of life about which he has no exact information. These kinds of uncertainties until now have provoked thoughts of millions of people, explorers and researchers who have come forward with various conclusions about «the other world». However, no tangible proofs regarding the life after death have been acquired except for the rotten bodies under the ground. The fear of death has sometimes pushed world rulers and brave, fearless fighters to such an edge that they have done their best to search for ways of attaining eternal life.

Purpose of the work: Even the earliest king hero of the world Gilgamish (referred to as Gilgamish, Gilgamesh, Bilgamish, Bilgamush in different sources) «roams about the world» in fear of death:

“Utnapishtim told him, to Gilgamish:

«Hey Gilgamish, why did you fall into misery when you are the son of god? Why are you defying the predestination of gods and people? Your father and mother always showed you only good things. Hey Gilgamish, why did you become a fool? The angry death always follows people creepily from behind. At some point we build houses, sign papers, divide the inheritance between brothers, then a day comes when these brothers start fighting for wealth... The stolen and the dead are the same. Death has no shape. You, son of Adam, you humanbeing; After blessing me (*as we will see below, Uptatishtim received an exceptional treatment, and she was given an endless calmness; however, since then no another person was able to gain such an attention from gods.*), great gods Anunnaki (*These are underground gods unlike heavenly gods. (Prof. Landsberger)*) came together. The writer of destinies goddess And (*The symbol of unchangeable destiny. Whoever commits a sin, he is considered to have broken the promise. People are sinful by nature, so their destiny changes. (Prof. Landsberger)*) defined the destinies with them. They defined death in tandem with life; they kept death a mystery though» (16, s 45).

Hero Gilgamish who is the fourth king of the first city of Sumerians after the Noah's flood who reigns «the city of the gifted». Gilgamish who is the happiest king of the most beautiful city where writing was first invented, where the first school teaching to read and write opened, where the first clay tablets were created, where the first chariots were made, where the first plow and ox-driven plow was used in crop harvesting, besides, where gardens were grown and fabrics were weaved... As soon as he came to power, he built a big wall around the city to protect it from enemies. Such a wall through which no enemy could easily enter the city. Such a wall that no one would believe was built by humans. The foundation of it will be thought to have been put by the seven Erudites (*According to the Sumerian belief the seven erudites — who were the disciples of the underground drinkable water god Ea, and according to the very ancient beliefs kings of the Sumerians — came out from under the seas and scattered to the cities to teach the people civi-*

lization, that is culture. The Storm Hero took them into his boat, and they started teaching civilization to people again after the storm.)

«Yet it was me who did it. Me, King Gilgamish. Amma *būtūn* bunları mən etdim. Mən Kral Gilqamış. I put the blue foundation stone with my name on it as the founder in an untouched box with a bronze lock in the foundation of the city wall» says Gilgamish: «Let everyone see that no other king is capable of doing this but me». But Gilgamish would not suffice with anything. He always kept on trying to do something for his people. We can clearly see it in his conversation with his closest friend Ehgidu: «At the end I will die just like everybody. Before I die I want to do something for my people that will make them happy, and make my good name live forever.» There exists only one thing that desparates, scares and strays Gilgamish who constantly tries for the welfare of uruq people, who is even capable of killing the wolf of the land of immortals Humbabay. The fear of death! (17, s.5–7).

Thus this issue is yet raised as a problem in the oldest first book of the world. Gilgamish whose two-thirds is god and one-third is human wants to comprehend the secret of death. The death of Engidu who was the only coequal of him by his strength and power mourns him, and at the same time he gets fills with fear of death which triggers him start searching the eternal life by willing to risk everything and enduring countless sufferings. In fact, this motive is very common in Turkic fairy-tales, epos and legends. We see the most striking example of this in the fairy tale, legend, narration and sayings related to Alexander. The traces of Gilgamesh are strikingly visible in the creation of legends about Alexander. Alexander is also the greatest ruler of the world. «Alexander became such a king that his name spread all over. Alexander received taxes and tributes from seventy-seven countries. And when all the kings heard his name, they trembled» (6, page.136–142). According to some sources, Alexander is a world-renowned scholar who has risen to the level of prophethood and understands all languages.

According to historical sources Alexander the Macedonian, Alexander III Great (*Alexander Magnus*, and in Islamic East *Alexander Zulkarneyn*, 356 BC — 323 BC) — is a prominent commander and state figure of the ancient world is a disciple of Aristotle. He was born in Pella, the capital of ancient Macedonia, and according to a legend, Herostrat burned the temple of Artemida in Ephesus, one of the seven wonders of the ancient world on the day he was born.

Traditionally, the Macedonian rulers, including Alexander, claimed to have taken their offspring from Heraclus, a mythological hero. According to the legendary version put forward by Alexander himself, his true father was Egyptian Pharaoh Nektaneb II. Alexander who came to power after his father Philip was killed, suppressed the rebellions against the Macedonian rule in Greece, Fracia, and Illyria, putting an end to the struggle for power in Macedonia. A great state emerged which bordered with the Balkans in the west, India in the east, Egypt in the south and the Black Sea in the north. But the new state created by him was relatively progressive

compared to the Achaemenid state. After the death of Alexander, a number of Hellenic states emerged in the territory of the state that he had created.

Alexander's military campaigns were a high stage of the ancient Greek military art. Alexander the Great increased the striking power of phalanx by multiplying their density, by developing the cavalry into the crucial striking and maneuvering force, using new type of cavalry (capable of fighting as cavalry and as infantry) and other important innovations.

Based on all these enumerated examples, it can be stated that both heroes are half-humans and humans who have the power to rule the world. They are also powerful and strong. However according to legends and epics, both have fear of death. Both of them have the desire to live forever. It is extraordinary that in both opuses they must go to the underworld of darkness to look for eternity. And in both eposus this erudite of the eternal life lives in waters.

Generally, water is regarded as sacred in Turkish folklore. Talking about voodoo-shaman and the messages he spread let's remember the tradition-story which has the same tone as (has things in common with) a myth. The most common story about shaman is the story of «Shaman's torture». In a number of versions of the tradition-story «Shaman falling ill». In a number of versions of the tradition-story «Shaman falling ill» it is narrated that shaman-voodoo falls into troubling condition and goes to the river bank, falls to the ground face down, and foam comes out of his mouth. He remains in this position for some time. After he regains consciousness he becomes a shaman — writes poetry and plays the saz. Let's pay attention to one issue here. The future shaman falling face down in the river (water) and sleeping is not an ordinary coincidence. It is connected to the ancient mythological thinking and the Turkic people considered water as one of the elements of the beginning. That's why the shaman falls ill by the beginning, thus asking it for help. Let's have a look at another stance in the tradition-stories. Shaman falls to the ground and remains in this position for a while. It is connected to the sacredness of the soil. Soil was regarded as mother (woman) in Turkic nations. The shaman of the future takes refuge in water and soil — Earth — a great, sacred mother, and with their help, gains the talent of a shaman. Hence, shaman who is the master of poem and saz of the future, who drives out the trouble and illnesses has created faith in water and Earth (10). In Koroghlu epos of Azerbaijan as well, the water of the Goshabulag (double spring) gives a strong voice and a lot of power to Koroglu, and makes him a true lover. In general, water in epics gives a talent to sing and compose poems (9, p.231).

It is clearly visible from the cited examples that the attitude of Turkic peoples, including of Azerbaijani people to water and soil has been a ground for water and soil to become sacred. In this regard Ayat 6 of Surah 86 — «Al-Thariq» (The Nightcomer) of the Holy Quran says «He was created from a gushing water». In Ayat 11 of Surah 35 «Fatir» (The Originator) of the Noble Quran it is written: «And Allah did create you from soil; then from a drop; then He made you in pairs.»

(8). Thus, these early worship objects have been associated with the creation of humans in the sacred scripts as well.

We see Gilgamesh and Alexander by water, at the edge of the sea while looking for immortality. In Gilgamesh the road to immortality, the distance which he will cover in order to reach Utparishitim (in Sumerian-Zivsudra) who will tell him the mystery of eternal life, is again going through the sea. The very Utparishitim who acquired immortality after the storm created by the gods in ancient times to perish humans. In the epos, while passing through the underground world of darkness and approaching the sea, Sakiye (Siduri), the owner of the drinking house, tells Gilgamesh:

«Gilgamesh, has not been such a passage up to now. No one has been able to cross the sea since old times. The only one who has gone beyond the sea has been brave Shamash. Who can go beyond the sea but Shamash? It's dangerous to cross the sea. The sea route is tough. Even if you cross the sea, even if you reach the water of death, what will you do after that? Gilgamesh, there is a man there called Urshanaby who is Utnapishtim's sship captain. There are the Tashtankies with him (*it is unknown what Tashtankies are; but the context gives us a probability that they are oarsmen. Because a drop of the water of death is enough to kill a himan. Indirectly, perhaps stone oarsmen were used to cross the sea (Prof. Landsberger)*). Urshanabi collects lizards in the forest. You must find him yourself. If you find him, cross the sea with him, if you fail to find him, come back!» (16, s.43).

In order to find Khidr, Alexander too, must go to the place where two seas meet, where the dead fish come alive. In one of the versions of legends and fairytales about Alexander's journey to the world of darkness in order to find Khidr the old man who shows him the way is a wise old man:

— Then you will come across a dark mountain where there is a spring; take a dead fish with you, and throw the dead fish into the water; if the fish comes alive, that means you have found the water of vitality (6).

In another version the person who guides him and even accompanies him is Khidr. In another version Khidr who accompanies him in his search for the water of vitality is fortunate to be able to drink the water, but Alexander is not (1).

Looking at Khidr's functions in folklore, it turns out that this water does not merely give immortality, it also gives the person who drinks it (Khidr) the knowledge of wisdom science, information about the unperceived and many other characteristics. According to Sumerians, wisdom is located at the bottom of the water. Therefore, the Sumerians are obliged to Ehya (underwater god) for all the knowledge they possess. Eya was considered the protector of art, wisdom, and science. According to Sumerians, the writing was invented thanks to Eya. Eya's intellect allows humans to master the secrets of the underworld and the sky. Eya knew the cure for diseases, unhappiness and other adverse events. The secrets of sorcery and so on were known to him. People went to him for help and advice. According to an epic fable about the creation of the world, Eya created people from clay and gave them life with the blood of the dragon King. The epos about

Gilgamesh shows that Eya made a cunning attempt to prevent the destruction of people by the order of Enlil. Eya was told not to tell people that they would perish. Eya also swore with gods that she would not tell people. But Eya found a way out. He told his mystery to Utnapishtim through a reed hut. (15). In fact, Eya's many functions overlap with the Khidr's functions. As for the description of the waters of eternity, we should note that this water is located between the two seas. This is the same place that is shown in the Holy Qur'an. This can be supposed to be called so based on verses of Sura 18 al-Kahf (Cave). So that Verse 60–61 says that Prophet Musa's young friend Joshua-Ibn Nuna says that he will not return unless he meets the two seas to meet Khidr. So, to meet Khidr, Moses must go to the place where two seas meet. On the other hand, the verse also clarifies one point: «When they reached the two seas, they forgot their fish. The fish was resurrected and drifted into the water, and headed towards a ravine at the sea» (8, p.270).

In the example shown, the place of Khidr is depicted. The next verse points out their meeting. When Moses saw the fish resurrected, he said, «That's what we wanted, and he returned back to the joint of two seas tracing back their traces» (8, p.271). In some beliefs and sayings, the place where Moses and Khidr met and where the fish was resurrected is indicated to be what now is called Mount Xıdır Zhinda (This mountain is located in Siyazan in Azerbaijan, known in the geographical sources as Beshbarmak).

The mediator of the quest for immortality of the people is the vegetation of Utparishtim in Gilgamesh, although it is the water of eternity in Alexander. Utparishtim tells Gilgamesh the only way to get the eternal life is to obtain the magic flower at the bottom of the sea:

This is what Utparishtim tells Bilgamish:
 «Bilgamish, you covered many ways,
 Took a fire with your eyes,
 What can I give you to take along?
 Then listen to me,
 I'll reveal a secret
 I will tell you the the flower's hidden secret.
 This flower is at the bottom of the sea,
 Evergreen, and ceaselessly grows, you see
 Its thorns hurt your hands, wildflower
 If you are destined to get the flower,
 If you reach it somehow, sooth
 Look, that is the flower of youth,
 You will return to your youth» (3, p.96).

Although he obtains the flower, Bilgamish cannot use it. The snake that is attracted to the fragrance of the flower steals it, and changes its skin every year and gets younger. Bilqamis loses the chance of learning the mystery of eternal life (1, p. 78).

Why is it just the plant that rejuvenates the human? In order to answer this question, we should first note that the plant not dying, its fading in winter and reviving in summer, and similarly the person eating it and getting young after old age (naturally, this magic plant, in addition) is similar to that

of a human being after returning to the summer of his life is an understandable occurrence. This motif is also associated with the functions of Khidr (greening, the tree to which he touches gets green), which is a symbol of greenery in Azerbaijani and Turkish folklore.

One of the similarities in the two works is the approximately same function of Utparishtim who is everliving and rises to the level of god, and Khidr who has been blessed with «mercy and grace» by Allah. Here one of the heroes will be helped by Utparishtim which is actually the image of the Prophet Noah, who is commonly known by the history of religion and the legends. To whom Eya tells that it will be a storm, and advises her to take a couple of every living thing along with her on the ship. And he collects the creatures on the Arc and goes away. Utnapishtim said to him, to Gilgamesh:

«Gilgamish, I will reveal a secret to you. I will tell you the secret of gods:»

«Gilgamış, sənə gizli bir sirr açım. Tanrıların gizli sirrini söyləyim: Shurippak (located about 30 km northwest of Urugh, now called Fara), is a village you know, on the shores of the Euphrates. In ancient times, the gods loved this village. The gods came with the idea to cause a storm... Make a ship. Leave the wealth, look for life! Hate property! Get rid of it! Load from all kinds of living creatures into the ship... I took all my relatives, the herds, the sops and my people, the wild animals and the pets, and all the masters. Shamash gave me some time: When the rain started to fall in the afternoon, he would go to the boat and close the door. Time has come: heavy rain began to fall in the afternoon. The weather looked terrible. I got on the boat and shut the door.»

As you can see, all the events described here are quite similar to the narration of Noah and his ship. «Utnapishtim was a man before, but now, let Utnapishtim and his woman, be gods like us!» Utnapishtim sit down! Far away... where the river runs into the sea! (16, p.49). (That's exactly the point — it's getting immortal, sitting in the place where the rivers run into the sea.) So Noah-Utparishtim is immortal and knows the mystery of immortality. One of the points to be considered here is that he has been given divinity, and as according to ancient beliefs gods are immortal, he is immortal as well. But he can talk to people, for example, with Gilgamesh. This may be because he was a man before, and later was granted divinity. However, none of the sources after Gilgamesh have any information about Noah's immortality, who has the same function as that of Utparishtim. Neither in the examples of other folklore nor in religious sources we have not come across the idea that Noah gained eternal life. On the contrary Khidr in Alexander has not only been living with this characteristic in folklore, but it's also verified in the Holy Quran that he has been given eternal life. It is not only about knowing the vitality of water, or about his knowing the location of the source of vitality, it's also related to the to the ability to help out those who have gone astray and by the knowledge of the mystery science that has been given to him (tells the place of the world of darkness). Many

Jewish and Arabic sources claim that Khidr lived in Mesopotamia during the times of Prophet Abraham or Prophet Solomon, some of them claim he lived at the same time with Prophet Moses, or during Prophet Adam's lifetime and met with Imam Mahdi (pbuh) and Imam Ali. The original name is Belka bin Melkan, nickname is Abul-Abbas, and the descendant of Noah's son Sama (15). The same Belka whose name later underwent changed as Belya, Yelya, Elya, İlya, İlyas and Khidr, who has been the object of research by religious scientists, theologians, sometimes historians including specialists of folklore, who has penetrated into almost all the genres of many nations, including Turkic-speaking peoples and has been known by very important functions. (1, p. 127–128).

Scientific Conclusion: In fact, the specimen of the both scripts — Gilgamesh and in Alexander have the depiction of the same desire, and the presense of many similarities, even identities, show that the people wanted a lot from the closest to them heroes and mythical images, and tried hard to create

myths associated to them. The analysis of these works allows us to identify the relationship between the traditions of the peoples of the world, the similarities in the world, the hero's struggles and trials, what qualities he has to pass these trials, and the help of the extraordinary forces to the hero. This is the conclusion that comes out of not only in these works, it is generally the result of these types of works. Get immortal in this world with your deeds! At the end of Gilgamesh's or Alexander's samples, we can see that immortality will always remain a dream for the human being. Naturally, it is only characteristic for the space available and the highest chosen people in the presense of the Almighty will remain eternal. All scholars have explained it to people Adam from Haman, from Zoroaster to Nasimi. But the Lord has given immortality in this world until the Day of Judgment, for some of His chosen servants. Let's just say, but only until the Day of Judgment... Because all humanity will taste death as stated in the Noble Qur'an.

References:

1. Babayeva X. A. Azərbaycan folklorunda Xızır Nəbi (İlyas) obrazı (türk folkloru kontekstində): monoqrafiya. — B.: Çaşoğlu, 2013. — 174s.
2. Bilqamis dastanı / Azərbaycan Ensiklopediyası NPB. — B.: 1999. — 92s.
3. Bilqamis dastanı/ Tərcümə: İ. Vəliyev. — B.: 1985. — 102s.
4. Əfəndiyev P. Dastan yaradıcılığı. Filologiya fakültəsinin tələbələri üçün. — B.: ADPU, 1999. — 168 s.
5. Əlibəyzadə E. Türk-Azərbaycan bədii düşüncəsinin ilkin qaynaqları. — B.: Elm, 2007. — 188s.
6. İskəndər Zülqərneyn. Azərbaycan nağılları, 5 cildə. V cild. — B.: Şərq-Qərb, 2005. — s.136–142
7. Qədim Şərq Müntəxəbatı/ Tərcümə Səfərov N., Ağaoğlu E., Vəliyev İ. — B.: Şərq-Qərb, 2007. — 672s.
8. Qurani-Kərim: Tərcümə Z. Bünyadov, V. Məmmədəliyev. — B.: Azərənəşr, 1992. — 711s.
9. Seyidov M. Qam şaman və onun qaynaqlarına ümumi baxış. — B.: Gənclik, 1994. — 232s.
10. Сеидов М. Хызыр — продукт Тюркского мифологического мышления //Аз ССР ЕА Хябярляри. — 1980. — № 4. — с. 10–37.
11. <http://www.astrologyanalyst.com>
12. <http://az.sciencegraph.net/wiki/Mesopotamiya>
13. http://az.wikipedia.org/wiki/G%C4%B1lqam%C4%B1%C5%9F_dastan%C4%B1
14. <http://beyaz.az/oxu/page/7123/2/Mesopotamiya.html>
15. <http://kayzen.az/blog/1257/h%C9%99zr%C9%99ti-x%C4%B1z%C4%B1r%C4%B1n-izl%C9%99ri.html>
16. Gilqamis destanı PDF E-Kitab/Çeviren: Muzaffər Ramazanoğlu, 2015, 19 mart — <http://wwwseyyidin.blogspot.com/2015/03/gilqamis-destani-pdf-e-kitap-ceviren.html>,
17. Muazziz İlmiyyə Çığ. Gilqaməş. Tarihte ilk kral kahraman/ <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/129184/2eaec6f585b44ce3fc4d8eca9f579cf0.pdf?sequence=1>
18. <http://www.ntvmsnbc.com/id/25074419/#storyContinued>
19. <http://m.friendfeed-media.com/e5d3ddf857c811c166123fc08da13536337f71b2>

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Магическая функция колокольчика и колокола в японской народной культуре и фольклоре

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В японской культуре с давних пор особое значение придавалось колокольчикам и колоколам, звуки которых играли и продолжают играть в жизни японцев совершенно особую роль. Для японцев это магические предметы. Небольшие колокольчики всегда подвешивают на все благопожелательные вещицы — так исстари японцы пытались оградить себя от воздействия вредоносных сил. Ведь звук колокольчика, как считалось в японской народной культуре, отгонял болезни и несчастья. Колокольчики до сих пор широко применяются в синтоистской обрядности. Достаточно сказать, что ими всегда украшают паланкин — *о-микоси*, в котором восседает синтоистское божество.

Другой важный магический предмет — колокол — непреходящий атрибут буддизма. О чудесах, совершенных колоколами в буддийских храмах, бытовало огромное количество местных легенд и преданий, и потому он стал одним из самых популярных «персонажей» японского повествовательного фольклора.

Конечно, и в случае с колокольчиком, и в случае с колоколом, речь, прежде всего, шла о звучании этих предметов. Как известно, во многих традициях, например, в славянской, всегда особое значение придавалось красоте их звучания. Колокольчики привлекали своим мелодичным звуком, веселым, радостным, как бы обещающим благополучие и счастье. Не случайно поэтому их издавна использовали во время свадебных обрядов, прикрепляли к тройке лошадей. К «голосу» колокола относились более обстоятельно. Различались колокола с «басистыми» голосами и со «звонкими»; при этом каждый из колоколов обладал только ему присущим звуком и наделялся от этого еще большими «человеческими» качествами. То есть у многих народов мира главным оказывалась способность колокола и колокольчика звучать.

Японский же материал дает диаметрально противоположный материал. Одно из основных фольклорных качеств колокола — это его способность молчать. «Антропоморфные» черты колокола в японской традиции проявляются чрезвычайно сильно: колокол наделяется не только способностью разумно мыслить, принимать решения, но и выступает нередко при спорах в роли своеобразного арбитра, показывая свой нрав. Широко известна одна из легенд древней столицы Киото, связанная с чудесами буддийского храма Хоондзи.

Этот храм, находящийся в западной части Киото, не относится к самым знаменитым храмам старой столицы, хотя его история насчитывает более десяти столетий. Он был построен в 866 г., несколько раз менял свои названия, и лишь в 1501 г. стал называться Хоондзи и был отнесен к дзэн-буддийской секте «Чистой земли». Но, как и многих буддийских храмов Киото, у Хоондзи есть несколько настоящих сокровищ, подтверждающих «чудесное» предназначение храма. И потому у Хоондзи есть еще одно название. Его часто называют «Храм Хоондзи — храм ревущего тигра». Дело в том, что в Хоондзи до сих пор хранится картина, на которой изображен ревущий тигр, и, если верить древней храмовой легенде, когда-то этот тигр оживал по ночам и оглашал своим ревом окрестности храма.

А вот другое чудо храма Хоондзи как раз молчит. Это колокол. Он хранится в храмовой сокровищнице и, как говорят, был отлит еще в эпоху Хэйан, то есть в период IX—XII вв. Когда-то его густой звук был слышен далеко за пределами храма, но с некоторых пор он стал безмолвным. Это история о двух женщинах — ткачихе и ее ученице, которые никак не могли прекратить спорить о том, сколько же раз ежедневно звонит колокол храма Хоондзи: семь раз или восемь. И тогда ученица, поняв, что ошибалась, попросила звонаря ударить в колокол лишний раз, чтобы подтвердить свою правоту. С большим трудом звонарю удалось ударить лишний раз. Правота ученицы была обманом доказана, но ткачиха, не совладав со своим гневом, умерла. В наказание всем навечно замолчал колокол храма Хоондзи. И это, как принято считать, было решением самого колокола. И каких бы известных звонарей не приглашали, и как бы не просили колокол «подать голос», никогда уже он не проронил ни звука [3, с. 14–16].

Надо сказать, что на взаимоотношения звонаря (или настоятеля храма) и колокола строится немало текстов японских буддийских легенд. Колокол выступает в них как главное «мерило» справедливости, а звонарь олицетворяет собой человеческую слабость перед законами мироздания: им овладевают сомнения, он подчас делает неправильный выбор и тем самым не выдерживает испытания, которому на самом деле подвергается. А если вспомнить, что практически все японские народные легенды о коло-

колах — это легенды буддийских храмов, то очевидно, что испытания эти означают проверку силы духа с буддийской точки зрения, испытания на верность самому Учению, которое кто-то выдерживает, а кто-то — нет.

В этой связи показательна одна из народных легенд города Кавагоэ в нынешней преф. Сайтама. Она входит в большой цикл храмовых легенд самого известного буддийского храма этого города — храма Китаин. Но, прежде всего, несколько слов о самом храме.

Считается, что история храма Китаин берет свое начало с 830 г., и основателем его был монах Эннин из храма Муруодзи. Вновь созданный храм принадлежал буддийской секте Тэндай. Древнее здание храма сгорело во время большого пожара 1205 г. и сам храм был восстановлен лишь в 1296 г. монахом по имени Сонкай. Через несколько лет Китаин получил особый статус среди храмов секты Тэндай: благодаря императору Гофусими в 1300 г. он стал главным на востоке страны. Однако особое значение Китаин приобрел в самом конце XVI в., когда настоятелем стал достопочтимый Тэнкай. Настоятель Тэнкай был дружен с тогдашним военным правителем Японии — сёгуном Токугава Иэясу и даже мог оказывать на него влияние. Не удивительно поэтому, что годы правления Токугава Иэясу стали самыми благоприятными для храма Китаин. Именно тогда, как полагают, было изменено иероглифическое написание названия храма, которое первоначально понималось как «Темный облик». Теперь же были подобраны более благопожелательные иероглифы, и название храма получило значение «Храм Великого счастья». Сегодня Китаин по-прежнему остается основным храмом буддийской секты Тэндай в районе Канто, в Центральной Японии. Он обладает значимыми буддийскими сокровищами, прекрасным садом и целым циклом легенд, повествующих о всевозможных чудесах, случившихся в нем за долгую многовековую историю.

Так вот одна из легенд храма Китаин повествует об одном настоятеле, который очень любил змей. Он всегда призывал их звоном колокольчика. А потом настоятель состарился и умер. И никто больше не призывал змей, и они уползли в другие места. Но однажды к храму приехали бродячие торговцы и стали зазывать покупателей звоном таких же колокольчиков. И тогда вдруг откуда-то появилась огромная змея, которая стала все сметать на своем пути и принесла много бед. С тех пор, рассказывают, и появился запрет звенеть колокольчиками на территории храма Китаин [2, с. 8].

Другая история этого храма, также объясняющая происхождение запрета звонить в колокольчики и бить в колокола на территории храма Китаин, повествует о настоятеле, который не смог противостоять силам зла, желавшим сбить его с истинного пути. Эта легенда известна под названием «Девушка и дракон». В ней повествуется о том, как к настоятелю пришла неизвестная девушка и попросила, чтобы в храме сто дней не ударяли в колокол — иначе будет беда. Настоятель согласился, но, когда срок уже подходил к концу, к настоятелю пришла другая де-

вушка и стала слезно просить его ударить в колокол всего лишь один раз. Она просила так жалостливо, что настоятель не смог ей отказать и повелел один раз ударить в колокол. Раздался дивный протяжный звук, и все поразились его красоте, но девушка в тот же миг превратилась в страшного дракона. Дракон поднял ураганный ветер, который стал все сносить на своем пути. А настоятель начал вертеться вокруг себя и вертелся так 99 раз. Поняли тогда, что хотела первая девушка спасти храм от несчастья, а настоятеля наказала за то, что не исполнил ее наказ. Но самое удивительное произошло потом. Когда в храме попытались снова ударить в колокол, тот уже не мог издать протяжный звук, а только тихий жалобный стон. С тех пор настоятель запретил на веки вечные звонить на территории храма в колокола и колокольчики, чтобы не вызывать гнев природы [2, с. 6].

Эта легенда храма Китаин интересна также и тем, что отражает два основных мотива, связанных с колоколами в японском храмовом фольклоре. Это мотив запрета звонить в колокол на территории храма и мотив связи колокола с драконом, а значит, с морской и вообще водной стихией, так как Дракон, по представлениям японцев, считался повелителем Морского царства и подателем влаги, прежде всего, дождя.

На самом деле оба эти мотива, как нам представляется, тесно связаны друг с другом. Обращает на себя внимание тот факт, что верхняя часть любого колокола истари называлась *рюдзу*, что значит «голова дракона». Эта та часть, за которую колокол поднимали, своего рода «ухо» колокола. Само название указывало на связь колокола с драконами, с морской стихией и подводным миром. Более того, существовало поверье, что, когда колокол опускается под воду, он превращается в змею (змея). То есть наблюдается достаточно устойчивая связь таких понятий как «колокол — дракон (змея) — водная стихия».

А причин погружения колокола на дно — чаще пруда или озера (иногда — моря) — японские храмовые легенды приводят множество. И одной из этих причин становится желание самого колокола оправиться в царство Дракона. Здесь следует обратить внимание на то, что колоколу истари приписывалась способность самостоятельно принимать всякого рода решения: звонить — не звонить, «жить» в конкретном буддийском храме или опуститься на дно водоема. Именно это желание и демонстрирует колокол в одной из легенд буддийского храма Сэннэндзи в г. Симоносэки на п-ове Идзу. Рассказывается, что однажды колокол начал звонить сам, без звонаря, в необычное для звона время. Его звон пугал все окрестные деревни. А потом к настоятелю храма явилась незнакомая девушка и посоветовала отпустить колокол в царство Дракона. Но колокол был такой тяжелый, что пришлось сплести толстую сеть, чтобы снять его со звонницы. Однако, когда его начали снимать, колокол вдруг вновь загудел, заохал и начал сам спускаться со звонницы. А потом зашагал по деревне и спустился к морю. Уже на берегу моря местные силачи еле-еле дотащили его до воды и опустили на дно.

Рассказывают также, что после этого настоятелю храма открылось множество тайн: он научился угадывать время штормов и тайфунов, приливов и отливов [1, с. 44].

Интересно, что в произведениях японского храмового фольклора колокола не только необычным образом выражают свое желание опуститься на морское дно, но также необычно появляются из воды, демонстрируя тем самым свое желание пребывать в том или ином храме. Известно немало легенд о чудесном и внезапном появлении колокола, который со временем начинает почитаться как местная храмовая реликвия. Одна из них получила широкое распространение в древней земле Мусаси (совр. преф. Сайтама). Эта история являет собой типичный пример синто-буддийского синкретизма в произведениях японского фольклора и в японской народной религии вообще. Дело в том, что эта легенда «приписана» к синтоистскому храму бога Хатимана — Хатимангу в г. Тода. Когда-то около этого храма был большой пруд. И однажды в безветренную погоду на поверхности пруда поднялись большие волны, а из-под

воды раздался страшный гул. Так продолжалось несколько дней. И тогда испуганные жители обратились к странствующему буддийскому монаху, проходившему мимо. Монах велел принести большую сеть и бросить в пруд, а сам тем временем стал читать буддийскую молитву. И вот что-то попало в сеть, а когда стали тянуть, вытащили огромный колокол. Колокол гудел, будто говорил что-то. И показалось людям, что просил он отнести его в храм бога Хатимана. Решили, что это был дар дочери подводного Дракона — царицы Отохимэ храму бога Хатимана. Но колокол обладал удивительной особенностью: каждый раз, когда в него ударили, из него текла вода, оттого и прозвали его *Мидзуганэ*, что значит «Водяной колокол» [2, с. 36].

Как видно, в японских храмовых легендах колоколу отводилась особая роль. Он воспринимался как самостоятельный «живой» организм, способный подчинять своим желаниям и поступкам жизнь людей. Это очевидная сила колокола объяснялась его особой связью с царством Дракона, а значит, со стихией воды.

Литература:

1. Идзу-но дэнсэцу (Легенды [полуострова] Идзу) — Сидзуока, 2001.
2. Кавагоэ-но дэнсэцу (Легенды Кавагоэ). Т., 2000.
3. Кёто-но тэрадэра-но мукасибанаси (Сказания буддийских храмов Киото). Нара, 1996.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Концепция любви Бенедикта Лившица в сборнике «Флейта Марсия»

Коркина Светлана Александровна, студент;

Никонов Семен Семенович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (г. Якутск)

В статье предпринимается попытка анализа концепции любви в дебютном сборнике Бенедикта Лившица. Таким образом, любовь для поэта — это не возвышенные и светлые чувства, а сражение, битва и тяжелое испытание. Б.К. Лившиц раскрывает свою концепцию через множество образов-символов, что доказывает влияние символизма в его начальном этапе творчества.

Ключевые слова: Б.К. Лившиц, любовная лирика, Серебряный век, символизм, кубофутуризм, русская поэзия

Бенедикт Константинович Лившиц (1886–1938) — поэт Серебряного века, один из основоположников кубофутуризма, известен своими переводами произведений Поля Верлена, Виктора Гюго, Майна Рид и других, является видным литературным деятелем первой половины XX века. Дебютный сборник Б.К. Лившица вышел в Киеве под названием «Флейта Марсия» (1911). Сборник был высоко оценен такими известными представителями Серебряного века как Н.С. Гумилев и В.Я. Брюсов, но был запрещен цензурой. Данная статья посвящена анализу любовной концепции сборника «Флейта Марсия».

«Стихи Лившица трудны — порою просто мало понятны — своей очень сложной лексикой и философской нагруженностью. Лившиц известен только в очень узких кругах. Но в поэзии его есть несомненные достоинства, как и у Мандельштама, исключительная культура слова, особая любовь к нему, как к носителю смысла, а не просто к звуку, классическая форма стиха и общая культурность багажа» [2] — такими словами охарактеризовал, видный критик и историк литературы, Михаил Кемшис, творчество Бенедикта Лившица, в своей обзорной статье «Новейшая русская поэзия» (1930). По словам современников, Б.К. Лившиц был очень серьезным и ответственным человеком, он скрупулезно следил за точностью и логичностью своей стихотворной лексики. Своими стихами поэт преподносит мифологию многих стран, в частности греко-римскую, скандинавскую и германскую, неоднократно использует их образы в своем сборнике, например, образы Марсия, Апполлона, Эроса, Фавна, Валькирия нашли отражение в его поэзии, что показывает высокий уровень эрудированности лирика.

К 1910 годам начинается закат символизма как лидирующего литературного течения, появляются новые направления (акмеизм, футуризм), но мировоззрение поэтов-символистов настолько глубоко укоренилось в сознании молодых, начинающих поэтов, что еще чувствуется

их влияние. Сборник Б.К. Лившица состоит из 22 стихотворений, в которых можно обнаружить множество образов-символов, показывающих его увлечение лирикой французских символистов, именуемыми «проклятыми поэтами»: Артюром Рембо, Тристаном Корбьер, Жюлем Лафорг. В стихотворениях Б.К. Лившица читатель чувствует завуалированность, музыкальность и идею о двоимирии, на которых строилась философия символизма. Еще Корней Иванович Чуковский отмечал, что Б.К. Лившиц «тайный парнасец», «напрасно насилюющий себя» [1, с. 398] совместной деятельностью с футуристами. Проследживается пристрастие поэта к французской прозе и поэзии, и тяготение к ее формам стиха, это показывают стихотворения «Провинциальное рондо» (1909), «Первое закатное рондо» (1909) и «Второе закатное рондо»:

*«О сердце вечера, осеннего, как я,
Пришедшая сказать, что умерли гобои
За серую рекой, — немого, как ладья,
В которой павшие закатные герои
Уплыли медленно в подземные края!
Ты все изранено: стальные лезвия —
Ах, слишком ранних — возникли над тобой и
Моим — Офелии, — и кровь твоя — моя,
О сердце вечера!..
Изнеможенное, темнеешь ты, лия
Рубиновую смерть на гравий, на левкой,
За мною следуешь в безмолвные покои,
И вспыхивает в них кровавая семья
Забывших призраков, зловеще вопия
О сердце вечера!»*
(1909) [1, с. 340]

Любовь является основной темой сборника Б.К. Лившица, и поэт представляет читателям свою концепцию, которая воплощается образами ночи, смерти, огня, луны и осени, присутствующие на протяжении всего сборника. Его мрачно очаровывающие стихотворения наполнены

лабиринтами неисчислимых тайн и загадок, создающие химерическую атмосферу, заставляющие читателя утонуть в любовной драме лирического героя. Показательным, в плане многообразия образов, является стихотворение «Лунатическое рондо»:

*«Как мертвая медуза, всплыл со дна
Ночного неба месяц, — и инкубы,
Которыми всегда окружена
Твоя постель, тебе щекоцут губы
И тихо шепчут на ухо: луна!
Облокотясь, ты смотришь из окна:
Огромные фаллические трубы
Вздвигаются к Селене, но она —
Как мертвая медуза...
И тонкий запах лунного вина
Тебя пьянит... ты стонешь: на луну бы!
Но я молчу — мои движенья грубы...
И ты одна — в оцепененье сна —
Плывешь в окно, бледна и холодна, —
Как мертвая медуза».*
(1909) [1, с. 340]

Любовь для лирического героя как роковая страсть, как необычное, но в то же время бешеное, безумное чувство, которое заставляет страдать и мучиться. Он испытывает душевные переживания, сильные эмоции и тайные желания, он наполнен грустью, тоской и безвыходностью, и все же проявляются яркие вспышки распаленной, отчаянной любви, огромное желание вновь ощутить и вернуть эти чувства. Например, в стихотворении «Приобщение» мы видим лишь всепоглощающую страсть, которая заставляет читателя заразиться исступлением лирического героя:

*«Спеша, срываешь ты запястия с лодыжек
И — вся нагая — ждешь, чтоб дикий дух огня
Свой тяжкий поцелуй на нас обоих выжег
И пламенным кольцом сковал тебя — меня.
От бронзы вечера коричневеет кожа,
И, нежно слитая зеленоватой тьмой
Слесными травами, с землею, ты похожа
На бугорок земли, на часть ее самой.
Я знаю: ты — ее уста! Я обессмерчу
Свою любовь, себя, — прильнув к твоим устам*

Литература:

1. А. Н. Филиппов. Поэты серебряного века. — ISBN 978-5-386-02090-3. — М.: РИПОЛ классик, 2010. — 640 с.
2. М. Кемшис. Новейшая русская поэзия // russianresources. URL: http://www.russianresources.lt/archive/Ban-evich/Ban_2.html

*И на твоей груди прислушиваясь к смерти
Страстей самой земли, бушующему Там!»*
(1908) [1, с. 347]

Лирический герой задыхается от этой роковой любви, от его неистовой страсти, мучение от этого чувства достигло кульминации, что он хочет избавиться и вырваться от него, но в то же время не может жить без него, лучше сказать, нуждается в нем. На протяжении всего сборника прослеживается напряженное состояние лирического героя, читатель понимает, что он находится между жизнью и смертью, в постоянной борьбе со своей удушающей любовью. В стихотворении «Валькирия» читатель видит, что лирический герой находится на грани жизни и смерти, он проигрывает битву с объектом его душевных терзаний, умоляет его о пощаде, желает перемирия с ним, но его силы не исчерпаны и лирический герой вновь рвется в бой, с головой окунается в пучину мучительной любви:

*«Я простерт на земле... я хочу утонуть в тишине...
Я молю у зловещей судьбы хоть на час перемирия...
Но уже надо мной на обрызганном кровью коне,
Пролетает Валькирия, —
И окрепшие пальцы сжимает меча рукоять,
И воинственным выкликом вновь размыкаются
челюсти,
И кровавые реки текут перед глазами опять
В неисчерпанной прелести...»*
(1908) [1, с. 345]

Стихотворения сборника «Флейта Марсия» были написаны Бенедиктом Лившицем с 1908 по 1910 годы, и в этот период происходит падение символизма как правящего течения в русской поэзии, и чаще всего молодые поэты начинали свое творчество именно как представители символизма. Несомненно, Б. К. Лившиц не был исключением, именно в этот период он только начинал свою творческую деятельность, пробивался в ряды литературной богемы и находился в поиске своего «Я», что доказывают его стихотворения, которые переполнены декадентским настроением и образом мышления. Таким образом, мы наблюдаем эволюцию поэта, Бенедикт Лившиц начал свою деятельность как символист, а затем утвердился как представитель футуризма, наряду с Владимиром Маяковским, Велимиром Хлебниковым, Алексеем Кручёных.

К вопросу о диминутивах в *carm.* 3 Катулла

Котова Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук;
Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины

*В статье рассматриваются диминутивы, встречающиеся в *carm.* 3 сборника Катулла, и проводится анализ их использования и влияния на тон стихотворения.*

Ключевые слова: поэзия, римская литература, Катулл, *carmen* 3, диминутивы

Катулл относится к тем поэтам, в стихах которых исследователи часто видят иронию. Язык полиметров — с многократным использованием диминутивов, суперлативов, восклицаний, повторов — придает им оттенок чувствительности, что нередко трактуется современными читателями как ирония или пародия.

В статье проводится анализ диминутивов третьего стихотворения сборника Катулла с целью подтвердить или опровергнуть мнения комментаторов, оценивающих этот текст как пародию на плач [2, с. 140; 9, р. 110–111; 3, с. 214; 1, с. 154] или ироническую стилизацию [5, р. 3; 10, р. 200; 28; 27, р. 207].

Латинские диминутивы имеют разнообразные функции: они могут указывать на уподобление одного качества / предмета другому [13, р. 109]; обозначать существо или предмет небольшого размера [19, р. 426] или то, о чем говорят с эмоциональной вовлеченностью (любовью, теплом, состраданием, жалостью и т.д.) [8, р. 95–96; 22, р. 99]. В поэзии диминутивы нередко утрачивают эти свойства и используются потому, что удобны просодически [20, р. 186–202; 11, р. 155–156].

Исследователи обычно отмечают принадлежность диминутивов к разговорному языку [24, р. 22; 12, р. 99–100]. Однако, говоря о стихах Катулла, Б. Аксельсон отвергает такое решение как слишком упрощенное: по его утверждению, пристрастие поэта к диминутивам не может быть оправдано склонностью к разговорной лексике, так как их довольно много не только в полиметрах (45 диминутивов встречаются 65 раз), но и в ученых поэмах (27 диминутивов используются 36 раз), однако почти нет в эпиграммах (7 диминутивов появляются 9 раз). Диминутивы придают полиметрам и ученым поэмам утонченность, изысканность; эпиграммы же принадлежат более строгой традиции [4, S. 39]. По мнению Д. О. Росса, неотирики экспериментировали с диминутивами, используя их не как разговорный элемент, а как осознанный поэтизм — не только в пугае, но и в серьезных стихотворениях [24, р. 25]. Как замечает Гоу, тексты Катулла оставляют впечатление, будто употребление уменьшительных форм зависит от настроения и от темы, между тем как

в диминутиве самом по себе нет ничего, что бы исключало его из высокой поэзии [11, р. 155]. Однако позже диминутивы выходят из употребления в серьезной поэзии — строгий стилистический канон поэтов Августовской эпохи их не допускает; прилагательные с уменьшительными суффиксами исчезают, а остаются только относительно консервативные и бесцветные существительные [8, р. 96].

Среди диминутивов Катулла есть в том числе и неологизмы: *solaciolum* (2, 7), *turgidulus* (3, 17), *turpiculus* (41, 3), *lecticulus* (57, 7), *eruditulus* (57, 7) и т.д. В ряде случаев значение диминутива (уменьшительное, ласкательное, ироническое и др.) ясно из контекста; в других пассажах, напротив, уменьшительная форма на смысловом уровне никак не мотивирована.

В данной статье круг рассмотренных диминутивов будет ограничен теми, что есть в третьем стихотворении сборника Катулла¹.

1. *Bellus* (3, 14–15)

В стихах 14 и 15 *carm.* 3 встречается форма от прилагательного *bellus*, которое исторически является диминутивом от *bonus* [7, р. 131]. Катулл использует *bellus* и в других стихах: оно еще шесть раз появляется в полиметрах (8, 16; 22, 9; 24, 7 и 8; 43, 2 и 6), шесть раз в эпиграммах (69, 8; 78, 3 и 4 (bis); 81, 2; 106, 1), но отсутствует в ученых поэмах.

Анализ употребления прилагательного *bellus* в римской литературе показал, что в комедии оно встречается один раз у Теренция (*Ad.* 590), намного чаще у Плавта². Лукреций использует прилагательное *bellus* один раз (*IV*, 1190), в эпосе оно больше не встречается, а появляется только в любовной элегии, и то изредка: дважды у Тибулла (*I*, 9, 71³; *III*, 19, 5), один раз у Овидия (*Am.* *I*, 9, 6). По мнению Дж. Макьюзна, редкое использование *bellus* у поэтов «золотого века» связано с тем, что оно еще воспринималось как уменьшительное — а поэты эпохи Августа, в отличие от поколения неотериков, диминутивами предпочитали не злоупотреблять [16, р. 263].

Прилагательное *bellus* имеет широкую сферу применения: оно может характеризовать как людей, так и пред-

¹ Из рассмотрения исключено существительное *puella* 'девушка', потому что оно, на наш взгляд, не ощущается как диминутив. Заметим, что В. Шульце обнаружил закономерность: в разных языках при обозначении пары из особой разных полов форма, номинализирующая женскую особь, принимает вид диминутива [26, S. 136]. Ср. в русском языке пары «юноша и девушка», «петух и курица», «баран и овца».

² *Asin.* 674, 676, 931; *Aul.* 285; *Bacch.* 345, 724–725, 838, 1172; *Capt.* 956; *Cas.* 108; *Cist.* 373; *Curc.* 8, 20, 521; *Menaechm.* 626; *Mercat.* 688, 812; *Poen.* 272, 1335, 1384; *Rud.* 425; *Truc.* 272, 923, 930, 934.

³ Р. Малтби отмечает здесь влияние *carm.* 8, 16 Катулла (*cui videberis bella?*) [15, р. 336].

меты, стиль речи и т.д.⁴. Тезаурус латинского языка причисляет *bella* в *carm.* 3, 14 к значению «*de rebus: neutrum sine subiecto*», а *bellum passerem* в *carm.* 3, 15 — к «*de hominibus*»⁵.

Представляется естественным понимать *bellum* в *carm.* 3, 15 как «миленький, хорошенький»⁶. Что касается *bella* в *carm.* 3, 14, то оно подготавливает читателя к *bellus* из следующего стиха⁷. Кроме того, *bellus* примыкает к эпитетам типа *venustus*, *lepidus*, *doctus*, *urbanus*, *elegans*, которые приобрели у неотериков особое значение, обозначая эстетский идеал изящества, легкости, остроумия, утонченности. Несомненно, *bellus* — одно из характерных для Катиллы прилагательных, и то, что в стихах на смерть пенчика употреблено именно оно (а не *pulcher* или *formosus*), определяет не *carm.* 3, а катулловский стиль в целом.

2. *Misellus* (3, 16)

В большинстве изданий текст стиха 16 принимается в таком виде: *o factum male! o miselle passer!* [5; 23; 14; 29; 22; 27].

Однако, обращаясь к текстологии, заметим, что в рукописях слова *misellus* нет. Чтение Веронского архетипа дает «*bonum factum male bonus ille passer*» [27, p. 101]; есть предположение, что оно восходит к «*bo factum male bo miselle passer*» [29, p. 201–202]. Во второй части стиха причина искажения текста ясна: «*bo mis*» фактически идентично *bonus*, а изменение «*elle*» в *ille* оказывается естественным. Сочетание «*bo*» — сокращение от *bonus*, принятое гуманистическими переписчиками. Более ранняя версия стиха в рукописной традиции была, видимо, «*ho factum male ho miselle passer*» [29, p. 201–202]. Правильность первой части стиха подтверждают *Cic. Att. XV, 1, 1* (*o factum male de Alexione!*) и *CEL 1512, 4* (*o factum male, Myia, quod peristi*). Что касается второй половины стиха, здесь исследователи не единодушны: большая их часть принимает текст «*o factum male! o miselle passer!*» [5; 23; 14; 29; 22; 27]; некоторые соглашаются с конъектурой «*o factum male! io miselle passer*» [25; 18; 17]. Есть те, кто пренебрегают параллелями и читают «*vae factum male! vae miselle passer*» [21; 6]. Дж.П. Гулд [10, p. 195–197], подробно разбирая зияния в стихах Катиллы, приходит к следующим выводам: во-первых, у поэта не встречаются гиаты перед восклицанием; во-вторых, он не допускает гиаты после пятого слога гендекасиллабического стиха; в-третьих, у Катиллы *male* никогда не бывает в зиянии. Исходя из этого Гулд делает заключение, что для гиаты *male* | *o* оснований нет. Более того, он выводит закономерность: поэт ставит «*o*» только перед одиночным существительным в вокативе (*o Colonia* (17, 1), *o Memmi* (28, 9), *o pueri* (61, 114), *o regina* (66, 39) etc.) или там, где определение к этому существительному предикативно и его можно заменить на придаточное предложение (на-

пример, *o misero frater adempte mihi* (68, 20) = *o frater, qui misero mihi ademptus es*), но не перед сочетанием существительного с атрибутивным определением (*mea Lesbia* (5, 1), *miser Catulle* (8, 1), *mea Acme* (45, 2) etc.). Однако нужно заметить, что эта закономерность не является абсолютной: в *carm.* 9, 5 встречается сочетание «*o mihi nuntii beati*», которое едва ли можно приравнять к «*o nuntii, qui mihi beati sunt*». В результате Гулд настаивает на исправлении «*o miselle passer*» на «*quod miselle passer*» [10, p. 200]. Косвенное подтверждение эта конъектура находит в *CEL 1512, 4* (*o factum male, Myia, quod peristi*).

В римской литературе форма *misellus* применительно к усопшему встречается часто, причем в основном без диминутивного значения; например:

Petr. 65, 10:

Scissa lautum novendiale servo suo misello faciebat, quem mortuum manu miserat

‘Скисса готовила пышные девятидневные поминки по своему несчастному рабу, которого после его смерти она отпустила на свободу’⁸;

Apul. Met. VIII, 1:

Equisones opilionesque, etiam busequae, fuit Charite nobis, fuit misella et quidem casu gravissimo, nec vero incomitata Manis adivit

‘Конюхи, пастухи и также волопасы, была у нас Харита, и не стало ее, бедняжки, из-за страшнейшего случая, и пошла она к Манам без провожатого’;

CEL 1328, 1:

non digne, Felix, citto vitam caruisti, miselle

‘Незаслуженно быстро ты, несчастный Феликс, лишился жизни’;

ср. также глоссу «*misellus — mortuus; miselli — mortui*» (*CGL V, 223, 2 Goetz*). Но особенно показательным место из Тертуллиана, откуда следует, что такое употребление *misellus* было стандартным (*De test. an.* 4):

cum alicuius defuncti recordaris, misellum vocas eum, non utique quod de bono vitae ereptum sed ut poenae et iudicio iam adscriptum

‘Когда упоминаешь кого-то покойного, называешь его несчастным не потому, что он вырван из благ жизни, но потому, что ему уже вынесен приговор и назначено наказание’.

Таким образом, диминутив «*miselle*» в *carm.* 3, 16 не создает дополнительных оттенков — такая форма, где уменьшительный суффикс подчеркивает скорбь говорящего, была частью траурного этикета.

3. *Turgidulus* (3, 18)

Прилагательное *turgidulus* является неологизмом Катиллы, и в научной среде существуют разные мнения по поводу оттенка его значения.

Есть исследователи, которые утверждают, что диминутивный суффикс использован здесь для эмоционального

⁴ OLD, s. v. *bellus*; ThLL. Vol. 2. Col. 1856. Ll. 31 sqq.

⁵ ThLL. Vol. 2. Col. 1858. Ll. 4–5; col. 1857. L. 31.

⁶ OLD, s. v. *bellus*, 1.

⁷ У Катиллы наблюдается тенденция к умножению *bellus* в рамках одной фразы (ср. также *carm.* 43 и 78).

⁸ Цитаты приводятся в переводе автора статьи.

эффекта⁹. Так, Эллис считает, что стоящие рядом уменьшительные *turgidulus* и *ocellus* усиливают настроение нежности и сочувствия [6, p. 8]. Питерсен относит *turgidulus* к группе диминутивных прилагательных, которые выражают «нежность, вызванную состраданием или жалостью» [19, p. 448].

С другой стороны, по мнению Платнера, в *turgidulus* диминутивного значения нет — прилагательное использовано здесь для достижения созвучия, обусловленного скоплением уменьшительных форм (*puellae, ocelli*) [20, p. 190].

Примечательно, что в гендекасиллабах встречается еще несколько случаев, где диминутив стоит в том же месте стиха, что и *turgidulus*: 2, 12 (*aureolus*); 16, 3, 6 и 50, 4 (*versiculi*); 16, 4, 8 (*molliculus*); 28, 2 (*sarcinulae*); 41, 3 (*turpiculus*); 55, 17 (*lacteolus*); 57, 7 (*lecticulus*)¹⁰.

Versiculi molliculi из *carm.* 16 можно объяснить через диминутивное значение: стихи были краткими и *несколько* изнеженными; к тому же нельзя забывать о звуковом эффекте, созданном скоплением диминутивов на *-ulus*; той же декларативной неотерической краткостью и мнимой непритязательностью определяется употребление *versiculi* в *carm.* 50.

Что касается остальных вышеперечисленных слов, как представляется, их нельзя объяснить через диминутивные значения. Вряд ли у девушек из *carm.* 55 была *слегка* белая (*lacteolus*) кожа или Катулл проявлял к ним сострадание. В *lecticulus* едва ли есть намек на величину или сострадательное / нежное отношение; *sarcinae* тоже имеются в виду не маленькие; нос у Амеаны был не *слегка* некрасивым, а *очень* некрасивым, раз это вызывало насмешки; яблоко Аталанты не могло быть *немного* золотым, и вряд ли поэт относится к нему с особым трепетом. Итак, мы видим, что у Катулла есть диминутивы, лишенные характерных для этого разряда слов значений, и удачнее всего, на наш взгляд, объяснять их употребление просодией.

Возвращаясь к *turgidulus*, заметим, что *turgidus* у Катулла не встречается; поэтому можно предположить, что здесь диминутивная форма является его метрически более подходящим эквивалентом.

4. Ocellus (3, 18)

В Оксфордском словаре *carm.* 3, 18 цитируется в подгруппе «a (little) eye (esp. in tender or emotional language)¹¹, т.е. слову *ocellus* придаются дополнительные коннотации, вызванные эмоциональной вовлеченностью автора. С. В. Шервинский переводит *ocelli* как «глазки», М. Л. Гаспаров комментирует его как «разговорное

уменьшительное» [3, с. 6, 215]. По мнению Платнера, диминутив здесь выражает любовь — ведь речь идет о глазах возлюбленной [20, p. 197].

Рассмотрим существительное *ocellus* подробнее. Оно встречается у Катулла шесть раз в полиметрах и один раз в ученых поэмах: *carm.* 3, 18; 31, 2; 43, 2; 45, 11; 50, 10 и 19; 64, 60. Эти примеры можно разделить на три группы в зависимости от стихотворного размера: использующиеся в холиямбах, в дактилических гекзаметрах и в гендекасиллабах.

В *carm.* 31, 2 *ocelle* стоит в начале холиямбического стиха, где *ocule* невозможно по метрическим причинам. В *carm.* 64, 60 *ocellis* находится в конце гекзаметрического стиха, где из-за просодии не может использоваться *oculis*.

Примеры из одиннадцатисложников абсолютно однотипны: та или иная форма от *ocellus* (— ×) занимает место в конце стиха, где ее нельзя заменить на форму от «*oculus*» (×). В свою очередь, в гендекасиллабах формы от *oculus* (3, 5; 9, 9; 14, 1; 48, 1) никогда не располагаются в конце стиха — всегда в середине.

Что касается значения, то в *carm.* 31, 2 и 50, 19 *ocellus* стоит в вокативе и обозначает «зеницу ока»¹². В остальных случаях диминутивная форма является подходящим с точки зрения просодии синонимом к *oculus* и не вносит в текст дополнительных оттенков.

В гекзаметрической поэзии *ocellus* делит с *oculus* позиции в стихе. У Тибулла, Проперция и Овидия формы от *ocellus* всегда стоят в абсолютном конце строки¹³, причем поэты называют этим словом в том числе и свои собственные глаза (перевод «глазки» в этих случаях невозможен): *Ov. Am.* III, 5, 1–2; *Prop.* I, 10, 7:

quamvis labentis premeret mihi somnus ocellos...

‘Хотя сон давил мне на слипающиеся глаза...’

Таким образом, использование диминутивов в *Catul.* 3 имеет следующие особенности: *bellus* является одним из тех слов, которые характеризуют творчество неотериков и Катулла в частности; оно, будучи исторически диминутивом, сохраняет в себе оттенок уменьшительности и эмоциональной привязанности; *misellus* не несет индивидуальных коннотаций, являясь традиционным обращением к усопшему; *turgidulus* и *ocellus* представляют собой метрически обоснованные эквиваленты недиминутивных форм. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что диминутивы в *carm.* 3 не являются элементами, подчеркивающими пародийный или иронический характер стихотворения.

Литература:

1. Катулл. Лирика / Пер. с лат. М. Амелина. — М.: Время, 2005. — 397, [2] с.
2. Катулл. Книга лирики / Пер., вступ. ст. и прим. А. И. Пиотровского. — Л.: Academia, 1929. — 163 с.

⁹ OLD, s.v.

¹⁰ Можно также упомянуть *carm.* 13, 8 (*sacculus*) и 24, 1 (*flosculus*), где диминутивы стоят в том же месте стиха, но короче *turgidulus* на один слог.

¹¹ OLD, s.v. *ocellus*, 1.

¹² OLD, s.v. *ocellus*, 1b.

¹³ Например, *Ov. Am.* I, 8, 37; 14, 37; II, 8, 15; 19, 19; etc.; *Prop.* I, 1, 1; 3, 19; 5, 11; etc.; [Tib.] III, 6, 47.

3. Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров; отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Наука, 1986. — 301 с.
4. Axelson B. Unpoetische Wörter: Ein Beitrag zur Kenntnis der lateinischen Dichtersprache. — Lund: H. Ohlssons boktryckeri, 1945. — 150 S.
5. C. Valerii Catulli Veronensis Carmina / Ann. perpet. ill. F. G. Doering. — Altonae: Sumtibus I. F. Hammerichii, 1834. — ix, 255 p.
6. Catulli Carmina / Rec. brevisque and. crit. instr. R. Ellis. — Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1904. — xii, 126 p.
7. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. 4 éd. — Paris: C. Klincksieck, 1967. — xx, 828 p.
8. Fordyce C. J. Catullus: A Commentary. — Oxford: Oxford University Press, 1961. — 447 p.
9. Forsyth P. Y. The Poems of Catullus. — Lanham, MD: University Press of America, 1986. — x, 569 p.
10. Goold G. P. Catullus 3. 16 // Phoenix. — 1969. — Vol. 23. — P. 186–203.
11. Gow A. S. F. Diminutives in Augustan Poetry // The Classical Quarterly. — 1932. — Vol. 26. — P. 150–157.
12. Herman J. Vulgar Latin / Transl. by R. Wright. — Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2000. — 130 p.
13. Jones D. M. [Rev.:] Hakamies R. Étude sur l'origine et l'évolution du diminutif latin et sa survie dans les langues romanes. Helsinki, 1951 // The Classical Review. New ser. — 1953. — Vol. 3. — P. 107–109.
14. C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. — Leipzig; Berlin: Teubner, 1929. — xii, 299 S.
15. Maltby R. Tibullus. Elegies: Text, introd. and comm. — Cambridge: Francis Cairns, 2002. — xii, 529 p.
16. McKeown J. C. Ovid. Amores: Text, proleg. and comm. Vol. 2. — Leeds: Francis Cairns, 1989. — 421 p.
17. Catullus / Ed. E. T. Merrill. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1893. — 1, 273 p.
18. Q. Valerii Catulli Carmina / Rec. L. Mueller. — Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1885. — 1, 74 p.
19. Petersen W. Latin Diminution of Adjectives. I // Classical Philology. — 1916. — Vol. 11. — P. 426–451.
20. Platner S. B. Diminutives in Catullus // The American Journal of Philology. — 1895. — Vol. 16. — P. 186–202.
21. Gai Valeri Catulli Carmina / Rec. Ioh. P. Postgate. Londini: Sumptibus G. Bell et filiorum, 1889. — xii, 89 p.
22. Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. — London: Macmillan Classical Series, 1973. — xli, 460 p.
23. Catullus. Gedichte / Hrsg. und erkl. von A. Riese. — Leipzig: In aedibus B. G. Teubneri, 1884. — 288 S.
24. Ross D. O. Style and Tradition in Catullus. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969. — viii, 188 p.
25. C. Valeri Catulli Liber: Les poésies de Catulle / Trad. en vers français par E. Rostand. Avec un comm. crit. et expl. par E. Benoist et É. Thomas. — Paris: Hachette, 1882. — lxxix, 836 p.
26. Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. — Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1904. — 647 S.
27. Catullus / Ed. with a text. and interpret. comm. by D. F. S. Thomson. — Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2003. — xii, 578 p.
28. Walters K. R. Catullan Echoes in the Second Century A. D.: CEL 1512 // Classical World. — 1976. — Vol. 69. — P. 353–359.
29. Zicari M., Thomson D. F. S. Some Metrical and Prosodical Features of Catullus Poetry // Phoenix. — 1964. — Vol. 18. — P. 193–205.

Музыкальность и «песенность» поэзии Вяч. Иванова

Куличенко Анна Александровна, студент
Смоленский государственный университет

Трудно переоценить роль и значение музыки в жизни человека. Являясь его бессменным другом и сподвижником, она как не кто другой готова разделить переживания и мысли. Именно поэтому так разнообразна музыка вокруг нас: звучание чувств столь же разнообразно.

Поэзия, как и музыка, способна выражать всю палитру человеческих размышлений и отношений. В любом как стихотворном, так и музыкальном произведении сокрыты определенные эмоции, которые автор вложил посредством буквенно-нотных обозначений. Стихотворение справедливо можно сравнить музыкой, где различаются лишь средства, использованные автором.

Примечательна музыкальность, свойственная стихотворениям Вячеслава Иванова. Часто выявление их ритмического рисунка вызывает определенную сложность, связанную с особенностями рифмы и размера. Однако, несмотря на всю неоднозначность восприятия стихотворного творчества Вяч. Иванова, он по достоинству был оценен современниками. «Я за то любил из древних Платона и Плотина, а из новых Шопенгауэра и Ницше, что мне в их произведениях слышалась настоящая музыка. Самого В. Иванова я люблю потому, что он не говорит, а поет...», — говорил русский философ конца 19 — первой трети 20 века Лев Шестов. [1, с. 35]

Слово «музыка» встречается в поэзии Иванова дважды. В стихотворении «1913», посвященному Юрию Верховскому, поэт пишет:

«Слушай!» — прошепчут уста благовещие, вдруг умолкая

Легкие персты едва тронув кифару, замрут.

«Слушай...» И с веяньем тайным звучит издали глыбокий

Мелос: вначале немой, темной музыкой могил;

Ближе потом, и ясней, как над шелестом рощи священной

Реянье внятное сил, или в пещере волна... [2, с. 11]

В данном контексте слово «немой» может относиться как к характеристике мелоса (муз. «мелодическое начало, мелодия, напев»), так и выступать в роли однородного члена при описании «музыки могил». Примечательно, что в первом случае словосочетание является оксюмороном, поскольку музыка (мелос) не существует без звукового выражения. Под «музыкой могил» автор, вероятно, понимает «мелодию» похорон: плач, стоны, надгробную речь, эпитафию. Однако словом «немой» возможно сменить субъект действия, и перед нами постепенно воссоздается образ «мелоса», пробудившегося от вечного сна, воскресшего. Сочетание «темная музыка» восходит к синестезии: звуковой комплекс не виден глазу, поэтому от природы не способен иметь цветовую характеристику. В данном контексте «темный» использовано в значении «мрачный, печальный, гнетущий».

В «1913» поэт описывает сошествие с небес к нему Музы. Играя на кимвале, она «велит внимать» ей, и в данных образах угадывается вдохновение и творческий процесс.

В стихотворении «Воспоминания о А. Н. Скрябине» также появляется образ музыки:

...А после, в долгой за полночь беседе,

В своей рабочей хранине, под пальмой,

У верного стола, с китайцем кротким

Из мрамора восточного — где новый

Свершался брак Поэзии с Музыкой, —

О тайнствах вещал он с дерзновеньем. [3, с. 532]

«Музыка» ставится автором в один ряд с «Поэзией», как понятие равнозначное. В данном контексте они использованы как имена собственные, подобно именам греческих богов, превосходящих окружающую действительность. Такое их возвышение возможно только при слиянии воедино, «браке». Музыка в стихотворении не выступает в роли могильного «мелоса» — она перерождается в нечто новое, более совершенное, дополненное вербальными средствами выражения искусства.

Образ самого Скрябина как композитора у Иванова тесно переплетен с образом Скрябина-друга, как две неделимые составляющие одной сущности. После смерти Александра Николаевича поэт скорбит не столько о потере талантливого музыканта, сколько об утрате одного из самых близких по духу и идейно-художественным взглядам человека, о чем он пишет в стихотворении «Ко дню открития памятной доски на доме Скрябина»:

Остановись, прохожий! В сих стенах
Жил Скрябин и почил. Все камень строгий
Тебе сказал в немногих письменах.

Посеян сев. Иди ж своей дорогой. [2, с. 48]

Примечательно, что поэзия, в традиционном смысле слова, в произведениях Скрябина выражена исключительно в названиях: «Божественная поэма», «Сатаническая поэма», «Прометей (Поэма огня)» и т.д.

В стихотворениях Вяч. Иванова тесно переплетены образы поэзии и музыки, и этот синтез двух сфер искусства выражен в семантике слова «песня» как имеющий особый смысл, значение, наполняемость.

В различных словоформах это понятие употребляется в стихотворном творчестве Иванова 46 раз, в том числе устаревшая форма «песнь», которая используется автором довольно часто:

Пламеней,

Песнь без удил,

Отклик светил... [4, с. 681]

Контекстуально использование данного слова в поэзии Иванова можно разделить на три группы в соответствии с особенностями семантики образа.

К *первой группе* относятся «песни», связанные с торжеством и трепетом души. Так в стихотворении «Соловьиные чары», посвященном С. В. Троцкому, Вяч. Иванов пишет:

Солнце зашло; пала роса; темно в дубраве.

Чу, соловей вдруг засвистал: у близкой встречи

Сердце стучит... Ярче звучит далече

Звонкая песнь... [3, с. 45]

Песня символизирует радостные настроения, светлые порывы души, ликование, звучащие то звучно и торжественно в «Мистериях поэта»:

Струн бряцанье, звон кимвалов, лад и выступь мощных хоров

Песнопевцу возвещают бога песней: гость грядет! [4, с. 580]

то нежно и напевно в «Апполоне влюбленном»:

... И под рокот песни сладкой,

Робость нежную тая,

Обступает их украдкой

Трех нагих Харит семья... [4, с. 767]

Песня предстает перед читателем «мощной мерой горних хоров», вместе с тем «пленительным эхом» альпийского рога. Такая характеристика «громкости звучания» позволяет нам выделить, в свою очередь, подгруппы: громогласная радость соответственно противопоставлена едва слышному, тихому и трепетному счастью. Заметим, что в данной группе проявление светлых чувств гиперболизировано и литотировано: отсутствует подгруппа среднего, умеренного по громкости звучания.

Вторая группа включает в себя определение образа песни как явления пророческого, связанного с высшими силами предвидения («Певец, угрюмыми тропами»):

Забылся — внемлет:

На вещих струнах песнь звенит:

«Как ты страдал, забудь отныне,
Недолог путь и ты прийдешь.
Чего искал в глухой пустыне
В чертоге царственном найдешь... [2, с. 219]

Часты упоминания мифологических героев, управляющих судьбой (Парки), и персонажей-«прорицателей» (сивиллы). Так, к примеру, они описаны в «Мистериях поэта»:

Он вождя любую волю совершит, неуправляемый:
Повелит ли Муз владыка петь ему советы вышних,
Гесперид ли сны златые, или думы Прометей,
Афродиты ли небесной, Геи ль творческие тайны,
Песни ль Парок, иль Сивиллы роковые прорицанья... [4, с. 578]

Кроме того, к данной группе можно отнести «песни», также связанные с божественным проведением, высшими силами, выступающие в роли откровений, как правило, творческих («Младенчество»):

Стройна ли песнь и самобытна
Или ничем не любопытна, —
В том спросит некогда ответ
С перелазателя Поэт. [4, с. 640]

Согласно Вяч. Иванову, художник не является творцом собственных произведений. Он лишь посредник между высшими силами — «Поэтом» — и народом, «перелазатель» божественных «песен» на понятный и доступный человеку язык. Именно поэтому образ песни коррелирует напрямую с образом пророчества, откровения.

Третья группа, не менее значимая, является самой многочисленной среди представленных ранее и связана с образом смерти. В «Мирах возможного» Вяч. Иванов пишет:

Я вспомнил наш союз порою дальней, —
Мой краткий жар и возникавший холод,

Литература:

1. А. Б. Шишкин Вячеслав Иванов в зеркалах XX века. В. И. Иванов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост. к. Г. Исупова, В. 99 А. Б. Шишкина; коммент. е. В. Глуховой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко, А. Б. Шишкина и др. — СПб.: РХГА, 2016. — 996 с.
2. Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель, 1987, © Vjatcheslav Ivanov Research Center in Rome, 2010
3. Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. — 532 с. © Vjatcheslav Ivanov Research Center in Rome, 2006
4. Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1. — 769 с. © Vjatcheslav Ivanov Research Center in Rome, 2006
5. Машбиц-Веров, И. М. Русский символизм и путь Александра Блока / И. М. Машбиц-Веров. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1969. — 349 с.

Сравнительный анализ образов Анны Карениной и Константина Левина из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Никонов Семен Семенович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье предпринимается попытка сравнительного анализа главных героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Автор приходит к выводу, что две сюжетные линии романа показывают контрастные начала в человеческой природе, которые живут, чувствуют, и любят по-разному. Несмотря на изначально сходное

Предупрежденный песнью погребальной. [4, с. 673]
«Погребальная песнь» звучит вместе с «Марсиевой» в стихотворении «EPIRRHEMA»:

И на площадь выступает, мнимый Феба прорицатель —
И соперник тайный Феба; но личину видит всякий —
И богов, и смертных хохот судит Марсиеву песнь. [4, с. 580]

Образ Сфинкса у Вяч. Иванова неразрывно связан с образом вечной жизни и смерти. Лирический герой восклицает, обращаясь к мифическому существу: «Ты, вечный, жив». Действительно, смерть вне времени, она «пожирает слепцов», которым «сны сомкнули вежды». С радостным волнением герой ждет смерти, и лишь «забвенья лотос» способен утолить «глад» познания («Сфинкс»):

И, взорами друг друга вопрошая,
Молчали мы, надежду затая,
Вперед стопой крылатой поспешая...
И внятен стал той песни чудный склад,
И так звучал, погорье оглашая:
«Тобой, о, Сфинкс! пакирожденных чад
Прими восторг и пирный клик запева,
Забвенья лотос, утоливший глад! [4, с. 644]

Поэзия Вяч. Иванова поистине музыкальна. Сплетаясь воедино, две, на первый взгляд, различные сферы искусства, поэзия и музыка, образуют нечто новое, совершенное. И создателем этого «совершенного» может быть только настоящий Поэт, который чист сердцем, чужд «корысти земной», чужд малейшего недоверия к «откровениям». Иначе он — лишь «мнимый Феба прорицатель». Этим Поэтом и является Вяч. Иванов — «теург, постигающий божественные основы бытия средствами красоты и музыки, не отворачивающийся и от земли, но предпочитающий небо». [5, с. 116]

запутанное положение, герои приходят к своим концам: Анна к физической гибели, а Левин к духовному перерождению.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман, «Анна Каренина», сравнение, Анна Каренина, Константин Левин, жизненный путь, философия писателя

В романе «Анна Каренина» тема страсти, любви и брака переплетается с социальными проблемами, исход которой, представлен двумя параллельно протекающими сюжетными линиями. В обеих сюжетных линиях показана путаница семейных отношений, ведущими героями которых, являются Анна Каренина и Константин Левин. Оба персонажа находятся в положении запутанности и неопределенности, из-за двух сил, которые враждуют между собой — внешний закон общественного мнения и внутренний (нравственный) закон добра. Происходит выбор жизненного пути, и герои приходят либо к духовному тупику (Анна), либо к духовному возрождению (Левин). Всю эту идею романа можно обобщить термином самого Л. Н. Толстого «мысль семейная», которое придает роману, по мнению известного литературоведа Э. Г. Бабаева, «широкое дыхание» [1, с. 7].

Анна и Левин практически не знают друг друга, но они во многом сходны между собой: общественным положением, отношением к своей среде и общим мировосприятием.

Оба героя принадлежат к культурному слою русского дворянства, с которым находятся в конфликтных отношениях. Анну, прежде всего, отталкивает от общества, чуждая ее натуре ложь человеческих отношений: «кроме ума, грации, красоты, в ней была правдивость» [1, с. 807]. Петербургский кружок графини Лидии Ивановны, становится для Анны (после поездки в Москву) невыносим: «Ей показалось, что и она и все они притворяются, и ей стало так скучно и неловко в этом обществе, что она сколько возможно менее ездила к графине Лидии Ивановне» [1, с. 166]. Левин тоже видит в своем обществе ложь человеческих отношений и не удовлетворен им. Разлад социальных отношений становится преградой для его общего дела, которое стоит у Левина на первом месте. Даже любовь крестьян не удовлетворяет его, он знает, что их интересы «им не только чужды и непонятны, но фатально противоположны их самым справедливым интересам» [1, с. 387]. Внутренние мысли Левина конфликтуют с его внешней средой: «Он был в мучительном разладе с самим собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него» [1, с. 905].

Оба персонажа — это люди в поиске. Анна ищет настоящей любви, которая отсутствует в ее жизни с Карениным, а Левин — правды социальных отношений для его душевной гармонии.

Любовь Анны проявляется как опасная, злая и неконтролируемая стихия страсти. Эта «страшная буря» [1, с. 138] на станции Бологое, в котором приходит к Анне всепоглощающее чувство к Вронскому, кажется ей прекрасным, это было «то самое, чего желала ее душа, но

чего она боялась рассудком» [1, с. 139]. Любовь Анны к Вронскому уподобляется чувству голодного человека, которому дали поесть. Она любит его, но так, «как может любить женщина, для которой любовь перевесила все блага в жизни» [1, с. 429]. На нее обрушивается одна животная страсть, сильное, дикое и всепоглощающее чувство, которое губит ее наравне с законом, религией и общественным мнением того времени. Жизнь Анны наполняется, отторгающей ею же, ложью, а ее нежная, удивительная и преданная натура подавляется чувствами боли, пыток и страданий, которых приносит ей любовь к Вронскому. Анна испытывает ревность и ненависть к нему, а также ощущает, «что рядом с любовью, которая связывала их, установился между ними злой дух какой-то борьбы, которого она не могла изгнать ни из его, ни, еще менее, из своего сердца» [1, с. 814]. Она чувствует, что в ее душе рождается «неопределенный гнев и потребность мести» [1, с. 874], а затем — мысль о собственной смерти: «И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ее сердце злой дух вел с ним, ясно и живо представилась ей» [1, с. 863]. Трагедия Анны — это результат противоборства двух начал, свойственные природе человека, — физического и духовного. Героиня подавила свое чувство совести и стыда, свое духовное, дав возможность вырваться физическому началу.

Жизненные ситуации Анны и Левина ведут к трагедии, но если Анна терпит поражение во внутренней борьбе, то Левин преодолевает себя и приходит к возрождению.

Левин, занимаясь домашним хозяйством и исполняя роль барина, осознает, что обманывает себя: «То хозяйство, которое он вел, стало ему не только не интересно, но отвратительно, и он не мог больше им заниматься» [1, с. 387]. Несмотря на счастливо сложившуюся личную жизнь с Кити Щербацкой, его тоже посещают мысли о самоубийстве: он прятал шнурок, чтобы не повеситься на нем и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться. Перемена в Левине случается во время обычного, бытового разговора со своим подавальщиком Федором: «При словах мужика о том, что Фоканыч живет для души, по правде, по-божью, неясные, но значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззаперти, и все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя его своим светом» [1, с. 912]. «Он чувствовал в своей душе что-то новое и с наслаждением ощупывал это новое, не зная еще, что это такое» [1, с. 913] — эта перемена произошла благодаря его чувству, а не разуму и это невероятное чувство, открытое им, «незаметно вошло страданиями и твердо засело в душе» [1, с. 936]. Левин пытался познать смысл жизни через умственные усилия, через разум,

которое приносило ему лишь страдание и чувство отчаяния, а надо было лишь прислушаться к себе, к своим чувствам, чтобы понять: «жить для Бога, жить для души» [1, с. 915]. Победа духовного начала в личности Левина, приводит его к возрождению. Законы добра, любви и правды открылись ему благодаря приближению к труду простого народа, к народному сознанию и к Богу. Роман заканчивается его словами: «...вся моя жизнь... каждая минута ее... имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» [1, с. 936].

В момент рождения ребенка, человек переживает духовную работу, он перешагивает свою прежнюю личность, переходит на другой душевный уровень. И это явление, мы наблюдаем с Левиным, когда Кити рождает ему сына. Он испытывает мучительный страх, который подавляет обыденную радость и чувство счастья: «что он испытывал к этому маленькому существу, было совсем не то, что он ожидал. Ничего весёлого и радостного не было в этом чувстве; напротив, это был новый мучительный страх... страх за то, чтобы не пострадало это беспомощное существо» [1, с. 827]. Во время родов Кити он вспоминает своего брата Николая, на смертном одре, которое происходило год назад, и эти роды, в восприятии Левина, подобны смерти в своем соприкосновении с великим и вечным. Существует особая связь тайны рождения с тайной смерти: «Но то было горе, — это была радость» [1, с. 821]. В романе смерть выступает как рождение в новую жизнь, и в этом заключается концепт жизни и смерти Л. Н. Толстого.

Другим важным моментом, когда человек переживает духовную работу и перешагивает свою прежнюю личность, является вступление в брак. Для Л. Н. Толстого брак выступает как самое важное, мудрое и трудное дело жизни, которое совершается на небесах, дается обещание и клятва Богу. Левин размышляет: «Я ничего не открыл. Я только узнал то, что я знаю. Я понял ту силу, которая ... теперь дает мне жизнь. Я освободился от обмана, я узнал хозяина» [1, с. 915], под «хозяином» он подразумевает Бога. Духовная связь, нажитое годами между мужем и женой, связывает, не отпускает супругов друг от

друга, это показывает сцена, где Анна лежит в послеродовой горячке и одновременно одной рукой держит руку Каренина, а другой отталкивает его от себя. Писатель показывает, что гармония в семье Левиных приходит через преодоление множество преград и сложностей, особенно ярко подчеркивая начальный этап их семьи, где о Левине говорится: «Он был счастлив, но совсем не так, как ожидал... он на каждом шагу видел, что это было совсем не то, что он воображал... он испытывал то, что испытал бы человек, любовавшийся плавным, счастливым ходом лодочки по озеру, после того как он бы сам сел в эту лодочку» [1, с. 561]. И лишь преодоление душевных преград и бытовых сложностей, приводит его к родству душ с Кити, когда он и она сливаются в единое целое: «он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он... она была он сам» [1, с. 564].

Идиллия в семье Левиных, показанное писателем, является результатом духовного возрождения героя, которое приходит к нему через испытания: рождение ребенка, смерть близкого человека (брата Николая Левина) и брак с Кити. Эти этапы, когда человек встречается с рождением, браком и смертью, являются решающими для человеческой судьбы, они заставляют человека испытать сложную духовную работу, переосмыслить свою жизнь и ощутить присутствие в себе духовной силы, приближающей его к постижению Бога и истины жизни.

Прием антитезы, использованный Л. Н. Толстым, является основополагающим для построения образов и сюжетных поворотов романа, наравне с его философией и автобиографичным началом. Две сюжетные линии показывают контрастные начала в человеческой природе, которые живут, чувствуют, и любят по-разному. Несмотря на изначально сходное запутанное положение, герои приходят к своим концам: Анна к физической гибели, а Левин к духовному перерождению. Таким образом, Л. Н. Толстой показывает, в своем романе, лишённый нравственного единства раздробленный мир, в котором царит хаос добра и зла, жизни и смерти, духовного и физического...

Литература:

1. Толстой Л. Н. Анна Каренина. — 978–5–699–65467–3. — М.: Эксмо, 2014. — 961 с.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Новые лексические единицы в современном китайском интернет-сленге

Ван Синхуа, аспирант, старший преподаватель
Томский государственный педагогический университет

В статье рассматривается процесс пополнения современного китайского интернет-сленга новыми лексическими единицами на основе варьирования лексического значения слова и появления новых лексико-семантических вариантов. Описываются десять семантических рядов новых сленгизмов с ядерными элементами «帝», «族», «党», «哥», «体», «囡», «裸», «门», «客», «网». Каждая единица снабжена подробным переводом на русский язык.

Ключевые слова: китайский язык, интернет-сленг, новые лексические единицы

Словарный состав китайского языка, как и любого другого, постоянно меняется, что позволяет лингвистам трактовать язык, включая внелитературные его страты, как живую и развивающуюся систему.

В связи с процессами сближения китайской и западной культур, бурным развитием компьютерных технологий, распространением Интернета как канала коммуникации и появлением программ для общения в формате «социальная сеть» китайский язык активно пополняется новыми лексическими единицами, первоначально зарождающимися именно в сетевой коммуникации.

Язык, широко употребляемый разными слоями общества (конечно, в основном молодёжью) в сфере Интернет-коммуникации, условно можно назвать «Интернет-сленгом».

В настоящее время большое количество русских и китайских учёных (А. А. Шукин, Н. В. Виноградов, Т. В. Куприна, А. А. Хаматова, Ли Шунцзюань, А. Н. Сбоев, Янь Лиган и др.) исследует активное влияние сленга на развитие китайского языка на современном этапе, а «язык общения в Интернете сегодня становится всё более и более разнообразным и постоянно изменяется. В связи с этим, несомненный интерес представляет тот факт, каким образом язык Интернета влияет на современный китайский язык» [1]. Во-первых, Интернет-сленг стимулирует процесс демократизации китайского языка, обновляет его лексический и фразеологический состав. Во-вторых, постоянное обновление лексикона Интернет-сленга приводит лексико-семантическую систему китайского языка в динамическое состояние. Варьируется лексическое значение слова: одно лексическое значение становится актуальным, ядерным, а другое — периферийным; появляется новый лексико-семантический вариант, через его многократное употребление в коллективном сознании представителей китайской лингвокультуры закрепляется и утверждается новый вариант лексического значения и изменяется семантика лексемы.

Анализ материалов «Словаря Интернет-языка «Синьхуа» (《新华网路语言辞典》) [2] и собственных исследований [3–7] позволил выделить следующие семантические ряды Интернет-сленгизмов с разными ядерными элементами:

1. «帝(di): Бог, божество, император». В Интернет-сленге этому слову присвоено новое лексическое значение — любитель, мастер, знаток в какой-то сфере деятельности. Употребляются следующие слова, образованные при помощи суффикса «帝»: «游戏帝(yóu xì dì): сумасшедшие геймеры, которые невзирая на происходящее вокруг наводнение, тихо и спокойно сидят перед компьютером и погружаются в мир игр; сумасшедшие геймеры, поклонники компьютерных игр»; «炒作帝(chǎo zuò dì): писатель Чжан Ии, рождённый в 80-е годы, в своей книге «Пиар», сравнивая себя с Лао-цзы и Конфуцием, самоуверенно называет себя основоположником пиара в Китае; специалист по пиару»; «评论帝(píng lùn dì): Байхуа, он зампредседателя Союза писателей г. Чэнду, почти каждый день в стихотворной форме комментирует свежие новости на сайте, другие пользователи активно реагируют на его комментарии; специалист в области написания комментариев в Интернете»; «配音帝(pèi yīn dì): уборщик, у которого темп и тон речи, как у мастера дубляжа в голливудских фильмах»; «励志帝(lì zhì dì): Чжан Фуцзе, обладает неприятной внешностью, но его девушка симпатичная, после того как он выставил фотографии со своей любимой девушкой в чате, пользователи высоко оценили его целеустремленность в ухаживании за «тёлкой» и обещают брать с него пример»; «预言帝(yù yán dì): (нем. Oktopus-Orakel) — осьминог обыкновенный (Octopus vulgaris), получивший известность благодаря предполагаемой способности угадывать исходы матчей с участием футбольной сборной Германии; ясновидящий, предсказатель, ясновидец»; «表情帝(biǎo qíng

di): человек, который в общении отличается богатой мимикой»; «可爱帝 (kě ài dì): обращение студентов на новогоднем вечере в Педагогическом университете Центрального Китая к своему куратору, который отличается доброжелательностью и общительностью, поёт и танцует вместе со студентами; симпатичный, приятный человек»; «真相帝 (zhēn xiàng dì): человек, знающий малодоступные новости, суть вопросов, истину вещей»; «感情帝 (gǎn qíng dì): специалист в вопросах любовных отношений»; «英语帝 (yīng yǔ dì): специалист по английскому языку»; «电脑帝 (diàn nǎo dì): опытный Интернет-пользователь, юзер»; «文学帝 (wén xué dì): знаток литературы»; «音乐帝 (yīn yuè dì): знаток музыки»; «破解帝 (pò jiě dì): геймеры, способные расшифровать коды, пароли в компьютерных играх» и пр.

2. «族(zú): Группа, семейство». В Интернет-сленге данная единица обозначает группу людей, объединённых общей характеристикой или деятельностью. Употребляются следующие слова, образованные при помощи суффикса «族»: «阿鲁族 (ā lǔ zú): офисные работники, которые во вне рабочее время калымят, чтобы получить дополнительные денежные средства помимо зарплаты»; «爱闪族 (ài shǎn zú): любители, поклонники фотшопа; люди, которые при помощи компьютерной программы занимаются анимацией»; «拔草族 (bá cǎo zú): молодые люди, жаждущие приобрести какую-то вещь и ищущие способы исполнить желаемое»; «毕婚族 (bì hūn zú): женящиеся сразу по окончании вуза»; «波波族 (bō bō zú), 布波族 (bù bō zú), ВоВо族 (WòWò zú): Бобо (от фр. bourgeois bohemian, богемная буржуазия) — социологическое понятие, введённое американским писателем и журналистом Дэвидом Бруксом. Термин обозначает социальный класс богемных буржуа, сформировавшийся в конце XX века в США. Люди, получившие хорошее высшее образование, имеющие высокооплачиваемую работу, стремящиеся к свободе и независимости, активно продвигающиеся по карьерной лестнице»; «白跳族 (bái tiào zú): люди, которые постоянно меняют работу, но рабочие условия не улучшаются, а заработная плата фактически не увеличивается»; «蹭网族 (cèng wǎng zú): люди, которые, взламывая wi-fi пароли, нелегально и бесплатно пользуются чужим Интернет-трафиком»; «车床族 (chē chuáng zú): люди, которые предпочитают заниматься сексом в легковой машине»; «闯关族 (chuāng guān zú): геймеры»; «吊瓶族 (diào píng zú): пациенты, которые во время лечения предпочитают капельницы»; «红粉网族 (hóng fěn wǎng zú): чрезвычайно активные Интернет-пользователи женского пола»; «急婚族 (jí hūn zú): те, кто стремится поскорее вступить в брак ради выгоды или под давлением родственников (обычно о молодых девушках)»; «啃椅族 (kěn yǐ zú): термин относится к магазинам, забегаловкам и ресторанам быстрого питания в торговых центрах, где установлен ряд небольших столиков для

посетителей. Купив лишь напиток, в подобных местах можно без проблем проторчать почти целый день. Обычно такие места используются студентами во время прогулов — их оттуда никто не выгоняет и они могут даже вздремнуть сидя за столом»; «快闪族 (kuài shǎn zú): флешмоб, флешмобер (участник флешмобов)»; «库索族 (kù suǒ zú): люди, которые любят дурачиться, видоизменяя фотографии других пользователей Интернета»; «辣奢族 (là shē zú): любители предметов роскоши»; «乐活族 (lè huó zú): лохосист (от англ. LOHAS: lifestyle of health and sustainability); люди, придерживающиеся здорового образа жизни»; «日光族 (rì guāng zú): люди, которые обожают потратить зарплату или какие-л. доходы за день»; «闪婚族 (shǎn hūn zú): молниеносный брак (о людях, которые женятся, зная друг друга в среднем не более 3-х месяцев)»; «跳跳族 (tiào tiào zú): люди, которые постоянно меняют работу, скачут с одного места на другое»; «拖粉族 (tuō fěn zú): женщины, которые «тащат» сухое молоко из Гонконга в континентальный Китай для собственного употребления или продажи»; «脱光族 (tuō guāng zú): люди, которые пытаются избавиться от холостяцкой жизни»; «外卖族 (wài shí zú): в современной городской жизни люди, которые предпочитают есть не дома»; «网购族 (wǎng gòu zú): люди, которые предпочитают делать покупки в Интернете»; «网课族 (wǎng kè zú): люди, которые предпочитают самостоятельное дистанционное обучение по бесплатным образовательным Интернет-программам»; «网络晒衣族 (wǎng luò shài yī zú): люди (обычно женщины), которые выставляют в Интернете фотографии своей одежды, обсуждая ее с другими пользователями»; «网搜族 (wǎng sōu zú): люди (обычно офисные работники), которые для самоутешения разыскивают в Интернете информацию об успехах, достигнутых на предыдущей работе»; «望天族 (wàng tiān zú): про девушек, которые придерживаются жёстких принципов выбора своего бойфренда: обладание квартирой и легковой машиной, красивая внешность, приличная сумма на банковской карте»; «蜗居族 (wō jū zú): Люди, которые живут в скромном, тесном жилище»; «蜗牛族 (wō niú zú): те, кто ставит главной целью купить квартиру»; «卧槽族 (wò cáo zú): те, кто в профессиональной деятельности изо всех сил «пашет», не торопится менять работу, опираясь на реальную ситуацию»; «卧学族 (wò xué zú): студенты, которые, лёжа в кровати, пользуются компьютером»; «长草族 (zhǎng cǎo zú): молодые люди, которые жаждут владеть какими-то вещами, предметами (например, машинами, квартирами, гаджетами и т.д.)» и пр.

3. «党(dǎng): Группировка, клика». В Интернет-сленге нероглиф обозначает группу людей, объединённых общей характеристикой или занятием. Употребляются следующие слова, образованные при помощи суффикса «党»: «标题党 (biāo tí dǎng): те, кто посред-

ством оригинальных заголовков на форуме привлекает внимание других пользователей»; «锄头党 (*chú tóu dǎng*): самоназвание «банды» пользователей форума «Фуюньшуй», в данном случае слово приобретает иное значение, чем «банда» в криминальном мире»; «春哥党 (*chūn gē dǎng*): наименование фанатов известной китайской певицы Ли Юйчунь»; «红叉党 (*hóng chā dǎng*): те, кто в Интернете отправляет картинки с красным крестом»; «忽悠党 (*hū you dǎng*): те, кто обманывает других пользователей и мошенничает в Интернете»; «寂寞党 (*jì mò dǎng*): одинокие скучающие люди, все дела делают в одиночку»; «回音党 (*huí yīn dǎng*): о таком типе пользователей, которые одновременно открывают два и более видеороликов, в результате чего происходит наложение звуковых дорожек этих видеороликов»; «刻录党 (*kè lù dǎng*): люди, которые предпочитают записывать музыку и другую информацию на диски»; «揉脸党 (*róu liǎn dǎng*): любители употребления выражения Туского (рисованный заяц, персонаж популярной серии китайских смайликов, назван под впечатлением от рассказа А. Азимова про физика по фамилии Зебатинский)»; «硬盘党 (*yìng pán dǎng*): сторонники сохранения всех своих данных на жёстком диске»; «午夜党 (*wǔ yè dǎng*): о полуночниках, которые ночью играют в компьютерные игры или смотрят телевизор и т. п.»; «学生党 (*xué shēng dǎng*): какой-л. союз учащихся»; «复制党 (*fù zhì dǎng*): люди, которые занимаются плагиатом»; «中分党 (*zhōng fēn dǎng*): люди (в основном школьники, студенты), которые носят причёску с прямым пробором»; «IP党 (*IP dǎng*): люди, которые зачастую в чатах и форумах пишут сообщения без регистрации, свою подпись они не ставят, а оставляют длинный IP-адрес, кроме того, им ещё нравится писать сообщения с нецензурной лексикой или абсурдными вопросами, поэтому другие пользователи к ним относятся с презрением»; «手机党 (*shǒu jī dǎng*): мобиломаны, мобилофилы, телефонозависимые (люди, постоянно занятые своим сотовым телефоном, отправляющие смс или выходящие в Интернет)»; «剁手党 (*duò shǒu dǎng*): интернет-шопоголики» и пр.

4. «哥(*gē*): Старший брат; Вежливое обращение». В Интернет-сленге иероглиф не отражает родственных отношений, не указывает на гендерную и возрастную принадлежность. Данный сленгизм употребляется с целью выражения отношения автора к реальности, к героям события: одобрительного, порицательного, пренебрежительного и пр. Употребляются следующие слова, образованные при помощи суффикса «哥»: «熨斗哥 (*yùn dòu gē*): о парне Цю Цю из г. Лэшань провинции Сычуань, который виртуозно гладит одежду, видеоролик его работы с утюгом размещён в Интернете и пользуется большой популярностью»; «卧铺哥 (*wò pù gē*): о мужчине, который ехал в плацкартном вагоне и спал в одних трусах»; «被子哥 (*bèi zi gē*): о студенте Сычуаньского сельско-

хозяйственного университета, который при расставании с университетской жизнью оставил подпись на своём одеяле»; «粉笔哥 (*fěn bǐ gē*): о мужчине, который в парке Чжабэй г. Шанхая цветным мелом нарисовал картину «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, его называют «уличным да Винчи»; «烧烤哥 (*shāo kǎo gē*): о парне из района Синьду г. Чэндун провинции Сычуань, он и шашлыки жарит, и под модную музыку красиво танцует, кайфует, не обращая внимания на других»; «撕证哥 (*sī zhèng gē*): человек, который приехал в Пекин и перед входом в Министерство образования Китая порвал диплом об окончании университета»; «证件哥 (*zhèng jiàn gē*): об одном выпускнике, который с дипломами и разными сертификатами на ярмарке вакансий не нашёл работу, хотя считался конкурентоспособным»; «汽修哥 (*qì xiū gē*): несовершеннолетний авторемонтник, очень художественный, но квалифицированный»; «专拍哥 (*zhuān pāi gē*): мужчина, который три месяца подряд фотографировал машины госслужащих и разместил более тысячи фотографий в Интернете»; «高考哥 (*gāo kǎo gē*): человек, который четыре года подряд отлично сдавал вступительные экзамены в вузы, но не пошёл учиться»; «林肯盒饭哥 (*lín kěn hé fàn gē*): о человеке, который ездит на машине «Линкольн Навигатор» (Lincoln Navigator), которая стоит около миллиона юаней, но предпочитает фастфуд, который стоит около шести юаней»; «妖娆哥 (*yāo ráo gē*): женподобный мужчина в г. Тяньцзинь, который ошарашил людей своим ярким нарядом»; «咆哮哥 (*pào xiào gē*): об одном госслужащем из г. Гуанчжоу, который очень нахально себя вёл на работе, грубо обращаясь к коллегам»; «飙血哥 (*biāo xiě gē*): мужчина среднего возраста, который из-за какой-то мелочи подрался и в ходе драки, несмотря на разбитый до крови лоб, не собирался сдаваться, держа в руках палку, табуретку»; «胸肌哥 (*xiōng jī gē*): о мужчине, который тридцать лет регулярно занимается спортом, не курит, не пьёт, не ест острого и жирного, не болеет, у него рост 175 см, вес 50 кг, обхват талии 72 см, обхват груди 102 см»; «犀利哥 (*xī lì gē*): инт. «суровый брат» (прозвище душевнобольного бомжа, чьи фотографии попали в китайскую блогосферу в 2010 г. и сделали его знаменитым)»; «未来哥 (*wèi lái gē*): ник одного из пользователей форума «Байду», который успешно предсказал результаты Кубка мира по футболу» и пр.

5. «体(*tǐ*): Стиль, жанр». В Интернет-коммуникации формируется новый модный стиль речи, созданный молодым поколением китайцев (так называемые 八零后, 九零后, т.е. рождённые в 80-е и 90-е годы). Употребляются следующие слова, образованные при помощи суффикса «体»:

«红楼体 (*hóng lóu tǐ*): стиль речи, в котором часто употребляются непонятные людям выражения, имитирующие стиль классического романа «Сон в красном тереме»; «知音体 (*zhī yīn tǐ*): название стиля публи-

каций известного журнала «Чжи Инь», жанрово имитирующего материалы форума «Тяньшэцзюй»; «甄嬛体 (zhēn huān tǐ): стиль, имитирующий стиль речи в китайском телесериале «История Чжэнь Хуань»; «纺纱体 (fǎng shā tǐ): стиль речи, который имитирует стиль языка Шекспира»; «梨花体 (lí huā tǐ): манера речи известной китайской поэтессы Чжао Лухуа и её фанатов»; «脑残体 (nǎo cán tǐ): «марсианский язык» (нарочитое коверкание китайского языка в Интернете»; «咆哮体 (páo xiào tǐ): тип письма, изобилующего восклицательными знаками»; «淘宝体 (táo bǎo tǐ): манера речи пользователей Интернет-магазина «Таобао», также используется продавцами при описании товаров»; «琼瑶体 (qióng yáo tǐ): имитация стиля известной китайской писательницы «Цюн Яо» и пр.

6. «囧 (jiǒng): свет (проникающий через окно); светлый, озарённый, инт. расстроенное лицо (иероглиф-смайлик, похожий на лицо)». С 2008 г. в Интернет-коммуникации (на форумах, в чатах, блогах, комментариях и пр.) появился распространённый иероглиф «囧» в качестве знака выражения эмоций грусти, печали и описания безысходной, беспомощной и неловкой ситуации. Он стал одним из самых модных китайских иероглифов в XXI веке. Употребляются следующие слова с префиксом «囧»: «囧客 (jiǒng kè): человек, который думает, что уместно пользоваться иероглифом «囧» для передачи душевного состояния, настроения, способен привыкнуть к собственной беспомощности в безвыходной ситуации или попасть в неловкую ситуацию); «囧文 (jiǒng wén): текст, который ошарашивает читателей и приводит их в шоковое состояние: хочешь смеяться, хочешь плачь!»; «囧事 (jiǒng shì): о том, что человек попал в очень неловкое положение»; «囧片 (jiǒng piàn): картины, которые приводят людей в состояние ужаса, картинки, которые ассоциируются с фильмами ужасов»; «囧呆 (jiǒng dāi): неловкий человек, милый и туповатый»; «囧探 (jiǒng tàn): человек, который расследует какое-либо преступление или происшествие и выкладывает результаты расследования в Интернет»; «囧文化 (jiǒng wén huà): культура, связанная с иероглифом «囧»; «囧方体 (jiǒng fāng tǐ): правильный многогранник, который состоит из шести иероглифов «囧»; «囧巨菜菜 (jiǒng jù cài cài): орфоэпическая ошибка с иероглифом «囧»; «呱呱爆笑 (guā guā bào xiào): смешные видеоролики и анекдоты», «囧途 (jiǒng tú): неудачная дорога»; «囧图 (jiǒng tú): фотография или картинка, на которой люди дурачатся» и пр.

7. «裸 (luǒ): обнажённый, голый, нагой». В Интернет-сленге иероглиф обозначает отсутствие чего-н. Употребляются следующие слова с префиксом «裸»: «裸奔 (luǒ bēn): (букв. бежать голышом), писать сообщение в форуме, чате без регистрации, писать анонимно»; «裸辞 (luǒ cí): уволиться в «никуда» (не имея другой работы)»; «裸捐 (luǒ jiān): жертвовать все деньги в пользу нуждающихся»; «裸考 (luǒ kǎo): школьники, которые поступают в университет только по ре-

зультатам экзаменов, а не в результате победы на предметных олимпиадах; сдавать экзамены без подготовки»; «裸官 (luǒ guān): (букв. голый чиновник), правительственный чиновник, чья семья постоянно проживает за рубежом»; «裸婚 (luǒ hūn): (букв. голая свадьба), вступить в брак по любви без покупки квартиры, автомобиля, свадебной церемонии, колец и т.п.); «裸机 (luǒ jī): (букв. кожа да кости, скелет, набор деталей для сборки компьютера, не включенный в сеть мобильный телефон)»; «裸退 (luǒ tuì): чиновник, ушедший в отставку, больше не занимающий никаких должностей»; «裸漂 (luǒ piāo): странник, который при себе не имеет никакого имущества (ни машины, ни собственной квартиры, ни любимого человека, ни денег и пр.), о тяжёлой жизни приезжих в современном мегаполисе»; «裸映 (luǒ yìng): «голая» премьера фильма без предварительной рекламной кампании»; «裸车 (luǒ chē): (букв. голая машина), машина без дополнительной комплектации (обычно речь о автоаксессуарах)»; «裸装 (luǒ zhuāng): (Nude Packed: обнажённая упаковка), товары без упаковки; интимная одежда»; «裸妆 (luǒ zhuāng): естественный макияж»; «裸照 (luǒ zhào): откровенные фотографии»; «裸烹 (luǒ pēng): здоровое питание, приготовление поваром экологически чистых продуктов питания без пищевых добавок, причём в пище соблюдается идеальное сочетание цвета, аромата и вкуса»; «裸贷 (luǒ dài), 裸条 (luǒ tiáo): ситуация, когда при получении кредита в Интернет-банке девушка предлагает в качестве залога свои откровенные фото с удостоверением личности в руке, при невозврате займа кредитор может распространять эти фото в Интернете»; «裸谈 (luǒ tán): откровенная беседа, которая имеет важное значение; серьёзный разговор»; «裸价 (luǒ jià): минимальная цена» и пр.

8. «门 (mén): ворота; двери; калитка; семья, род; родной дом общественное положение семьи; родовитость; знатность школа; последователи; учение, секта; клика». В Интернет-сленге иероглиф обозначает какие-н. инциденты, скандалы или слухи. Основываясь на давно существующей в китайском языке модели «水门事件 — Уотергейтский скандал» в Интернет-коммуникации создаются различные сленгизмы при помощи суффикса «门»: «艳照门 (yàn zhào mén): фото-скандал; пользователь Ци На в Интернет-форуме «Тяньъя» выставил порнофотографии известного китайского артиста, певца Чэнь Гуаньси с его партнёршами (в основном это известные актрисы и певицы Китая)»; «哈欠门 (hā qiān mén): инцидент с телеведущей Вэнь Цзин, которая от усталости вследствие большой нагрузки на работе зевала в прямом эфире передачи «Утренние новости в Поднебесной»; «补妆门 (bǔ zhuāng mén): инцидент с телеведущей Хэ Хунмэй, которая делала себе макияж в прямом эфире программы «Вечерние новости» на первом канале Центрального телевидения Китая»; «短裤门 (duǎn kù mén): скандал с проступком телеведущего, который

в прямом эфире ведёт программу «Футбол в мире» на пятом канале Центрального телевидения Китая в одних шортах»; «解说门 (jiě shuō mén): бесплодные попытки спортивного комментатора Хуан Цзянь Сянь дать объяснение своему поведению и принести извинения на множестве пресс-конференций за случай, когда он в прямом эфире чемпионата мира по футболу 2006 г. в порыве переживаний, громогласно выкрикнул: «Да здравствует Италия!». Свое поведение он оправдать не смог и вскоре ему пришлось уйти с телеканала»; «口误门 (kǒu wù mén): скандал по поводу оговорки телеведущего Цю Цимин на программе CCTV»; «抠鼻门 (kōu bí mén): скандал, связанный со странным поведением одного телеведущего Центрального телевидения Китая, который в прямом эфире то облизывает губы, то ковыряется в носу, то разговаривает по телефону»; «吻痕门 (wěn hén mén): инцидент с телеведущим CCTV Чжао Пу, на шее которого в прямом эфире обнаружился засос»; «整容门 (zhěng róng mén): слухи о телеведущей Ху Де, что она является самой красивой телеведущей телеканала CCTV лишь благодаря пластической операции»; «迟到门 (chí dào mén): скандал между футболистками и главным тренером женской сборной Китая по футболу, которая постоянно опаздывает на тренировку»; «间谍门 (jiàn dié mén): слухи о телеведущей Фан Цзин, которая по подозрению в шпионской деятельности была арестована, но недавно вернулась на работу»; «小三门 (xiǎo sān mén): слухи о том, что телеведущий А Цю (Цю Мэнхуан) завёл молодую любовницу-студентку»; «中指门 (zhōng zhǐ mén): сделать неприличный жест с поднятым средним пальцем, скандал, связанный с поведением спортсмена Сун Синъюй, который во время соревнований Спартакиады народов КНР два раза показал зрителям неприличный жест, а потом оправдался, что зрители во время соревнований не дали ему возможность сосредоточиться»; «做爱门 (zuò ài mén): скандал, связанный с видеороликом в Интернете, в котором студенты университета «Ханьдань» занимаются сексом в университетской аудитории»; «飞机门 (fēi jī mén): скандал, связанный с видеороликом в Интернете, в котором студент занимается мастурбацией в библиотеке»; «摸奶门 (mō nǎi mén): инцидент, который произошёл в школе г. Цыси провинции Чжэцзян и связан с сексуальными действиями школьников по отношению к груди их одноклассницы»; «喂奶门 (wèi nǎi mén): школьница десятого класса родила ребёнка от своего бывшего бойфренда, кормит ребёнка грудным молоком, хотела скрыть эту тайну, но одноклассники заметили её секрет» и пр.

9. «客 (kè): гость; посетитель; постоялец; пассажир; путешественник, чужеземец; проезжий, прохожий; бродячий; иногородний, пришлый (напр. торговец); (чаще отрицательно) мастер (чего-л.), специалист по (чему-л.)». В Интернет-сленге иероглиф обозначает тип человека, который отличается склонностью к какому-н. занятию, де-

ятельности, употребляются следующие сленгизмы, образованные при помощи суффикса «客»: «试客 (shì kè): человек, который в Интернете склонен запрашивать бесплатные пробники, бесплатные образцы товаров у продавцов в Интернете»; «职客 (zhí kè) агент по трудоустройству, консультант по трудоустройству и карьере»; «晒客 (shài kè) тот, кто делится разными аспектами своей жизни в интернете; тот, кто виртуально выставляет свою жизнь напоказ»; «换客: люди, которые в Интернете обмениваются редко используемыми вещами, предметами»; «威客 (wēi kè): Witkey, люди, которые стремятся в пространстве Интернета, пользуясь своими знаниями, умом, интеллектом, приобрести экономическую выгоду»; «粉客 (fěn kè): профессиональный фанат, который пишет сообщения о своем кумире из мира шоу-бизнеса на популярных форумах, создаёт веб-сайт, блог»; «闪客 (shǎn kè): тот, кто изготавливает флэш (Flash)»; «拍客 (pāi kè): Интернет-корреспондент, фотоблоггер»; «测客 (cè kè): тот, кому нравится проводить опросы и тестирования в Интернете»; «拼客 (pīn kè): не знакомые друг другу люди, которые через Интернет объединяются для совершения каких-либо действий, например, совместных покупок»; «极客 (jí kè), 技客 (jì kè), 奇客 (qí kè): гик, человек, чрезвычайно увлечённый Интернетом; фанат Интернета, интернет-зависимые люди»; «网客 (wǎng kè): человек, чья жизнь и работа зависит от Интернета»; «网络催客 (wǎng luò cuī kè): коллектор, человек, который разными способами (вплоть до шантажа) заставляет должника вернуть кредит кредитору» и пр.

10. «网 (wǎng): Сетка, сеть». В Интернет-сленге иероглиф выступает как сокращённая форма иероглифов «因特网 (Интернет), 网络 (Интернет-сеть)». При помощи префикса «网» образованы следующие сленгизмы, связанные с «Интернетом» или «Интернет-сетью»: «网蝶 (wǎng dié): женщина — пользователь Интернета»; «网哥 (wǎng gē): друг в Интернете, сетевой друг»; «网鬼 (wǎng guǐ): люди, которые страдают Интернет-зависимостью»; «网姐 (wǎng jiě): подруга в Интернете, сетевая подруга»; «网警 (wǎng jǐng): Интернет-полиция»; «网军 (wǎng jūn): Интернет-армия, которая защищает информационный суверенитет»; «网络暴民 (wǎng luò bào mín): Интернет-оппозиционер, обсуждающий острые социальные проблемы»; «网络保姆 (wǎng luò bǎo mǔ): человек, который оказывает пользователям консультационные услуги по вопросам безопасности в Интернете»; «网络麻豆 (wǎng luò má dòu): фотомодель в Интернете»; «网盲 (wǎng máng): человек, который не пользуется Интернетом»; «网迷 (wǎng mí): заядлый любитель Интернета»; «网奴 (wǎng nú): раб Интернета»; «网托 (wǎng tuō): человек, нанятый владельцем Интернет-магазина, выдающий себя за покупателя, чтобы привлечь клиентов»; «网络暴力 (wǎng luò bào lì): насилие в Интернете, которое в основном прояв-

ляется в речевой агрессии»; «网格 (wǎng gé): проявление человеческого достоинства в Интернет-коммуникации»; «网恋 (wǎng liàn): интернет-любовь, любовь по Интернету»; «网捐 (wǎng jiūn): Интернет-благотворительность»; «网剧 (wǎng jù): Интернет-сериалы»; «网婚 (wǎng hūn): виртуальное бракосочетание в Интернете»; «网货 (wǎng huò): товары, продаваемые в Интернете»; «网购 (wǎng gòu): покупка товаров через Интернет»; «网路 (wǎng lù): тайваньский диалект, Интернет»; «网龄 (wǎng líng): стаж пользования Интернетом»; «网瘾 (wǎng yǐn): Интернет-зависимость» и пр.

Безусловно, данный перечень семантических рядов новых слов китайского Интернет-сленга не является законченным, поскольку язык Интернет-коммуникации, ко-

торая отличается повышенной концентрацией информации, постоянно обогащается, пополняя свой словарный состав сленгизмами — неологизмами в соответствии с появлением новых событий и социальных явлений.

Анализ сленговых единиц показывает, что в современном Китае молодёжь в качестве самой активной страты общества стала больше интересоваться политикой, стремятся к участию в социальной жизни, инициативно, живо и эмоционально реагируют на изменения в окружающей их действительности.

Таким образом, Интернет-сленг, охватывающий все сферы жизни общества, в частности, политическую, культурную и повседневную, оказывает активное влияние на развитие китайского языка, формирование нового «языкового вкуса» современного китайского социума.

Литература:

1. Меркулова М. В. Заимствования в китайском языке и особенности их изучения // Социально-педагогические сопровождение студентов в процессе изучения иностранных языков в неязыковом вузе. Духовная культура России, Японии, Китая, Кореи: материалы Междунар. науч. — практич. конф. (Хабаровск, 17–18 мая 2012 г.). — Хабаровск, 2012. — С. 54–56
2. 新华网络语言辞典 / 汪磊主编. —北京: 商务印书馆, 2012. —233页 / Словарь Интернет-языка «Синьхуа», — Пекин, Коммерческое издательство, 2012, —233 с.
3. Ван, с. К вопросу возникновения, роли в обществе, источниках пополнения молодежного жаргона в русском и китайском языке: сопоставительный аспект / С. Ван // Филология и лингвистика в современном мире: Материалы I Междунар. науч. конф. (Москва, 2017). — М.: Буки-Веди, 2017. — С. 32–34.
4. Ван, С. Сопоставительный анализ единиц русского и китайского молодежного жаргона в тематическом аспекте / С. Ван // Молодой ученый. — 2017. — № 11. — С. 310–319.
5. Ван, С. Лексические средства номинации лица в китайском молодежном жаргоне / С. Ван // Ежемесячный научный журнал: Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — № 01 (84). — Ч. 1. — С. 119–122.
6. Ван, С. Жаргонизмы в речи китайской молодёжи: опыт лингвокультурологического описания / С. Ван, А. В. Курьянович // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). — 2016. — № 3 (166). — С. 9–14.
7. Ван, С. Русские и китайские молодежные жаргонизмы как проявление национальной лингвокультуры и научный объект изучения / С. Ван // Сибирский филологический журнал. — 2017. — № 3. — С. 248–257.

Анализ фонетических систем английского и туркменского языков (прогноз относительно туркмено-английской интерференции)

Карпова Анастасия Михайловна, магистрант

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В данной статье рассмотрены особенности туркменской и английской фонетических систем, возможные фонетические ошибки и их причины.

This article discusses the features of the English and Turkmen phonetic system, possible mistakes and their causes.

В школах и университетах английский — один из самых популярных языков, поэтому преподаватели и студенты могут столкнуться с проблемами при обучении. Это не удивительно, ведь английский и туркменский языки принадлежат к разным языковым семьям.

Сформированность фонетических навыков является непременным условием адекватного осуществления речевого сообщения. Произношение является базовой характеристикой речи, основой для развития и совершенствования всех остальных навыков иноязычной речи.

Таблица 1

Тюркский язык	Германский язык
Огузская подгруппа	Англо-фризская подгруппа
Туркменский язык	Английский язык

Именно поэтому проблему обучения фонетике английского языка туркменских студентов рассматривали многие авторы. Было проанализировано описание фонетических систем английского и туркменского языков, выполненных Джеббармаметом Гокленовым [1], Айнель Мешадиевой [4], Копыриной Мариной Викторовной, Шаджыковым Эсенмыратом Тачмурадовичем [3], Апп Вакер [1].

Одним из наиболее важных моментов при обучении английскому языку является коррекция фонетической интерференции. Под термином «интерференция» подразумевается процесс взаимодействия родного и другого (изучаемого) языков, в результате чего говорящий испытывает влияние норм родного языка и нарушает нормы другого языка.

Для того, чтобы точно обозначить состав слова и тем самым облегчить овладение произношением иностранного языка, пользуются фонетической транскрипцией.

Английский алфавит состоит из 26 букв, из них 6 служат для обозначения гласных звуков (а, е, і, о, u, y). Всего в английском языке 44 звука (20 гласных и 24 согласных), поэтому одна и та же буква в разных положениях может читаться по-разному.

В туркменском языке 30 букв и 30 звуков. Орфография туркменского языка основана на фонетическом принципе, т.е. буквы соответствуют звукам.

Фонетические системы английских и туркменских языков имеют и сходства, и различия. Так, и в английском и в туркменском языках, важное значение имеет положение языка.

Гласные звуки делят на группы по положению языка.

Таблица 2

Классификация гласных звуков по горизонтальному положению языка

Ряды	Английский	туркменский
Передний	i: e æ ɪ	i: e œ ə y ɛ
Смешанный	ɜ: ə	
Задний	ʌ ʊ ɑ: ɔ: u: ɒ	o u

Как видно из таблицы, в туркменском языке отсутствуют гласные среднего ряда, поэтому им стоит уделить особое внимание при обучении фонетике.

Таблица 3

Классификация гласных звуков по вертикальному положению языка

Подъем	Английский	Туркменский
Верхний	i: u: ɪ ʊ	i u y
Средний	e ɜ: ɔ:	e
Низкий	æ ɑ: ɒ ʌ	ä

Согласно таб. 2 в туркменском языке гласные практически не различаются по подъему (гласных среднего и заднего подъема всего по 1 звуку). В английском же степень подъема языка имеет большое значение для правильного произношения, с чем могут возникнуть проблемы у туркменских студентов.

Так же важна для различения смысла слов долгота гласных. Звуки различаются по долготе и в английской и в туркменской фонетических системах, однако в туркменском языке качество гласных не меняется (долгие произносятся как два кратких звука), а в английском

языке долгота является позиционной и зависит от соседних звуков.

Английские согласные подразделяются на звонкие и глухие:

- к глухим относятся: f, h, k, p, s, ʃ, t, θ, tʃ;
- к звонким: b, d, g, ʒ, ʒʒ, ð, v, z.

Кроме того, различают сонанты: l, m, n, ŋ, r, j, w

Специфику туркменского консонантизма составляют, прежде всего, фонемы [θ] и [ð], которые иногда рассматриваются как межзубные согласные, но таковыми не являются. Фонемы [θ] и [ð] передаются буквами s и z.

Таблица 4

Классификация согласных звуков по способу образования

	Английский	Туркменский
Смычные	p b t d k g n m ŋ	p b t d k g n m ŋ
Щелевые	θ ð f v s z h ʃ ʒ j w ɟ	θ ð f v s z ʃ ʒ j w ɟ
Вибранты		ɾ
Смычно-щелевые (аффрикаты)	tʃ dʒ	t d tʃ dʒ

Большая часть согласных звуков двух языков имеет близкое произношение и расположение по способу образования в Таблице 4. Наличие межзубных звуков в англий-

ском и туркменском языке облегчает их усвоение. Особого внимания в группах туркменских учащихся требует постановка и отработка заальвеолярного английского звука [ɾ].

Таблица 5

Классификация согласных звуков по месту образования

		Английский	Туркменский
Губные	губно-губные	p b m w	p b m w
	губно-зубные	f v	f v
Переднеязычные	зубные	θ ð	θ ð n l s z
	альвеолярные	t d n l s z	t d n l
	палато-альвеолярные	tʃ dʒ	tʃ dʒ
	заальвеолярные	ɾ ʒ	ɾ
Среднеязычные (палатальные)		ʃ	ʃ
Заднеязычные (велярные)		k g ŋ	k g ŋ
Гортанные		h	h

Основная масса совпадений согласных наблюдается по месту их образования, но надо помнить, что в туркменском языке отсутствует аспирация, свойственная английским согласным p, t, k. В английском и туркменском языках существуют фонемы, совершенно не имеющие никаких соответствий в двух других и/или фонемы, хотя и сходные, но отличающиеся в той или иной степени.

Необходимо отметить, что в туркменском языке сочетаемость согласных ограничена. Более того, в туркменском языке сочетания согласных в начале слова почти отсутствуют (за исключением заимствованных слов), это является следствием закона гармонии, свойственного тюркским языкам. Под влиянием фонетической системы родного языка учащиеся могут вставлять гласные между согласными.

Туркменский язык характеризуется равномерным распределением функциональной нагрузки между согласными и гласными. имеет систему консонантизма, менее подверженную позиционным изменениям, тогда как система вокализма характеризуется широким диапазоном позиционных изменений. Туркменские согласные отличаются большими возможностями варьирования, а гласные практически лишены позиционных изменений.

Важно отметить, что трудности при обучении могут вызвать не только звуки, но и ударения. В системе туркменского языка есть факторы, которые могут быть ква-

лифицированы как создающие трудности, а также благоприятные для овладения ударением иностранного языка.

К ним относятся:

- а) не долготное, тональное словесное ударение
- б) отсутствие редукции в туркменском языке.
- в) отсутствие идентичности в языковой значимости словесных акцентов.
- г) напряженность, четкость, преобладание по длительности, громкости, интенсивности (не обязательно в полном наборе признаков), возникающие во втором слоге от конца слова как результат корреляции ударного и предударного слогов, ударности и безударности, а также позиционного размещения долгот;
- д) напряженность, проявляющаяся в закрытом слоге за счет его структуры и свойств согласных фонем;
- е) участие словесного ударения (вместе с долготами) в ритмике слова.

Сравнительный анализ фонетических систем английского и туркменского языков показал наличие определенного количества совпадающих или близких по способу формирования и произнесения звуков. Это позволяет сформулировать гипотезу о том, что при обучении английскому языку туркменские студенты могут встретиться со следующими проблемами

— в туркменском языке отсутствуют гласные среднего ряда, поэтому им стоит уделить особое внимание при обучении фонетике.

— Следует обратить особое внимание на английские гласные среднего и низкого подъема, т.к. в туркменском языке гласные практически не различаются по этому признаку

— Особого внимания в группах туркменских учащихся требует постановка и отработка заальвеолярного английского звука [r].

— в туркменском языке сочетания согласных в начале слова почти отсутствуют. Под влиянием фонетической системы родного языка учащиеся могут вставлять гласные между согласными.

В будущем эта гипотеза будет проверена с помощью методов наблюдения, эксперимента и анкетирования.

Литература:

1. Ann Baker Tree or Three, Cambridge University Press, 2006
2. Гокленов, Дж. Безударные гласные в многосложных словах туркменского языка (экспериментально-фонетическое исследование) [Электрон. ресурс]/ Дж. Гокленов. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/bezudarnye-glasnye-v-mnogoslozhnykh-slovakh-turkmenskogo-yazyka-eksperimentalno-foneticheskoe>
3. Копырина М.В. Сопоставительный анализ фонетических систем английского, французского и туркменского языков [Электрон. ресурс]/М. В. Копырина, Э.Т. Шаджыков. — Режим доступа: <http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/2015-3-3.pdf>
4. Мешадиева А. Формальное описание закона гармонии в тюркских языках/А. Мешадиева — Баку: Элм, 2004—244 с

Структурный анализ моноксемных технических терминов

Клепиковская Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске (Архангельская обл.)

Исследование структуры любой терминологии предполагает установление различных способов словообразования, учет количества компонентов, образующих терминологическую единицу, и характер связи между ними. В целях установления структурных признаков терминологии необходимо решить следующие задачи: установить наиболее частотные словообразовательные модели в однословной и составной терминологии и компоненты этих моделей, а также выявить наиболее частотные терминологические элементы, используемые при создании терминов. В ходе решения этих задач был выполнен анализ структуры терминов, входящих в терминосистему сварочного производства.

В лингвистической литературе выделяются, как правило, следующие разряды терминологии: производная, производная, сложная и составная. Перечисленные разряды терминов являются частью двух традиционно разграничиваемых основных групп терминов — терминов-слов (моноксемная терминология) и терминов-словосочетаний (полилексемная терминология).

При распределении терминологической лексики по разрядам в настоящем исследовании учитывались следующие принципы и критерии.

1. К простой производной терминологии относятся лексические единицы, состоящие из одной корневой морфемы. По мнению ряда лингвистов, установление данного структурного разряда терминов не вызывает особых сложностей, поскольку зачастую корень совпадает с основой слова [Гринев-Гриневиц, 2008: 121;].

2. К производным терминам относятся термины, представляющие собой сочетание основы с терминологическими

элементами, выступающими в префиксальной, суффиксальной или префиксально-суффиксальной функции.

С учетом существующих в лингвистике и терминологии структурных классификаций терминов, в основу которых кладется морфолого-синтаксический принцип, а также соотносясь с задачами данного исследования, все отобранные для анализа термины были распределены по приводимым ниже структурным моделям.

— модель 1 (M1) — простая производная терминология;

— модель 2 (M2) — простая производная терминология;

— модель 3 (M3) — сложная терминология;

— модель 4 (M4) — составная терминология.

В рамках данной статьи будут рассмотрены структурные модели образования моноксемной терминологии в области сварочного производства, т.е. простая производная, простая производная и сложная модели.

Модель M1 (простая производная терминология) представлена терминами, состоящими из одной корневой основы. Термины данной группы представлены в основном *именами существительными*, например: *weld* 'сварной шов', *arc* 'сварочная дуга', *envelope* 'кожух', *limb* 'колено трубы', *skin* 'окалина'; среди них обнаруживаются имена собственные, например, *Reaumur* 'температурная шкала Реомюра'. Помимо существительных, термины этой группы представлены *именами прилагательными*, например, *bare* 'неизолированный', *dead* — 'обесточенный' и *глаголами*, например, *to marry* 'соединять, сращивать концы', *to weld* 'сваривать', *to kill* 'отключать гасить'.

Модель М2 (простая производная терминология) охватывает термины, образованные при помощи аффиксов от одной производящей основы. Данный структурный тип реализуется при помощи трех способов терминообразования.

1. Суффиксальный способ применяется для образования терминологических единиц, образованных от корневой основы при помощи суффиксов, например: *lead-er* 'проводник', *govern-or* 'регулирующий реостат', *ri-vert-ing* 'клевка'.

В качестве терминоэлементов, выступающих в суффиксальной функции, используются следующие морфемы: *-ing, -ic, -er, -ion, -or, -ment, -ure, -ant, -ation, -ate, -ar, -ance, -y, -al, -ed, -able, -ity, -ive, -age, -s, -ize, -let, -ness, -or, -le*.

Наибольшей продуктивностью в сфере сварочной терминологии обладают суффиксы *-ing, -er*, которые в количественном отношении значительно превосходят другие терминоэлементы.

2. Префиксальный способ применяется для образования терминологических единиц, образованных от корневой основы при помощи префиксов, например: *dis-charge* 'разряд цепи', *over-coat* 'покрытие', *over-lap* 'нахлестка', *multi-circuit* 'многоцепной' и т.д.

В ходе морфемного анализа были установлены основные терминоэлементы, входящие в состав простой производной терминологии, образованной данным способом. В качестве аффиксов, выступающих в префиксальной функции, применяются следующие терминоэлементы: *electro-, dis-, fore-, in-, inter-, mega-, multi-, out-, over-, pre-, re-, under-*. Наибольшую частотность демонстрирует префикс *over-*.

3. Префиксально-суффиксальный (смешанный) способ применяется для образования терминологических единиц, образованных от корневой основы при помощи суффиксов и префиксов, например: *en-case-ment* 'кожух', *self-heal-ing* 'самовосстановление конденсатора и т.д.

В качестве префиксов используются следующие терминоэлементы: *dis-, electro-, em-, en-, ex-, in-, inter-, multi-, non-, over-, pre-, re-, self-, super-, un-, under-*. В качестве суффиксов выступают терминоэлементы: *-ing, -er, -ion, -or, -ment, -ure, -ation, -ed*.

Результаты систематизации аффиксов по степени частотности показывают, что наибольшей продуктивностью в сфере терминообразования в сварочной терминологии обладают аффиксы *dis-, un-, en-, re-*, выступающие в префиксальной функции и аффикс *-ing*, выступающий в функции суффикса.

По своему происхождению терминоэлементы, используемые для образования терминов сварочного производства, являются как исконными, т.е. имеющими германское происхождение (*un-, over-, under-, in-, -ed, -ing, -er, self-*), так и заимствованными (*electro-, ex-, em-*,

non-, super-, trans-, dis-, multi-, pre-, inter-, -ant, -ion, -or, -al, -ure, -ation, re-, en-, -ment), имеющими, в основном, греко-латинское происхождение и именуемыми в силу этого неоклассическими терминоэлементами [Ginzburg, 1979: 125–126; CODCE, 1990]. При этом количество исконных терминоэлементов несколько выше заимствованных, их процентное соотношение составляет 64% и 36%, соответственно.

Модель М3 (сложная терминология) используется для создания сложных терминологических единиц, образованных сложением двух или более самостоятельных элементов языка, связанных словообразовательными отношениями словосложения и выражающих одно сложное понятие [Козловская, 2005: 149].

Сложные слова неоднородны по своей структуре. Традиционно выделяется 3 типа сложных слов по способу соединения основ: нейтральные, морфологические и синтаксические. *Нейтральные* сложные слова характеризуются отсутствием соединительного элемента между основами и подразделяются на следующие подтипы: а) простые нейтральные сложные слова, состоящие из непродуцированных основ (*deckhouse* 'палубная рубка'); б) производные сложные слова, включающие аффиксы (*watertightness* 'водонепроницаемость'). *Морфологические* сложные слова характеризуются наличием соединительного элемента между основами (*handicraft, craftsmanship*). *Синтаксические* сложные слова «состоят из сегментов речи и сохраняют в своей структуре все следы синтагматических отношений, характерных для речи (*good-for-nothing*)» [Антрушина и др., 1999: 104–105].

По своей структуре термины-композиции в области сварочного производства являются нейтральными сложными словами; морфологические и синтаксические сложные слова в анализируемой терминологии не представлены.

В зависимости от компонентов сложных слов можно выделить следующие словообразовательные подтипы модели М3¹.

М3–1. S+S: *crowfoot* 'размерная стрелка', *half-coil* 'полуобмотка', *king-post* 'грузовая колонна'.

В качестве разновидности данной модели может быть выделен подтип эпонимического свойства Sprg+Sprg, в котором в качестве компонентов сложного термина выступают имена собственные: *Volt-ampere* 'Вольт-ампер', *Volt-coulomb* 'Вольтметр', *Volt-ohmmeter* 'Вольткулон'.

М3–2. S+V (V+S): *workpiece* 'изделие', *washboard* 'маховик'.

М3–3. A+S: *single-drum* 'однобарабанный', *safeguard* 'предохранительное устройство', *hard-facing* 'наплавка твердым сплавом'.

М3–4. N+S/ [N+S]+ed: *two-core* 'двухжильный', *eight-faced* 'восьмигранный', *three-legged* 'треногий, трехстержневой', *three-coated* 'трехслойное покрытие'.

¹ В подтипах данной модели приняты следующие сокращения: S – основа существительного; Sprg – основа имени собственного; A – прилагательное; V – основа глагола; N – числительное; Adv – наречие.

МЗ–5. V+Adv: *follow-up* ‘датчик обратной связи’, *hold-down* ‘прижимная планка’, *hold-back* ‘задерживающее устройство’, *pickup* ‘захватывающее приспособление’.

Количественный анализ сложных терминов-композиций показывает, что наибольшей продуктивностью обладает модель МЗ–1 (S+S), значительно превосходящая по числу случаев реализации другие модели.

Исследование терминов-композиций позволяет говорить о том, что в составе данного разряда терминов наблюдаются термины с одним метафоризированным компонентом (основой). К их числу, например, относятся: *half-coil*, *half-coupling*, *nail-catcher*, *three-islander*. Довольно многочисленную группу составляют также тер-

мины-композиции, представляющие собой результат метафоризации не одного компонента, а всей лексической единицы в целом. К числу таких терминов относятся, например, следующие: *catwalk*, *crowfoot*, *pigtail*.

Таким образом, терминосистема сварочного производства характеризуется стандартным набором терминоэлементов различного происхождения, употребляющихся на регулярной основе в префиксальной и суффиксальной функциях в составе простой производной терминологии. Для сложной (моноксемной) терминологической лексики характерна реализация регулярных словообразовательных и элементарных синтаксических моделей, по которым могут быть образованы вновь создаваемые термины соответствующих разрядов терминологической лексики.

Литература:

1. Антрушина, Г.Б., Афанасьева, О.В., Морозова, Н.Н. Лексикология английского языка [Текст] / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. — М.: Дрофа, 1999. — 288 с.
2. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение [Текст] / С.В. Гринев-Гриневиц. — М.: Издательский центр Академия, 2008. — 304 с.
3. Козловская, О.Г. Когнитивные и структурно-семантические особенности морской терминологии: на материале английского и русского языков [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / О.Г. Козловская. — СПб., 2005. — 468 с.
4. Ginzburg, R. S. A Course in Modern English Lexicology [Text] / R. S. Ginzburg. — Moscow, 1979. — 269 p.
5. CODCE — The Concise Oxford Dictionary of Current English [Text]. — 8th ed. / Edited by R. E. Allen. — Oxford University Press, 1990.

Аспекты изучения маркетинга на уроках английского языка

Морозова Наталия Юрьевна, старший преподаватель;
Короткова Полина Валентиновна, старший преподаватель
Московский политехнический университет

Данная работа посвящена проблеме обучения маркетингу на английском языке. В ходе исследования автор приходит к выводу о необходимости учета в лингвистической подготовке будущих маркетологов динамического развития концептосферы маркетинга, выбора правильных речевых стратегий на основании изучения запросов покупателей, статусно-ориентированного характера маркетингового дискурса, предполагающего аргументированность и возмездность на целевую аудиторию.

Ключевые слова: маркетинг, обучение маркетингу на английском языке, концептосфера маркетинга, маркетинговый дискурс, маркетинговая терминология

This work is devoted to marketing training in English. The author comes to the conclusion about the necessity of taking into account the dynamic development of the marketing concept sphere, choice of the right speech strategies based on the study of customers' needs, status-oriented nature of the marketing discourse involving argumentation and influence on the audience during linguistic training of future marketers.

Key words: marketing, marketing training in English, conceptual sphere of marketing, marketing discourse, marketing terminology

Экономика, как любая другая сфера человеческой деятельности, обладает собственным сложным и многоаспектным понятийным аппаратом, отражающим процесс ее развития, основные этапы экономических изменений в обществе. Терминология, свойственная экономике, включает

как общеэкономические, так и специализированные термины, а также термины, привлеченные из других терминосистем (географической, юридической, исторической и др.).

В современном обществе значительная роль отводится такой сфере экономической деятельности, как мар-

кетинг. В нынешних условиях развития потребительского общества маркетинг превращается в философию бизнеса, влияя на все аспекты коммерческой деятельности. Одно из самых известных определений маркетинга принадлежит Ф. Котлеру, который понимает под ним социальный и управленческий процесс, организованный таким образом, что отдельные лица и их группы получают всё, что им необходимо для удовлетворения потребностей, за счет создания и обмена товарами и ценностями. В качестве базовых рабочих понятий маркетинга американский ученый рассматривает *нужду, потребность, запрос, товар, обмен, сделку и рынок* [3, с. 41].

И. И. Воронцова отмечает, что профессия маркетолога, позволяющая решать проблемы потребителей с помощью эффективного удовлетворения их запросов, является одной из самых востребованных в условиях рыночных отношений. От профессионализма специалистов-маркетологов в значительной степени зависит узнаваемость торговой марки, рост покупательского спроса и объёма продаж, и, в конечном итоге, коммерческий успех предприятия.

В условиях глобального развития экономики и расширения международных связей в состав многих отечественных компаний входят маркетинговые отделы, специалисты которых должны прекрасно владеть знаниями в своей профессиональной области, а также иностранными языками и основами межкультурной коммуникации для обеспечения сотрудничества с зарубежными партнерами [1, с. 107–111].

Для специалистов в области маркетинга важно усвоить, что правильная оценка запросов целевой аудитории и применение соответствующих стратегий речевого поведения способствует реализации успешной маркетинговой стратегии. Так, Ю. В. Рябухина приводит следующий пример, демонстрируя неправильный выбор лингвистических характеристик маркетингового дискурса в сфере международного туризма, который привел

к коммерческой неудаче: продвижение в Санкт-Петербурге проекта «Белые дни» ('White Days'), призванного способствовать продаже туров в культурную столицу России в зимний период. Вполне очевидно, что данный бренд был выдвинут в противоположность общеизвестному бренду 'White Nights'. Однако новоиспеченный антропоним 'White Days' уже не обладал остротой, уникальностью и привлекательностью своего «родителя», что и стало одной из причин неэффективности данного проекта [5, с. 58–64].

Маркетинговый дискурс представляет собой статусно-ориентированный вид дискурса, который, в отличие от личностно-ориентированного, или персонального, является речевым взаимодействием представителей социальных групп или институтов друг с другом, в ходе которого они реализуют свои статусно-ролевые возможности [2, с. 4].

Статусно-ориентированный дискурс в сфере маркетинга предполагает диалогичность, аргументированность (как рациональную, так и эмоциональную), а также воз-

действие на адресата, так как трудно представить себе деятельность, связанную с продажей товаров и услуг, без использования дискурсивной техники убеждения.

Важным лингводидактическим основанием при подготовке курса по обучению будущих маркетологов английскому языку является опора на концептосферу «Маркетинг», динамично развивающуюся под влиянием экстралингвистических факторов. Е. В. Петрушова в своем исследовании анализирует динамику маркетинговой понятийной системы на примере базового концепта «маркетинг», который, изменяясь вместе с изменениями общества, уже не означает, как раньше, просто продажу товаров и услуг, а является удовлетворением потребностей клиента.

Ядро исследуемой концептосферы составляют семы «общество», «управление», «процесс», «организация/фирма/предприниматель», среди периферийных сем — «спрос (потребности, запросы)», «предложение (товары, услуги)», «удовлетворение (ценность, цена, деньги)», «обмен (сделки, отношения)», «рынки (сбыт, распределение)», «продвижение (реклама, PR)». Исследователь выделяет основные модели свободных словосочетаний в сфере маркетинга на английском языке, включающие глагольные, адъективные, субстантивные, marketing's + N, N + of + marketing словосочетания, многокомпонентные словосочетания типа marketing performance management initiatives — 'инициативы руководства по повышению эффективности маркетинга', а также приводит многочисленные примеры новообразований, не успевших войти в специализированные словари по маркетингу, например, conquest marketing, target marketing, complementary marketing, micromarketing, sponsorship marketing, что убедительно доказывает динамичное развитие изучаемой сферы деятельности [4, с. 122–126].

В связи с вышеизложенным в курс обучения маркетингу на английском языке необходимо включать как языковые, так образовательные и воспитательные аспекты: систематизацию полученных ранее знаний в области английского языка; расширение компетентности в области экономической терминологии; обучение современной маркетинговой лексике; формирование профессионально-ориентированной языковой личности, владеющей навыками межкультурной коммуникации, стратегиями речевого поведения, основанными на тщательном анализе запросов потребителей, в том числе принадлежащих различным лингвокультурам; правилами ведения статусно-ориентированного речевого общения, основанного на аргументированности и убеждении партнера по коммуникации.

Кроме того, как справедливо подчеркивает И. И. Воронцова, в педагогическом процессе необходимо акцентировать внимание на расширении кругозора студентов, повышении уровня культуры их мышления, развитии познавательной-коммуникативной компетентности, создании информационного пространства для совершенствования обучаемыми знания иностранного языка и навыков его использования в сфере маркетинга.

Формы работы могут включать как обсуждение и обмен мнениями, различные дискуссии и разбор кейсов в процессе аудиторной работы и общения между студентами и студентами с преподавателем, так и самостоятельную работу, направленную на поиск информации на рекомендуемых сайтах, подготовку проектов и презентаций. Приоритетное внимание уделяется изучению конкретных деловых ситуаций, использованию ролевых игр, участвуя в которых студенты могут проявить свое творческое мышление, предложить альтернативные способы решения проблемных ситуаций, сопоставить свои идеи и традиционные представления с понятиями представителей иных лингвокультур [1, с. 107–111].

Важен правильный отбор актуальной маркетинговой терминологии, основанный на исследовании понятийной системы современного маркетинга. В связи с динамичными изменениями внутри данной сферы необходимо обращаться не только к специализированным словарям

по маркетингу, но и активно использовать аутентичные тексты. Безусловно, дискурс, продуцируемый носителями английского языка, отличается большей убедительностью благодаря более точному и выразительному использованию языковых средств. В процессе обучения маркетингу на английском языке российских студентов необходимо стремиться к максимальной имитации англоязычных структур и элементов, придания им живости и метафоричности, столь характерной для английской речи. Педагогическая цель достигается в том случае, когда, осознавая ценность продаваемого продукта, ценность его представления и собственную ценность как успешного маркетолога, обучаемый может правильно описать свой продукт и представить его на рынке, выбрав верные речевые стратегии, пользуясь адекватной маркетинговой терминологией на английском языке, владея навыками коммуникации и техниками построения убедительной речи.

Литература:

1. Воронцова И. И. и др. Маркетинг на английском языке как неотъемлемое условие профессионального успеха в бизнесе // Вестник Финансового университета, 2012. — № 4 (8). — С. 107–111
2. Карасик В. И. Речевая коммуникация: дискурсивный аспект // Грани познания: электрон. науч. — образ. журнал, 2013. — № 1. — С. 4.
3. Котлер Ф. Основы маркетинга. 4-е изд. — М.: Вильямс Издательский дом, 2007. — 1200 с.
4. Петрушова Е. В. Вербализация концепта «Маркетинг» в современном английском языке // Вестник Адыгейского государственного университета, 2010. — № 3. — С. 122–126
5. Рябухина Ю. В. Менеджмент, маркетинг, дискурс // Научный журнал НИУ ИТМО, 2014. — № 2. С. 58–64

Частицы *бы, всё же, всё-таки* в сложноподчинённых предложениях с уступительной семантикой

Мусатова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова

*В статье рассматриваются собственно-уступительные сложноподчинённые конструкции и уступительные предложения ирреальной модальности с союзами **хотя (хоть), пусть (пускай)**. Особое внимание уделено способам осложнения данных союзов — частицам **«бы, всё же, всё-таки»**, которые вносят в предложение различные оттенки значения: усилительный, условный, оттенок допущения, предположения.*

Ключевые слова: уступительная семантика, сложноподчинённое предложение, частицы *бы, всё же, всё-таки*

Вопрос о семантике и синтаксической квалификации уступительных предложений является одним из нерешённых в русском языкознании. До настоящего времени нет единого мнения по проблеме выражения уступительности в русском языке, как нет и единообразного определения уступительных конструкций. Авторы «Русской грамматики» считают: «В предложениях, выражающих уступительные отношения, соотносятся две ситуации, из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собой другую,

представленную в главной части. Это значит, что в придаточной части либо сообщается о неблагоприятствующем условии, о препятствующем обстоятельстве, либо в этой части заключён контраргумент, опровергающий либо ограничивающий истинность, безоговорочность утверждаемого в главной части» [1, с. 586]. Здесь же отмечается следующее определяющее свойство уступительных отношений: «...в них утверждается несовместимость двух ситуаций, их взаимоисключаемость, и одновременно констатируется сосуществование этих ситуаций» [1, с. 586].

Проанализировав сложноподчиненные уступительные конструкции, мы считаем, что придаточная часть сообщает об основании для явления, противоположного (обратного) тому, о котором сообщается в главной части, то есть придаточное уступительное указывает на факт, противоречащий содержанию главного предложения. То, о чём сообщается в придаточном, должно было бы привести к результатам, противоположным тем, о которых говорится в главном предложении.

В статье подробно проанализируем собственно-уступительные сложноподчиненные конструкции и уступительные предложения ирреальной модальности, в которых союзы осложняются частицами **бы**, **всё же**, **всё-таки**.

Собственно-уступительные предложения составляют центр микрополя реально-уступительного значения. Авторы «Русской грамматики» отмечают, что «придаточная часть предложения с собственно-уступительным значением сообщает о потенциальной причине того, что должно было бы иметь место; ситуация, представленная в главной части, реализуется вопреки ожидаемому» [1, с. 589]. Например: Никто не спал, **хотя** час был поздний. — «Поздний час — достаточное основание для того, чтобы спать, поэтому все должны были бы спать, но никто не спал».

Для выражения собственно-уступительных отношений используются союзы **хотя (хоть)**, **несмотря на то что**, **независимо от того что**, **пусть**, **пускай**, **даром что**, сочетание **правда...но**.

Анатоль принёс две свечи и поставил их на подоконник, **хотя** было уже совсем светло.

Пьер со старым, суровым князем и с кроткой и робкой княжной Марьей, **несмотря на то что** он их почти не знал, чувствовал себя сразу старым другом (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

В выражении собственно-уступительных отношений участвуют также типизированные лексические элементы — союзные частицы **всё же**, **только**, **всё-таки**, **всё равно** (одни или в сочетании с противительным союзом), которые играют вспомогательную роль в структурной организации предложения, приближаясь в своей функции к союзу, но не становясь им. Они подчёркивают важность препятствующей причины и акцентируют внимание на неустранимости явления, обозначенного в главной части.

Хотя Негров с двенадцати часов утра и до двенадцати часов ночи не бывал дома, но **всё же** скука мучила его (А. И. Герцен «Кто виноват?»).

Хотя он и предполагал, что история его уже известна в Москве и что дамы, окружающие его отца, ...воспользуются этим случаем, чтобы раздражить графа, он **всё-таки** в день приезда пошёл на половину отца (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

У лексем **всё-таки**, **всё же** ситуация А существует, несмотря на то что ситуация Б обычно препятствует этому. В данном случае Б не мешает А. Например: Гавриле **всё-таки** было приятно слышать человеческий голос (А), **хотя** это и говорил Челкаш (Б) (М. Горький «Челкаш»). — Гавриле приятно слышать человеческий голос. Этому не мешает тот факт, что говорит Челкаш.

Лексема **всё равно** предполагает, что ситуация А возможна только потому, что субъект прикладывает все усилия по нейтрализации Б. Например: Хоть он меня и не приглашал (Б), я **всё равно** к нему приду (А) (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»). — Я приложу все усилия для того, чтобы прийти к нему, то есть нейтрализую Б.

Союзная частица только привносит в предложение ещё и ограничительный оттенок в значение оценки явления, данного в придаточной части. Например: **Хоть** ты думаешь про себя, что не глуп, **только** рано это (М. Горький).

В собственно-уступительных предложениях может использоваться союз тем не менее, который подчёркивает несоответствие, присущее уступительным конструкциям. Например: **Хотя** Митрофан и считал необходимым обращаться с лошастью сурово, — **тем не менее** он в глубине души страстно любил Фарватера (А. И. Куприн).

И хотя Николай Сергеевич становился иногда чрезвычайно угрюм, **тем не менее** оба они, даже на два часа, не могли расстаться друг с другом без тоски и без боли (Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорблённые»).

Наречие почему-то является носителем значения «вопреки ожиданиям» и выступает как актуализатор собственно-уступительных отношений: **Несмотря на то что** русским, высшим по положению людям, казалось **почему-то** стыдным драться дубиной, а хотелось по всем правилам стать в позицию четвертую или третью, — дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой; **Хотя** княжна Марья, несмотря на свою некрасивость, и казалась ему привлекательнее Жюли, ему **почему-то** неловко было ухаживать за Болконской (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

Крайне редко в предложениях с союзом несмотря на то что употребляются частицы **всё-таки**, **всё же**: **...несмотря на то что** он слеп, он **всё же** сумел сделать недурной выбор (В. Короленко «Слепой музыкант»); **Несмотря на то что** генерал не разрешил ему посещения острога утром, Нехлюдов решил **всё-таки** попытаться проникнуть в острог теперь... (Л. Н. Толстой «Воскресение»).

Союзы **пусть**, **пускай** способны оформлять сложное предложение совместно с противительными союзами **а**, **но**, частицами **всё же**, **всё равно**. Конструкции данного типа некоторые учёные относят к сочинительно-подчинительным [2].

Ужель злодеям щит порфира? / **Пусть** их глупцы боготворят,

Пусть им звучит другая лира; / **Но** ты остановись, певец,

Златой венец — не твой венец (М. Ю. Лермонтов «К***»).

Пусть спектакли для рабочих, волшебные фонари, фабричные доктора, разные улучшения, **но всё же** рабочие, которых он встретил сегодня по дороге со станции, ничем не отличаются по виду от тех рабочих, которых он видел давно в детстве (А. П. Чехов «Случай из практики»).

В уступительных предложениях ирреальной модальности придаточное выражает предполагаемое условие,

при реальном осуществлении которого могло бы и не проявиться то, о чём сообщается в главном.

Авторы «Русской грамматики» считают, что уступительные предложения ирреальной (гипотетической) модальности выделяются в том случае, если «значение недостаточного (отвергнутого) основания, носителем которого является придаточная часть, в свою очередь, может быть конкретизировано как значение отвергнутого условия или отвергнутой причины» [1, с. 589].

Она будет моей царицей и укроется в моих лесах от всяких гроз и забудет всякие обрывы, *хоть бы* их были тысячи (И. А. Гончаров «Обрыв»); *Хоть бы* год искать, но я найду её (А. П. Чехов).

Рассмотрим уступительные предложения ирреальной модальности, которые оформляются союзами *хотя (хоть) бы, пусть бы, пускай бы*.

Союз *хотя (хоть) бы* является основным показателем уступительных отношений в предложениях ирреальной модальности. Придаточная часть выражает предположительное условие, при реальном осуществлении которого могло бы и не проявиться то, о чём сообщается в главной части: Хотите, я в два дня вылечу простой водой самую сильную огневицу, *хоть бы* все ваши доктора от больного отказались (А. И. Куприн «Олеся»).

Частица *бы*, примыкая к уступительному союзу, придаёт конструкции яркий оттенок условности и указывает на сослагательное наклонение сказуемого придаточной части. Главная часть содержит глаголы в форме изъявительного наклонения настоящего, прошедшего времени несовершенного вида или будущего времени совершенного вида.

[Бальзаминава]: Знай-ка он умные-то слова, по нашей стороне много мог бы выиграть... А то слов-то умных не знает, да и набраться негде. Уж *хоть бы* из стихов, что ли, выписывал (А. Н. Островский).

Хоть бы один кивнул головой; сидят да молчат, да что-то сыплют в огонь (Н. В. Гоголь «Пропавшая грамота»).

Литература:

1. Русская грамматика [Текст]: в 2 т. — Т. 2.: Синтаксис. — М.: Наука, 1982. — 709 с.
2. Николаева, Т. М. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами [Текст] / Т. М. Николаева, И. Фужерон // Вопросы языкознания. — 1999. — № 1. — С. 17–35.

Развитие терминологии физики в татарском языке в послеоктябрьский период

Мусина Гульнара Флюновна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Казанский государственный институт культуры

В историческом процессе развития татарского литературного языка и его терминологии важное место принадлежит послеоктябрьскому периоду, для которого характерны кардинальные изменения во всех отраслях:

К союзу *хотя (хоть) бы* может присоединяться частица *и*, которая усиливает условное значение конструкции.

Хоть бы вовсе там бывал не часто, зато большей почувствовал потом, какое это горькое несчастье — вдруг потерять тот самый край и дом, где мальчиком ты день встречал когда-то (А. Т. Твардовский).

Прошло лето, стали все возвращаться с дач, *хотя* тут-то *бы и* жить на даче — эта бессарабская осень нечто божественное... (А. И. Куприн).

Союзы *пусть, пускай* может осложнять частица *бы*, которая вносит в придаточное предложение оттенок предположения, допущения и указывает, что допустимое действие реально не проявляется. В главной части могут быть использованы глаголы как в сослагательном, так и в изъявительном наклонении.

Кажется, *пусть бы* он и другую любил, только бы при мне это было, чтоб и я тут подле была (Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорблённые»).

Если бы я сказала то, что думала, я бы сказала: *пускай бы* он умирал, всё время умирал бы перед моими глазами, я была бы счастлива в сравнении с тем, что я теперь (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

Уступительные предложения ирреальной модальности могут быть оформлены сочетанием сколько бы ни. Частица *бы* показывает, что сказуемые главной и придаточной части должны иметь форму сослагательного наклонения: Она [княжна Марья] чувствовала, что, *сколько бы* она *ни* думала о них [о мужиках], она не могла бы понять их (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

Как показывает анализ материала, в сложноподчинённых собственно-уступительных предложениях и предложениях со значением ирреальной (гипотетической) модальности лексемы *всё же, всё-таки* акцентируют внимание на том, что ситуация, представленная в главной части, существует, несмотря на то что ситуация придаточной части обычно препятствует этому. Частица *бы* вносит в сложное уступительное предложение оттенок предположения, допущения.

в национальной культуре и языке, в политике и экономике, в науке и технике [6, с. 67].

Развитие терминологии физики в послеоктябрьский период, в первую очередь, было связано с социальными

и культурными факторами. В связи с развитием науки, сформировалась терминология различных отраслей наук, в т.ч. и физики, что в дальнейшем нашло свое отражение в терминологических словарях и школьных учебниках. В начале 1920-х гг. в Казани открылись новые учебные и научно-исследовательские заведения. Казанскими вузами была проведена большая работа по подготовке кадров высшей квалификации. Стала формироваться система среднего специального образования. Все это требовало издания учебников, учебных пособий, специальной научной литературы, словарей. Возникла научно-практическая необходимость создания терминов физики, их систематизации и унификации, требовались единые принципы и инструкция в терминологии вообще и терминологии физики, в частности. Терминология физики татарского языка в эти годы разрабатывалась, в основном, в процессе перевода с русского языка научно-популярной литературы и учебников.

На проходившем в мае 1918 г. в Казани III Всероссийском съезде мусульманских учителей была создана первая в Татарстане научная организация — Научный комитет. С 1921 г. он начал именоваться как Академический центр. Данный центр руководил научной, педагогической, просветительской и литературной деятельностью Народного Комиссариата. В его состав входили 4 комиссии: научно-политическая, научно-техническая, научно-педагогическая и художественная. С 16 февраля 1925 г. должность председателя Академического центра занимал татарский ученый Г. Ибрагимов. Главной задачей данного центра была разработка научной терминологии на татарском языке. На проходившем в Москве в 1924 г. совещании по проблемам языка и терминов, по предложению Г. Ибрагимова, приняли состоящее из восьми пунктов постановление, на основании которого были сформулированы принципы создания терминов. Эти принципы в дальнейшем находили свое воплощение в научной литературе, при составлении учебников и учебных пособий по физике.

Для 1920-х годов XX века характерен переход татарской письменности, основанной на арабской графике, на латинский алфавит. В данный период происходит рост промышленности, нарастают темпы научно-технического прогресса, осуществляется электрификация, т.е. идет процесс «офизичивания» жизни. В целях просветительства и пропаганды всего нового для населения организовывались научно-популярные доклады и лекции, отражающие различные направления физики. Это, в свою очередь, способствовало распространению терминов физики среди населения. Татарский ученый Г. Ибрагимов-Шинаси перед населением читал лекции на татарском языке об энергии, о силе земного притяжения и взаимосвязанных с ними законах природы, объяснял значения русских терминов физики и вел большую работу по пропаганде их. В 1920 г. вышел его второй (после 1916 г.) учебник по физике «Хикмәте табигыя» (Физика), который, как указывает сам автор, был составлен для обучающихся в сельских школах.

В 1920-е гг. большую деятельность в области создания и развития научных терминов вел ученый Ахметхади Максуди, который составил толковый словарь и толковый словарь научных терминов [5, с. 174].

Начало 1930-х — конец 1940-х гг. XX в. связаны с индустриализацией и электрификацией в республике. Началось новое промышленное строительство, значительно выросло производство промышленной продукции. Это способствовало росту прибыли и повышению производительности труда. Стали готовить квалифицированные рабочие кадры. Началось строительство целого ряда промышленных предприятий, получила развитие тяжелая индустрия — машиностроение, металлообрабатывающая и химическая промышленность, наращивалась мощность энергетики. Вместе с тем подверглись реконструкции действовавшие производства: были технически перевооружены десятки старых предприятий [2, с. 363–368].

Все эти изменения, естественно, основывались на научных достижениях. Благодаря бурному научно-техническому прогрессу, язык физики обогатился новыми техническими новинками, которые вошли в состав терминов физики. В этот период были изданы первые терминологические словари по физике. В частности, в 1931 г. был издан «Русско-татарский толковый словарь» («Русча-татарча атамалар сүзлеге»), который, наряду с математическими и астрономическими терминами, содержал в себе и термины физики.

В 1935 г. вышел в свет «Орфографический словарь интернациональных слов в татарском литературном языке», составителем которого является И. Рами.

В 1939 г. под руководством М. Галеева, Х. Муштари и Х. Хуснуллина вышел в свет «Словарь физических и метеорологических терминов». Второй словарь терминов физики под руководством М. С. Галеева был издан в 1949 г. под названием «Словарь физических и геофизических терминов».

Появление новых научных понятий требовало создания новых терминов. Именно в этот период большую деятельность в области татарской научной терминологии вел Ш. Рамазанов. Он являлся составителем нового татарского алфавита и орфографии на основе русской графики, а также научно обосновал данный алфавит. Им было опубликовано большое количество трудов и написаны статьи по татарскому литературному языку и его терминологии. Например, в своем труде «Очерки по татарскому языку» («Татар теле бучеча очерклар») он рассматривал словарный состав современного татарского литературного языка, основные принципы терминологии татарского языка и т.п.

В области терминологии Ш. Рамазанов продолжил исследовательскую деятельность К. Насыри и Г. Ибрагимова, заложивших основу терминотворчества в татарском языке. Обобщив их научное наследие, Ш. Рамазанов разработал основные принципы создания и обогащения терминологической базы татарского языка.

1950-е — первая половина 1960-х годов XX в. стали периодом дальнейшего научно-технического развития

в республике, что послужило еще одним фактором развития науки физики и ее терминологии. Начало 50-х годов связано с новым промышленным строительством в таких отраслях, как резиновая промышленность, машиностроение и приборостроение. Было положено начало промышленному освоению нефтяных месторождений. С середины 50-х гг. большим темпом начала расти нефтяная промышленность, получили развитие авиационная промышленность и судостроение [2, с. 469].

Бурное развитие промышленности в республике способствовало росту количества научных учреждений, обеспечивавших научно-технический прогресс в приоритетных отраслях народного хозяйства. Дальнейшее развитие получила система высшего и среднего специального образования в республике, а также система профессионально-технического образования, что привело к росту количества вузов и специальных учебных заведений в республике [2, с. 486]. В этот период с русского на татарский язык были переведены учебники и учебные пособия по физике таких авторов, как В. И. Галонова, А. И. Китайгородский, А. В. Перышкин, Я. И. Перельман, сборник вопросов и задач по физике П. А. Знаменского и т.п. Некоторые татарские авторы сами составляли учебники на татарском языке. Например, стоит отметить учебники М. М. Зарипова и С. Г. Салихова «Атом төше һәм аның энергиясе» (1958), К. А. Валиева и Р. Х. Тимерова «Атомнар һәм элементар кисәкчекләр дөнъясында» (1963) и т.п.

Термины физики находили свое отражение в двуязычных и терминологических словарях. В 1950 г. под руководством Р. Газизова, Н. Исанбета и Г. Ишмухаметова был издан «Татарско-русский словарь». В 1963 г. увидел свет «Словарь русско-татарских технических терминов», составленный М. С. Галеевым и А. К. Тимергалиным и включавший в себя все технические названия, которые входили в состав терминов физики.

Вторая половина 1960-х — начало 1980-х годов связаны с новым этапом бурного роста промышленности в республике. Уже во второй половине 60-х гг. быстрыми темпами развивалась индустрия. Большое развитие получило автомобилестроение, которое значительно увеличило долю машиностроительной отрасли. В республике выпускались самолеты ИЛ-62, сверхзвуковые стратегические бомбардировщики ТУ-22-М, вертолеты, авиационные двигатели, космическая техника и т.п. [2, с. 490—492]. Это все способствовало развитию физики, создавались научно-популярные статьи, появлялись публикации в прессе.

Учебники и учебные пособия для школ переводились с русского языка и иногда издавались самими татарскими авторами. В период с середины 1960-х и до начала 1980-х гг. было переведено большое количество учебников по

физике. Это учебники А. В. Перышкина, К. А. Гладкова, К. Гильзина, И. К. Кикоина, Б. Б. Буховцева, М. Н. Алексеевой, Г. Я. Мякишева, сборники вопросов и задач по физике В. П. Демковича, А. П. Рымкевича, помощники для учителей Б. Ф. Билимовича, Д. И. Пеннера и др. Параллельно с переводами татарские авторы и сами составляли учебники, сборники задач и методические пособия по физике. Стоит отметить помощники и методические пособия для учителей по физике В. Г. Гайфуллина (1979; 1984), Р. А. Исламшина (1978; 1986) и др. Однако значительное количество учебников и учебных пособий являлись переводами.

Наряду с учебниками, продолжали издаваться и терминологические словари по физике. В 1972 г. был опубликован «Русско-татарский словарь физических терминов» М. С. Галеева. Несколько позже, в 1981 г., М. С. Галеевым и А. К. Тимергалиным был опубликован обновленный вариант «Русско-татарского словаря физических терминов».

В начале 1990-х гг. в системе образования произошли существенные изменения. Многие точные науки стали преподаваться на татарском языке не только в школах, но и в высших учебных заведениях. Не стала исключением и физика. Начало преподаванию физики на татарском языке в вузах было положено преподавателями Казанского государственного технического университета (КГТУ) Г. Ю. Даутовым и М. С. Галеевым. Специально для этого в конце XX — начале XXI вв. такими авторами, как Г. Ю. Даутов, Д. Г. Галимов и Б. А. Тимеркаев был издан оригинальный учебник по физике на татарском языке для высших учебных заведений в трех частях, который активно применяется в учебном процессе в КГТУ, КГТУ им. А. Н. Туполева и в различных техникумах. Наряду с созданием учебников для вузов, велась и большая работа по составлению на татарском языке различных учебников по физике для школ.

Продолжали издаваться одно-, двух- и многоязычные терминологические словари по физике. Больше всего такая работа велась в технических вузах Республики Татарстан, что было связано с необходимостью преподавания предметов на татарском языке. В 1996 г. под руководством Г. Ю. Даутова, Д. Г. Галимова и З. М. Вагизовой был издан «Русско-татарский и татарско-русский словарь физических терминов». Терминология физики нашла свое отражение и в различных татарско-русских, русско-татарских и толковых словарях.

Таким образом, большую роль в развитии терминологии физики татарского языка сыграл послеоктябрьский период, так как именно данный период связан с началом ее теоретического изучения и применения и создания основных принципов разработки терминов в татарском языке.

Литература:

1. Валиева А. Г. Формирование и развитие математических терминов в татарском языке. — Казань: Школа, 2004. — 154 с.

2. История Татарстана: учеб. пособие. — Казань: ТаРИХ, 2001. — 544 с.
3. Кутина Л. И. Формирование терминологии физики в России. — М. — Л.: Наука, 1966. — 288 с.
4. Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. — М.: Наука, 1987. — 284 с.
5. Шамсутдинова Р. Р. Ахметхади Максуди и татарская лексикография // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Тюменский государственный университет, 15 октября 2009 г. — Тюмень: Типография «Печатник», 2009. — 318 с.
6. Шамсутдинова Р. Р. Медицинская терминология в татарском языке: Дис... канд. филол. наук. — Казань, 2000. — 220 с.

Ономатетический акт как вступление в «знаковый космос» vs трагедия «неназванности»

Надь Эрика-Луиза, магистрант

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (г. Москва)

В статье описывается феномен «ономатетического акта». Автор предлагает рассматривать его как способ структурирования бытия, форму познания, определяющий существование человека и мира. Для иллюстрации этого утверждения, осуществляется анализ венгерской и русской традиций именованности. Делается вывод о том, что игнорируя «ономатетический акт», человек лишается будущего, его неминуемо ожидает «трагедия неназванности».

Ключевые слова: имя, ономатетический акт, «знаковый космос», онтология, культура, индивидуальность, Мамардашвили М. К., Ортега-И-Гассет Х.

Называть надо было, представлять все, что случилось и царпалось в двери бытия! Есть закон названности собственным именем, закон именованности. Он — условие исторической силы, элемент ее формы.

М. К. Мамардашвили

Назвать вещь — значит ее осмыслить.

Имя — уже определение.

Х. Ортега-и-Гассет

Имя с самых древних времен воспринималось человеком как тайна. Такое представление сохранилось в мифологии разных народов. Например, древнеегипетская история Ра — бога солнца и богини Исида. Чтобы стать более могущественной, Исида решила узнать настоящее имя Ра, для чего сотворила змею, от укуса которой никто не мог излечиться [7]. Также и в еврейской мифологической традиции существует запрет на произношение имени бога, упоминаемого только через его эпитеты.

Имя всегда было связано с сотворением мира. Можно вспомнить космогонию, описанную в Библии, где акт творения сопровождается номинацией: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Книга Бытие 1:5), «И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй» (Книга Бытие 1:8), и т.д. [2].

Жизнь в духе начиналась после наречения именем, т.е. ономатетического акта. Имя стало инструментом смыслопостроительства, по мнению филолога, лингвиста, В. Н. То-

порова: «Имя — импульс культуры, поскольку оно вводит человека в знаковый космос, но оно и результат ее, поскольку его смыслы возрастают в пространстве культуры, ею держатся и ею же контролируются (именно эти особенности делают имя одним из важнейших индикаторов типа культуры)» [9, с. 382].

Ономатетический акт создает своеобразное пространство, выделяет индивидуальность, самобытность личности: «Каждый раз акт номинации индивидуален» [8, с. 98]. Он служит основой для возникновения отношения «Я и Другой», без которого невозможно познание мира, а значит и человеческое существование. Ономатетический акт — это сознательное действие, череда выборов, результатом которых становится «существование пространства, заполненного собственными именами» [3, с. 55]. Поэтому собственные имена получает только то в окружающем мире, что представляет особый интерес для человека, а сам феномен имен собственных изучается разными науками, например лингвистикой, философией и т.д.

Категория имен собственных, именуемая только людей, — это антропонимы. Они связаны с историей культуры, традицией, особенностями психологии людей. Их главная задача — выделить личность из коллектива. Для чего это необходимо? Возможно, в самом акте отражены серьезные перемены в формировании человеческого сознания, когда и происходил переход от коллективного к личностному, к индивидуализму. Также эти изменения можно проследить при анализе истории изучения собственных имен, который осуществила Суперанская А. В., филолог, выдающийся специалист в области ономастики. Она пишет о том, что у ученых античности существовало понятие «имени», которое было единым, так как они не делили его на категории собственных и нарицательных. В средние века, благодаря догмату и канонам церкви, не было никаких споров о природе и истинности имени. Споры возобновились только в эпоху Возрождения. Считалось, что имя соприродно и соразмерно человеку, способно повлиять на его судьбу. Это поверие сформировало разные критерии и традиции выбора имени в каждой культуре.

В дореволюционной России выбор имени строго регламентировался, право наречения именем принадлежало православной церкви. Категорически запрещалось давать имена, не заданные святыми — перечнем канонизированных святых. В двадцатом веке, общественные изменения повлекли за собой изобретение новых имен, например *Октябрина*, *Нинель*, *Электрон*, *Ленмир* и т. д., попытку сознательного отказа от традиции.

Один из крупнейших советских ономастов, В. А. Никонов писал о том, что выбор имени ограничен следующими факторами: обычаем, модой, нормами языка, общественной оценкой носителя имени (в случае с именем исторической личности, когда она переносится на имя), этимологией. Люди, в основном, стремились выбрать либо самое частотное, либо самое редкое имя.

В венгерской культуре так называемые «оригинальные имена» уходят своими корнями в эпоху Арпада (*Árpád-kor*, IX в.). Они создавались на основе нарицательных имен, финно-угорского происхождения. Например: *Előd* ('elsősülött' — 'первенец'), *Fodor* ('göndör hajú' — обладающий вьющимися волосами). А также, на основе наиболее часто употребляемых общих турецких слов, которые в венгерском языке, со временем, стали именами собственными. Например: *Árpád* (нарицательное существительное — *ágra* — 'ячмень'), *Ákos* ('fehér sólyom' — 'белый сокол').

После принятия христианства, и создания венгерского государства (X в.), в употреблении появляются имена мучеников и святых. Например: *György*, *Ferenc*, *Miklós* — мужские имена, *Margit*, *Terézia*, *Borbála* — женские имена. Закон о том, что только священник вправе давать имя, был принят в 1279 году, синодом, в Буде. Исходя из выше изложенного, можно проследить определенное сходство между формированием традиции наименования в России, и в Венгрии.

Традиция присвоения нескольких личных имен одному человеку возникла в Венгрии в конце XVIII века, под влиянием немецкоязычного населения, которое соблюдало ее с XIII века, по данным сохранившихся хартий. Можно привести следующие примеры: *Hans Jacob*, *Anna Maria*. Мотивация заключалась в желании, чтобы ребенок был под покровительством нескольких святых. Эту традицию в венгерском обществе закрепили следующие слои населения: аристократия, дворянство, деревенская интеллигенция, цыгане. Изменению подверглась мотивация, они подчеркивали уже свою национальную принадлежность или знатное происхождение.

На сегодняшний день, согласно венгерским законам, человеку можно дать только два имени. Однако, это было не всегда так. В XVII—XIX веках количество личных имен, закрепленных за человеком, не ограничивалось. Сохранились свидетельства с количеством 5—6 личных имен, принадлежащих одному человеку, причем мальчик, как правило, получал в этой цепочке одно женское, а девочка одно мужское имя. Например:

- сын Файл Аттилы (*Fájl Attila*), директора гимназии — **Mária** *Nikodém Kálmán Károly Emánuel Ágoston*;
- сын королевского судебного клерка Сигети Нандора (*Szigethy Nándor*) — *Nándor Dezső Lajos Ádám Gábor Imre Terézia*

В примерах жирным выделены женские имена, фамилии не приводятся.

- дочь шерифа — **Szilárd** *Mária Margit*.

В примере жирным выделено мужское имя, фамилия также не приводится.

Если попытаться выделить основные факторы, определяющие выбор имени в венгерской культуре, то таковыми могут быть: имена членов семьи (желание отразить привязанность к конкретному человеку) — начиная с дедушек и бабушек, потом с родителей, и крестных, имена выдающихся личностей (желание поставить их в пример), традиция, мода.

Имя содержит культурный компонент, поэтому оно всегда было характерным социально-этнографическим признаком личности. Его стабильность сохранялась благодаря эндогамии, обычаю, запрещающему заключение брака за пределами определенной общественной группы. Но что делать, когда эндогамия, обеспечивающая преемственность культуры, становится невозможной, в силу объективного процесса глобализации?

В этих условиях формируется *новый тип именника* — системы имен. В нем традиции именования преодолеваются с обеих сторон, что приводит к преобладанию непривычных имен. Например: *Лаура*, *Эдуард*, *Артур*. Семейный такт — стремление к равенству, и противопоставление себя многовековому прошлому — запрещающему такой союз, лежат в его основе. Также он отражает сложный процесс перестройки сознания.

Таким образом, изучение традиций наименования в различных культурах становится необходимым, потому что благодаря объективному процессу глобализации, и распространению билингвизма в мире, основываясь на

них, можно попытаться спрогнозировать, каковой будет система имен, предоставляющая выбор для «человека будущего», его родителей.

Ономатетический акт — залог существования человека, так как через этот акт происходит процедура самоидентификации и субъективизации. Он гарантирует для него будущее как возможность, потому что имя — это форма, через которую человек становится человеком, обустраивая стихийность окружающего мира, конструируя тем самым себя самого и реальную действительность: «Что

происходит на самом деле? Что есть? Если даже не названо... Невозможно узнать. Более того, неназванной вещи невозможно и стать. Реальность, не имея люфта свободных именовании и пространства состязательного движения, не доходит до полноты и цельности жизнеспособного и полноценного существования, до ясного и зрелого выражения своей самобытной природы. Как и вообще новое, если оно не оказывается в пространстве, охваченном эхом открытой его названности» [4, с. 180].

Литература:

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Издательство «Наука», 1983. — 412 с.
2. Книга Бытие, глава 1// Сайт Библия Онлайн // <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/01/01/> (дата обращения — 02.11.2017).
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. — 272 с.
4. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию./Составление и общая редакция Ю. П. Сенокосова, — М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992. — 415 с.
5. Никонов В. А. Имя и общество. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. — 278 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. — М.: Издательство «Весь Мир» 1997. — 704 с.
7. Регула Ди Трачи. Мистерии Исиды. — М.: ФАИР-ПРЕСС 2000. — 197 с.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Издательство «Наука», 1973. — 367 с.
9. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 816 с.
10. Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. — М.: Политиздат, 1963. — 544 с.
11. Fercsik Erzsébet, Raátz Judit Keresztnevek enciklopédiája. A leggyakoribb női és férfinevek. A magyar nyelv kézikönyvei XVI., Budapest «Tinta könyvkiadó», 2009. — 646 с.
12. Fülöp László Több keresztnév adása (Kaposvár 1731–1900). ELTE Névtani Értesítő. — Kiadja/ ELTE Bölcsész tudományi Kar Magyar Nyelvtudományi és Finnugor Intézet. 12–29 с.
13. Laczkó Krisztina Emlékek és élmények szerepe a keresztnév választásokban. 75–84 с. Névtani Értesítő 14. szám. Kiadja az ELTE Magyar Nyelvészeti Tanszékcsoport Név kutató Munkaközössége. Budapest, 1992. — 140 с.
14. Varga-Horváth Mária, Giving more than one Christian name in the 18th-century Újváros (Győr, Hungary), Névtani Értesítő 32. 2010: 35–47 с.

Comprehensive comparative analysis of phraseological units in Chinese and Russian languages (using the examples of military sphere phraseology)

Polonchuk Ruslan Andreevich, applicant

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

The article «Comprehensive comparative analysis of Phraseological Units in Chinese and Russian languages (using the examples of military sphere phraseology)» is devoted to some aspects of the origin, formation and functioning of the phraseological units of the military sphere which are analyzed in connection with the history and military-historical events of the two peoples.

Key words: Chinese language, phraseological units of the military sphere, phraseological unit, linguistic world-image

Language is a complex multifunctional system that serves all spheres of human activity, it includes different layers [1]. «Military sublanguage» is a special kind of language that corresponds to military sphere (the concept of military activity is also used) as one of the oldest in the history of mankind. Sublanguage is one of the variants of realization of the

national language used by a limited group of its bearers in the conditions of formal and informal communication.

Domestic scientists pay considerable attention to the problem of theoretical comprehension of the transition of terminological combinations, including military ones, to the field of phraseology. In their studies, the authors come to the

conclusion that industry words do not make the basis of phraseological units, unlike terms or professional jargons [3]. The formation and functioning of military vocabulary is directly connected with the history of the people, its ideas about justice, law, freedom, violence and other philosophical categories. The results of the analysis of the word-stock of modern Chinese and Russian languages show that military vocabulary is a combination of several subsystems: terminological and general, modern and historical.

Russian military terminology, in addition to the terms of Slavic and Old Russian origin, sees borrowings from other languages and international terms, which is also typical of Chinese military terminology. Gradual penetration of military terms into the common vocabulary and literary language leads to the formation of phraseological units such as idiomatic combinations of words, proverbs and sayings on their basis.

Proverbs can be considered phraseological units built on allegorical imagery and perform figurative and aesthetic functions in the speech [2]. Unlike sayings that are almost never formulated with complex sentences and do not have a complete meaning, the proverbs are independent sentences of instructive and edifying character, which pursue certain educational goals, and make speech more imaginative [1].

Some linguists believe that, first of all, it is appropriate to relate to the phraseology of the military sphere those phraseological units associated with military historical events, military-political relations, the development of the theory of using armed forces in the state, the increase in the capabilities of weapons and military equipment. This group also includes phraseological units that have arisen from the speech of servicemen, statements of historical personalities (mainly military and state figures). In Chinese and Russian there are a large number of phraseological units from the military sphere. In everyday life we sometimes cannot even imagine where they were borrowed from [3].

For example, in the Russian language the military sphere can be represented by the following phraseological units: «hit the target», «mobilize all resources», «to be put out of action», «heavy artillery», «on the platoon (on the edge)», «take on the cannon (to call somebody's bluff)», «labor feat», «in the front lines», «take into bayonets (to react with hostility)», «reserve forces», «between the two fires», «to beat head off», «not to get the smell of powder».

The analysis of the phraseological units of the military sphere in the Chinese language, in turn, shows that one of the most used phraseological units of the military sphere is the following: 按甲寝兵 «lay aside the armor and rest your arms», 马后炮 (gun behind the horse) — «after a fight waving his fists» or «lock the stable door when the horse is

stolen», 兵不厌诈 «all is fare in war», 秣马厉兵 «to prepare for war», 兵挫地削 «total defeat» [4].

Such a process as «demilitarization» of military vocabulary is an illustration of how the meaning of professional terminology changes as a result of its use in metaphorical sense. At the same time it's quite simple to unravel the time of origin and the internal motivation of many military phraseological units.

The Russian language owes many phraseological units to hand-to-hand fighting, for example, the proverb «do not hit a man when he is down» or metaphorical word combinations that reflect fights of people: «beat within an inch of one's life», «throw dust into eyes». These expressions, which are now used most often in figurative meaning, were previously formulated as specific instructions for lovers of fist fights.

A separate source that spawned a layer of phraseological units of military origin in Chinese was the art of fencing, which holds an important place in the evolution of military affairs. Fights were military contests of soldiers in medieval China, whose purpose was to show fighting qualities and fight for authority in society. Fencing was always an indispensable element of military education as a form of teaching methods of how to possess cold steel. It was included in the program of combat training in the army, in the curricula of military educational institutions. Examples of such phraseological units can be 拔出剑来 «bare a sword» and 白刃相见 «cross swords».

However, only a deep etymological analysis can reveal the military nature and motivation of some phraseological expressions. For example, the expression «to break spears» now means «to be hot upon a certain topic, to fervently defend one's position in the discussion». One can agree with those scientists who see it as a link to amusing battles, when they broke spears for the competition and «sports interest». However, in the Slavic culture, «breaking copies» is an older tradition of struggle for life and death. Therefore, «breaking the spear» meant that the warrior was the first to take the fight. It should be noted that such «demobilized» vocabulary is not (a relic of the past), but on the contrary, it finds its application in various situations of everyday communication.

Thus, the phraseological units of the military sphere continue to live an active life in modern Chinese and Russian languages. The ongoing attempts to study the specifics of Chinese and Russian national cultural mentality and the mastery of cultural information embedded in the phraseology of the military sphere undoubtedly contribute to the dialogue of the two ancient cultures. And the results of such scientific researches most clearly reflect the features of the worldview of representatives of Chinese and Russian linguocultures and testify to their originality.

References:

1. Гурулева Т.Л. Сопоставительный анализ коммуникативного поведения этнической языковой личности: параметры и технология описания речевого портрета // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 326–335.

2. Гурулева Т.Л. Речевой портрет этнической языковой личности (сопоставительная характеристика китайской, русской и английской языковых личностей) // Культура и цивилизация. 2017. № 3. С. 196–205.
3. Полончук Р.А. Сравнительный анализ фразеологизмов военной сферы в китайском и русском языках // Военно-гуманитарный альманах. Серия Лингвистика. Выпуск 1. — 2017. — С. 536–540.
4. <http://chinese-russian.ru/publications/?publications=99>

Модальные слова в немецком языке как средство выражения субъективной модальности: прагматический аспект

Радченко Дарья Владимировна, магистрант

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Субъективная модальность в немецком может быть выражена посредством множества средств. Одним из них являются модальные глаголы. В данной статье исследуется роль модальных глаголов в выражении вероятности в немецком, сравниваются модальные глаголы между собой и с другими средствами выражения субъективной модальности. Были анализированы 50 текстов и интервью с целью выявления особенностей употребления политическими деятелями, деятелями культуры, обычными гражданами.

По результатам исследования 4 из 6 модальных глаголов используются для выражения предположения: können, müssen, sollen и mögen. С точки зрения частоты использования модальные глаголы занимают третье место после наречий и глаголов субъективной модальности. Глагол können (92%) используется наиболее часто. Вывод: модальные глаголы, используемые со значением субъективной модальности, выражают низкую степень вероятности.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматическая лингвистика, субъективная модальность, модальные глаголы

Немецкие модальные глаголы часто становятся объектом исследования в языкознании. В различных тематических сборниках и книгах они подвергаются синхронному и диахронному исследованиям. Одним из основных аспектов модальных глаголов служит их полифункциональность, поскольку все 6 глаголов немецкого имеют как субъективное, так и объективное прочтение.

Возможность субъективного прочтения модальных глаголов представляет основу данной статьи. Субъективная модальность заключается в возможности глагола выражать степень вероятности. Поскольку немецкий язык располагает целым рядом средств выражения субъективной модальности, поэтому мы считаем необходимым выяснить: а) роль модальных глаголов среди средств субъективной модальности; б) частоту использования каждого модального глагола в разговорной и письменной речи; в) взаимодействие модальных глаголов и других средств выражения субъективной модальности.

Существует много дефиниций субъективной модальности. Например, в Словаре-справочнике лингвистических терминов находим следующее определение субъективной модальности: «Выражение отношения лица говорящего к сообщаемому» [3]. Часто связывается субъективная модальность с такими понятиями, как *правда, действительность, достоверность, вера, значимость*. В этом отношении Т.В. Жеребило определяет субъективную модальность как оценку говорящим содер-

жания высказывания с точки зрения достоверности, вероятности [1]. Также Э. Ляйс [5] и Т. Фриц [4] указывают на субъективную модальность как средство выражения вероятности/ правдивости в предложении.

Высказанная степень убежденности/ уверенности, то есть степени вероятности или предположения определяется в коммуникативно-прагматическом аспекте. Средства выражения субъективной модальности чрезвычайно разнообразны. Обычно к ним относятся, прежде всего, модальные слова — модальные наречия и модальные глаголы. Наравне с модальными глаголами и модальными наречиями употребляются так называемые дискурсные метки (*Diskursmarker*), под которыми подразумевают парентетически использованные глаголы субъективной модальности.

Субъективное прочтение модальных глаголов не однородно. Выраженная с помощью модальных глаголов степень вероятности зависит от модального глагола в отдельности. Так, модальный глагол *müssen* имеет значение высшей степени предположения — достоверности, убежденности — (*Er muss krank sein. = Er ist sicherlich krank.*); *können*, напротив, имеет окраску неуверенности (*Sie kann noch in der Uni sein. = Sie ist vielleicht noch in der Uni.*); *wollen* и *sollen* имеют значение стороннего утверждения — говорящий дистанцируется от высказанного.

Часто встречаются несколько средств выражения субъективной модальности в одном предложении, что имеет

влияние на значение высказывания. Речь идет об возрастании (*Ich bürgе, dass es tatsächlich keine Ausnahmen gegeben hat*), или об ослаблении степени убежденности (*Ich bin fast davon überzeugt*). Фактором снижения степени убежденности также служит конъюнктив II, используемый с глаголами *müssen* и *können*: *Sie muss mittlerweile angekommen sein* vs. *Sie müsste mittlerweile angekommen sein*; *Er kann in diesem Kontext beide Wörter gebraucht haben* vs. *Er könnte in diesem Kontext beide Wörter gebraucht haben*.

С другой стороны, можно говорить о «конкуренции» среди средств выражения субъективной модальности, используемых для выражения той же степени вероятности:

субъективное прочтение модального глагола *müssen* (*Er muss telefoniert haben*), футура II (*Er wird telefoniert haben*) и модального слова (*höchst*)*wahrscheinlich* (*Er hat wahrscheinlich telefoniert*), которые указывают на высокую степень убежденности.

Число найденных нами в текстах и интервью средств выражения субъективной модальности достигает 2093 раз. 435 из них приходятся на модальные глаголы. Все найденные средства можно условно поделить на десять групп; только некоторые из них вследствие их частого использования считаются средствами выражения модальности (наречия, глаголы субъективной модальности, модальные глаголы и существительные).

Таблица 1

Частота употребления средств выражения субъективной модальности

Наречия (модальные слова)	40%
Глаголы субъективной модальности	26,5%
Модальные глаголы	19,5%
Существительные	6%
Конъюнктив II	2,3%
Прилагательные	3%
Частицы	2%
Другое (Конъюнктив I, предлог, Футур II)	0,7%

Из шести модальных глаголов только четыре используются чаще всего для выражения субъективной модальности; однако частота употребления этих модальных глаголов указывает на четкую дифференциацию.

Модальный глагол *können* по сравнению с другими модальными глаголами употребляется наиболее часто в субъективном прочтении — 409 раз. Данный глагол выражает относительно слабую степень вероятности; во многих случаях речь идет о выражении возможности, но только тогда, когда *können* употребляется с такими глаголами, как *sein*, *passieren* или *gelingen*:

(1) *Und Merkel? Wenn sie in gewohnter Manier die Nerven bewahrt, kann sie die große Nutznießerin des Jamaika-Desasters sein.* [9]

(2) *Ich bin sehr glücklich bei Bayern, aber im Fußball ändert sich vieles schnell — und alles kann passieren.* [7]

(3) *Es wird hart, aber es kann gelingen.* [9]

То, что однозначно идет речь о предположении, подтверждает во многих случаях последующий контекст, из которого следуют эксплицитный сигнал, указывающий на догадку:

(4) *Da erforderliche Isolierungen an dem Netzteil fehlten, kann die Handhabung für den Benutzer lebensgefährlich sein. Durch Nichtbeachtung EU-weiter geltender Sicherheitsanforderungen bestehen erhebliche Gefahren, zum Beispiel durch Stromschlag. Dies sollte man bei Bestellungen im Internet mit beachten.* [11]

Часто присутствуют следующие средства, с помощью которых степень предположения усиливается, например, с помощью частицы *schon*:

(5) *Fehler unterlaufen. Was geht Ihnen in solchen Situationen durch den Kopf? Denken Sie jetzt bloß nicht «Das kann auch schon mal passieren» oder «Das ist doch nicht so schlimm».* [11]

Значение предположения появляется также в тех случаях, когда *können* употребляется вместе с глаголом субъективной модальности. В (6) глагол *behaupten* усиливается частицей *schon*:

(6) *Also lassen sie es gar nicht erst zur Bewährungsprobe kommen — und können schon behaupten: Ich bin kein Versager, ich habe mich ja angestrengt.* [11]

В случае, когда в непосредственной близости модального глагола употребляется модальное слово, тогда предложение получает значение недвусмысленного предположения:

(7) *Wir erreichen Ziele oft nicht auf direktem Wege, wir können Zwischenlösungen finden, Kompromisse schließen, improvisieren, vielleicht ein alternatives Ziel finden.* [11]

(8) *Er sieht die Ursachen in einer unbewussten Verweigerung gegen frühen Zwang und ist sicher, dass Psychotherapie bei dieser Störung helfen kann.* [11]

Возможны различные комбинации модальных глаголов с другими средствами для выражения степени вероятности, например, комбинация глагола субъективной модальности *glauben* с частицей *schon*:

(9) *Wir können schon hassen, glaubt Sapolsky, den falschen Anlass und «die falsche Art» von Gewalt.* [7]

В (10) глагол субъективной модальности *denken* и модальный глагол *wahr*:

(10) *Ich denke, es kann ganz wahr sein, was die Philosophie sagt, dass das Leben rückwärts verstanden werden muss. Aber darüber vergisst man, dass es vorwärts gelebt werden muss.* [11]

В (11) глагол *wissen* усиливается отрицанием:

(11) *Wir haben auch den Ehrgeiz, zu gewinnen. Ich weiß nicht, ob die Favoritenrolle so klar verteilt ist. Trotz der Ausfälle kann die Qualität bei den Bayern enorm sein.* [12]

Können также может быть использован в конъюнктиве II для выражения вероятности. Форма конъюнктива снижает степень вероятности; речь может идти о предположении, высказанном с осмотрительностью:

(12) *Wenn Sie wollen, dass sie sich gegenseitig an die Gurgel gehen, was ja sein könnte — im Ernst: könnte ja sein, dass Sie wollen — dann nehmen Sie den Menschen das Recht, ihre Meinung zu äußern und schauen Sie dabei zu, wie das Ganze den Bach runtergeht und reiben Sie sich die Hände.* [11]

В большинстве случаев для выражения предположения используют следующие средства субъективной модальности, как, например, глаголы:

(13) *Dazu gibt es sehr viele Untersuchungen. Tatsächlich erkennen wir eine Lüge nur in 54 Prozent aller Fälle. Genauso gut könnte man eine Münze werfen — Kopf oder Zahl? Deshalb meine Antwort: Ja, die Leute glauben, sie könnten eine Lüge erkennen. Und: Nein, sie können es nicht.* [11]

Во многих ситуациях могут идентичные по значению группы слов с существительным играть роль глаголов субъективной модальности (сравните: *fühlen* и *das Gefühl haben*):

(14) *Manchmal greifen wir andere verbal an oder brechen Beziehungen ab — wenn wir ein vages Gefühl der Bedrohung haben, der andere könnte das Gleiche zuerst tun.* [11]

Подчинение также может выражаться с помощью существительного *These*:

(15) *These für die Zukunft klingt beunruhigend: Sie vermutet, dass die neuen Hörmuster eine bleibend geringere Kapazität des Kurzzeitgedächtnisses zur Folge haben könnten.* [12]

Для модального глагола *müssen* в его субъективном прочтении было найдено всего 12 применений. Конструкция с *müssen* используется для выражения степени вероятности как в настоящем, так и прошлом времени:

(16) *Die neue Regierung muss wirklich supersauber sein!* [9]

(17) *Der Dieb muss am Mittwoch ganz sicher in der Zeit zwischen 16.45 Uhr und 18.30 Uhr in dem Haus in der Max-Eyth-Straße gewesen sein.* [10]

Выраженное предположение посредством глагола *müssen* может быть преобразовано с помощью других средств, например, быть усиленным, подчеркнутым или наоборот сниженным. В качестве дополнительных меток для прочтения глагола субъективной модальности:

(18) *25 Filme veröffentlichte der Oscarpreisträger in den letzten 50 Jahren. Welche davon Sie unbedingt einmal gesehen haben müssen, verraten wir in unserer Galerie.* [12]

Усиление степени предположения посредством прилагательного *überzeugt*, которое обладает значением субъективной модальности:

(19) *Denn er war überzeugt davon, dass Glück eng mit psychologischen, moralischen und sozialen Aspekten der Menschwerdung verknüpft sein muss.* [11]

Для выражения уверенности, что высказанное предположение является правдивым, используются частицы. Это прежде всего *schon* или сочетание *schon* и *sehr*:

(20) *Kaum hat man Erfolg, muss man schon dem nächsten nachjagen.* [11]

(21) *Man muss schon sehr regelmäßig gemeinsam hingehen, damit man in der Materie drinbleibt. Die Leute müssen die Gesänge üben, erweitern und pflegen.* [11]

Имеет значение ослабления степени уверенности использование частицы *wohl*:

(22) *Unter diesen Prämissen muss man wohl nicht betont haben, dass von den US-Geldpolitikern auch Hyperinflation ernsthaft als finaler Ausweg aus künftigen Misereen angedacht wird.* [12]

В другом случае предположение выражается с помощью модального глагола *müssen* в конъюнктиве II; ослабевает степень вероятности. Допущение в следующем фрагменте выражено посредством двух средств — глаголом субъективной модальности и ограничительным наречием:

(23) *Ich glaube, wir müssten eigentlich aus Erfahrung wissen, wir wenig oder nichts erreichen.* [11]

Sollen встречается в качестве субъективно-модально-эвиденциального прочтения 10 раз.

С помощью этого модального глагола говорящий дает понять, что он точно не знает, соответствует ли действительности информация, имеющаяся у него в наличии:

(24) *Iran soll für «Game of Thrones»-Hack verantwortlich sein... Der New Yorker Staatsanwalt Joon Kim gab bekannt, dass der verdächtige Iraner ein «erfahrener und talentierter Hacker» sein und auf die Fahndungsliste gesetzt wurde.* [12]

Sollen в конъюнктиве II для выражения предположения употребляется дважды. В одном случае допущение показано с помощью частицы *wohl*:

(25) *Lufthansa soll wohl Löwenanteil an Air Berlin bekommen.* [8]

Модальный глагол *mögen* упоминался лишь единожды, выражая предположение:

(26) *Was zunächst fast banal klingen mag, ist bei genauerer Betrachtung ausgesprochen schwierig: Kaum jemand ist ohne Training in der Lage, längere Zeit im Augenblick zu verweilen und sich allen aufkommenden Empfindungen annehmend zu öffnen.* [12]

Выводы

Употребленные модальные глаголы в значении субъективной модальности — среди наречий, глаголов субъективной модальности, существительных, конъюнктива II — занимают третье место и вместе с тем играют важную

роль в выражении вероятности. Наиболее употребляемый глагол в субъективном прочтении — *können*, за ним следуют со значительным отрывом *müssen*, *sollen* и *mögen*.

В исследованных нами текстах и интервью не было найдено модальных глаголов *wollen* и *dürfen*, употребленных в значении субъективной модальности.

Таблица 2

Частота использования модальных глаголов в прочтении субъективной модальности

Können	92%
Müssen	4%
Sollen	3%
Mögen	1%

Поскольку модальный глагол *können* выражает относительно слабую степень вероятности — неопределенность — по сравнению с другими модальными глаголами, поэтому мы делаем вывод, что прочтение модальных глаголов в значении субъективной модальности чаще всего выражает низкую степень вероятности. Это приводит к мысли, что для выражения значения необходимости в значении субъективной модальности — высокой степени вероятности — будут использованы не модальные глаголы, а прежде всего другие средства выражения субъективной модальности.

Средства выражения субъективной модальности на практике показывают себя связанными с контекстом.

Степень и/или оттенок предположения может колебаться в зависимости от того, какое именно средство субъективной модальности было употреблено именно в данной ситуации. Степень вероятности, выраженная с помощью модального глагола, может быть преобразована, например, посредством глаголов субъективной модальности, наречий, частиц, различных существительных и конъюнктива II. Возможны различные комбинации; в некоторых фрагментах фигурируют до трех различных средств. Поэтому средства субъективной модальности можно изолировать друг от друга лишь условно, в речевых ситуациях чаще они употребляются вместе.

Литература:

1. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Синтаксис: Словарь-справочник. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. — 156 с.
2. Кураков В. И. Модальность: Учебно-методическое пособие по практической грамматике немецкого языка. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. — 48 с.
3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов.
4. Пособие для учителя. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
5. Fritz Thomas A. Wahr-Sagen: Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen. — Hamburg: Buske, 2000. — 231 с.
6. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen / E. Leiss. — Walter de Gruyter. — Berlin, New York, 1992. — 334 s.
7. Weisgerber L. Die sprachliche Gestaltung der Welt / L. Weisgerber. — Düsseldorf, 1962.
8. Barça-Rückkehr? Thiago: «Alles kann passieren» // sportbild.bild.de. URL: <http://sportbild.bild.de/bundesliga/vereine/bayern-muenchen/thiago-alcantara-fc-bayern-barcelona-rueckkehr-interview-53812734.sport.html> (дата обращения: 23.11.2017).
9. Ex-Tagebau soll im November 2018 flutungsbereit sein // moz.de. URL: <http://www.moz.de/artikel-ansicht/dg/1620300/> (дата обращения: 23.11.2017).
10. Merkel: «Es wird hart, aber es kann gelingen» // nachrichten.at. URL: <http://www.nachrichten.at/nachrichten/politik/aussenpolitik/Merkel-Es-wird-hart-aber-es-kann-gelingen;art391,2737838> (дата обращения: 23.11.2017).
11. POL-UL: (UL) Oberstadion — Einbrecher stiehlt Schmuck // presseportal.de. URL: <https://www.presseportal.de/blaulicht/pm/110979/3783952> (дата обращения: 23.11.2017).
12. Psychologie Heute // URL: <http://www.psychologie-heute.de/archiv/detailansicht/news/> (дата обращения: 23.11.2017).
13. Zeitschrift Zeit Online // URL: <http://www.zeit.de/index> (дата обращения: 23.11.2017).

Синкретизм в языке. Энантиосемия как частный случай проявления синкретизма в языке

Романчук Юлия Владимировна, аспирант
Минский государственный лингвистический университет

Одной из отличительных особенностей состояния языка на современном этапе его развития принято считать стремление к языковой экономии. По мнению М. А. Павлюковец, «одним из частных случаев реализации языковой экономии, наблюдаемой на различных уровнях системы языка», выступает феномен синкретизма [8, с. 3].

Осмысление сущности синкретизма в лингвистическом аспекте впервые было предложено Л. Ельмслевым, который рассматривал данное явление как общее свойство языка и определял как «категорию, установленную совпадением» [4, с. 344].

Понятие «синкретизм», которое включает в себя значения соединения, слитности, совпадения, нерасчлененности встречается во всех областях знаний. В рамках лингвистической науки довольно емкое определение данного понятия предложено В. В. Бабайцевой, которая рассматривает синкретизм как «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме; совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложения и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [2, с. 446].

Согласно М. А. Павлюковец, синкретизм — это, с одной стороны, слияние, совпадение двух или более значений, которое находит свое выражение в доминировании одного из них, а с другой стороны — это ситуация, когда конкретное категориальное значение находит свою реализацию только в определенной синтаксической среде. Синкретизм служит естественным регулятором отношения плана выражения и плана содержания, когда между ними наблюдаются сдвиги динамического характера. Проблема синкретизма связана с проблемой асимметрии языкового знака, которую можно рассматривать как «фундаментальный фактор языка» [8, с. 9].

Синкретизм как лингвистическое явление совмещает в себе свойства полисемии и переходности, омонимии и нейтрализации и реализуется как самостоятельное явление на всех уровнях языка [11, с. 95].

Ш. Балли вместо термина «синкретизм» использует термин «совмещение означаемых», которое имеет место в тех случаях, когда одно неразложимое означающее имеет несколько значений [3].

По мнению А. Мартине, синкретизм нельзя считать случайным явлением в языке, так он затрагивает структуру языка. Лингвист также отмечает, что синкретизм ведет к усложнению функционирования языка, но явиться причиной путаницы, учитывая естественную избыточность человеческой речи, он может только в единичных случаях [7].

В работе Т. В. Колесниковой синкретизм трактуется как «обусловленное единством чувственного и рационального мышления универсальное свойство языка, проявляющееся в способности языковой единицы выражать комплекс противопоставленных лексических и / или грамматических значений» [5, с. 47].

Универсальность синкретизма заключается в его проявления в различные периоды развития языка, на различных уровнях системы языках и в различных типах речи [5].

На наш взгляд, определение понятия синкретизма в языке, предложенное Т. В. Колесниковой, является наиболее оптимальным для восприятия в русле его рассмотрения в качестве одного из источников возникновения энантиосемии как явления, при котором внутри одного и того же слова совмещены два прямо противоположных друг другу значения.

С. Л. Чареков настаивает, что синкретичные формы в языке являются следствием недискретности человеческого мышления на архаическом этапе его развития и отражают начальный этап становления языка. По мнению исследователя, такого рода нерасчлененность лексического значения позволяет прийти к заключению, что именно наличие в слове предпосылок к поляризации значений можно рассматривать как источник его дальнейшего развития [12].

Важно отметить, что в работах родоначальников исследований по энантиосемии [1, 14], равно как и в работах современных исследователей данного феномена [6, 9, 12] отмечается тот факт, что синкретичный характер древних корней, отражавших обобщенные представления древних людей о мире, стоит рассматривать как фактор развития внутри одного слова полярных значений, что и находит свое отражение в явлении энантиосемии.

В частности, по мнению М. В. Пименовой, в диахроническом аспекте энантиосемия является следствием семантического синкретизма двоичных противопоставлений в слове. Исследователь подчеркивает, что такая противопоставленность значений внутри одного и того же слова отражает наиболее ранний, примитивный этап развития мышления, для которого типичен комплекс единства противоположностей [9].

Е. В. Шелестюк также говорит о том, что диахронически энантиосемия выражается в изначальном — реальном или потенциальном — сосуществовании двух противоположных значений в семантической структуре слова (лексемы), то есть в их синкретизме. По мнению автора, именно ранний синкретизм противоположных основ привел к развитию энантиосемичных значений [13].

Исходя из вышеизложенного, на примере английского языка можно предположить, что синкретичный характер

древней основы проявляется в значении глаголов, обозначающих разнонаправленные действия, а также в словах, обозначающих противоположные признаки.

Рассмотрим некоторые примеры подобного рода энантиосемичных слов:

draw

1) to open the blinds, curtains, etc. (поднимать жалюзи, шторы и т.п.);

2) to close the blinds, curtains, etc. (опускать жалюзи, шторы и т.п.);

dust

1) to clean furniture, a room, etc. by removing dust from surfaces with a cloth (чистить мебель, комнату и т.п., удаляя пыль тряпкой);

2) to cover something with fine powder, flour, etc. (обсыпать что-либо пудрой, мукой, и т.п.);

rent

1) to regularly pay money to somebody so that you can use something that they own (регулярно платить кому-то деньги, чтобы пользоваться их собственностью — брать в аренду);

2) to allow somebody to use something that you own in exchange for regular payments (разрешить кому-то пользоваться своей собственностью за регулярную плату — сдавать в аренду);

seed

1) to plant seeds in an area of ground (засевать семенами участок земли);

2) remove the seeds from vegetables, etc. (вычищать семена из овощей и т.п.);

awesome

1) rather frightening (внушающий страх);

2) very good, enjoyable, etc. (приятный, доставляющий удовольствие и т.п.);

some

1) a large number or amount of something (значительное количество чего-либо);

2) a small number or amount of something (маленькое количество чего-либо).

Таким образом, синкретизм древней основы является одной из причин полярных расхождений внутри одного и того же слова, которые ведут к явлению энантиосемии.

Литература:

1. Abel, K. Über den Gegensinn der Urworte / K. Abel. — Leipzig, 1884. — 82 p.
2. Бабайцева, В. В. Большой энциклопедический словарь / В. В. Бабайцева. — 2000. — С. 446.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — М., 1995. — С. 164–168.
4. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. — Вып. 1. — М., 1960. — С. 264–389.
5. Колесникова, Т. В. К вопросу о выделении видов синкретизма / Т. В. Колесникова // Гуманитарные исследования. — 2009. — № 3 (31). — С. 47–51.
6. Макарова, Е. М. О причинах и проявлениях энантиосемии в русском языке в межславянском аспекте / Е. М. Макарова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 631–635.
7. Мартине, А. Нейтрализация и синкретизм / А. Мартине // Филологические науки. — 1969. — № 2. — С. 96–109.
8. Павлюковец, М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. А. Павлюковец. — Ростов-на-Дону, 2009. — 22 с.
9. Пименова, М. В. Семантический синкретизм в диахронии / М. В. Пименова // Русский язык в контексте национальной культуры. — Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2007. С. 161–166.
10. Просяникова, О. И. Синкретические формы типа существительное / глагол в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / О. И. Просяникова. — Санкт-Петербург, 2012. — 40 с.
11. Просяникова, О. И. Семантические изменения в синкретических формах «существительное / глагол» в английском языке / О. И. Просяникова. — Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2011. — С. 94–104.
12. Чареков, С. Л. Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках: моногр. — 2-е изд. испр. и доп. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009. — 116 с.
13. Шелестюк, Е. В. Диахронический аспект энантиосемии / Е. В. Шелестюк // Слово в пространстве языка: материалы междунар. научно-практич. заочной конференции. — Ульяновск: ГОУ УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2011. — С. 196–216.
14. Шерцль, В. О словах съ противоположными значеніями (или о такъ называемой энантиосеміи) / В. Шерцль // Филологические записки. — Воронеж: Типо-литография Губернского правления, 1883. — Вып. 5/6. — С. 1–39.

Словообразовательный анализ устойчивых словосочетаний и фразеологизмов в сфере спорта в современном русском языке (на материале избранной спортивной лексики)

Фрончек Матеуш Кшиштофович, аспирант

Люблинский католический университет Иоанна Павла II (Польша)

Введение

Цель настоящей статьи — анализ и классификация избранной спортивной лексики и фразеологии русского языка. Объем материала составляет 65 лексических единиц, извлеченных из 18 текстов, помещенных в спортивных отделах журналов «Огонёк» и «Итоги». Статьи, которые послужили источником материала для анализа, характеризуются разнообразием. Среди них можно выделить статьи, интервью, фельетоны, заметки. Они касаются разных видов спорта — как летних, так и зимних, как индивидуальных, так и командных.

Устойчивые словосочетания

Настоящая часть статьи посвящена структуре устойчивых словосочетаний. Понятие устойчивых словосочетаний охватывает много явлений, и поэтому трудно дать однозначное объяснение этому термину [1].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой это понятие синонимично фразеологической единице [2, с. 330]. Менее распространенное толкование этого термина дает А. И. Молотков, который считает, что устойчивое словосочетание состоит из слов с конкретными значениями, но оно как единое целое не имеет лексического значения. Словосочетание противопоставляется им фразеологизмам, которые имеют конкретные значения, но их компоненты уже лексического значения не имеют [3, с. 350].

С точки зрения материала для настоящей статьи более пригодно определение А. И. Молоткова, поэтому предполагаем, что устойчивое словосочетание — это сочетание слов, соединенных грамматически и по смыслу, не обладающее метафоричностью.

Установлено, что в материале находится 57 устойчивых словосочетаний. В дальнейшей части данной работы рассмотрим словосочетания в структурном аспекте.

Для образования сложных терминов наиболее характерны аналитические конструкции, т. е. единые словоформы, сочетания основного и вспомогательного слов [4, с. 31].

Самой популярной аналитической конструкцией в материале является сочетание имени прилагательного с именем существительным. Так образованы словосочетания: *Большой шлем, горнолыжный спорт, групповой турнир, Единая лига ВТБ, зимние Игры, Золотая бутса, золотая медаль, Золотой мяч, командные соревнования, командный боец, конькобежный овал, летние Игры, личное первенство, лыжно-биат-*

лонный комплекс, лыжное двоеборье, лыжные гонки, одиночный разряд, олимпийский призер, олимпийский чемпион, отборочный цикл, парный разряд, первая лига, санно-бобслейная трасса, санный спорт, теннисный турнир, фехтовальный помост, фигурное катание, эстафетная гонка.

Часто встречаются также сочетания глагола и существительного в винительном падеже. Такая структура характерна для следующих выражений: *выиграть чемпионат, забить мяч, завоевать медаль, защищать ворота, обойти спортсмена, одержать победу, пропустить мяч, удерживать строку, установить рекорд.*

Третьим по количеству словосочетанием является модель «имя существительное + существительное в родительном падеже». В этой группе находятся следующие единицы: *Гонка чемпионов, Кубок Кремля, Кубок мира, Кубок федерации, Лига Европы, Лига чемпионов.*

Столько же, что и в предыдущей группе, словосочетаний типа «глагол + предложно-падежная форма существительного»: *выбиться в топ-турниры, вывести в финал, выйти в лидеры, выступить за команду, сражаться за победу, сыграть за сборную.*

Следующей группой являются словосочетания, состоящие из существительных в предложно-падежном сочетании. Их примерами служат выражения: *прыжки в воду, прыжки в высоту, прыжки на лыжах, прыжок с шестом.*

Немногочисленны комбинированные варианты, т. е. такие словосочетания, которые соединяют в себе разные типы аналитических конструкций: *свести матч вничью, 400 метров с барьерами, эстафета 4x100 метров вольным стилем.*

Отдельное словосочетание отвечает своей структуре модели «существительное + наречие»: *стометровка брассом.*

В рамках материала были также обнаружены 3 выражения, которые по своей структуре соответствуют предложениям: *Встреча завершилась победой, встреча завершилась поражением, команда пошла вперед.* Невозможно их причислить ни к какой из установленных групп.

Фразеологические единицы

В настоящей части статьи затрагивается вопрос фразеологических единиц в спортивной лексике, их структуры и семантики. Фразеологизмы можно определить как «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с об-

щими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [4, с. 559].

Фразеологизмами могут быть научные и технические выражения, специальные выражения в данной области, идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы, некоторые крылатые слова, а также слова с метафорическим оттенком [5, с. 337–345].

Весь фразеологический состав данного языка изучает фразеология — один из разделов языкознания, который классифицирует также фразеологизмы [4, с. 560].

По структуре фразеологизмы можно классифицировать на такие, которые соответствуют предложениям и такие, которые соответствуют словосочетаниям. К первому из типов причисляются номинативные (называют явления действительности) и коммуникативные фразеологизмы (передают сообщения), ко второму — фразеологические единицы, которые являются сочетаниями разных частей речи [6, с. 81–84].

Во время проведения анализа зафиксировано только 5 фразеологизмов. Все они имеют структуру «глагол + другая часть речи (другие части речи)».

Фразеологизм *выиграть в одни ворота* состоит из глагола и сочетания количественного числительного с существительным. Эта единица обозначает ситуацию, когда один из спортивных коллективов намного сильнее второго и поэтому он одерживает победу [7], например: «Команда выиграла в одни ворота и вышла в полуфинал чемпионата» [8, с. 47].

Фразеологический оборот *выстрелить дуплетом* имеет структуру «глагол + имя существительное» и употребляется чаще всего в военной терминологии. Это словосочетание переосмысливается в спортивной лексике. Оно приобретает новое значение, к нему добавляется метафоричность. Оборот используется в лексике в области спорта в ситуации, когда, по крайней мере, двое спортсменов из данного коллектива или страны побеждает в соревнованиях, например: «Россияне выстрелили дуплетом почти во всех видах спорта» [9, с. 52]. Эта единица совсем недавно появилась в области спорта, поэтому она не зафиксирована ни в одном фразеологическом словаре.

Фразеологическая единица *лупить мячом по воротам* характеризуется структурной моделью «глагол

+ имя существительное + предложно-падежная форма имени существительного». Значение этого оборота указано прямо: «часто бросать мяч в ворота противника» [10, с. 324]. Примером употребления этой единицы может служить предложение: «Футболист мог часами лупить мячом по воротам» [8, с. 46].

Фразеологизм *вернуться в игру* построен из глагола и предложно-падежной формы существительного. Этому выражению придается в спортивной лексике метафоричность. Единица не встречается в словарях фразеологизмов, но она может быть объяснена как «после нескольких неудач начать соперничать с противником как равный с равным», например: «Соперник сумел вернуться в игру и праздновал победу» [11].

Фразеологическая единица *с ходу стать победителем* отвечает структурной модели «предложно-падежная форма существительного + глагол + существительное». В этом случае к фразеологическому обороту с ходу, обозначающего «тотчас, сразу же; не делая перерыва, не останавливаясь» [10, с. 586], добавляется устойчивое словосочетание *стать победителем*, не обладающее метафоричностью. Соединяя оба выражения друг с другом, получаем новый фразеологизм *с ходу стать победителем*, который употребляется в ситуации, когда дебютант выигрывает соревнования, например: «Теннисист с ходу стал победителем турнира» [11].

В конце можно прийти к выводу, что почти половину материала составляют устойчивые выражения. Зафиксированы только отдельные примеры фразеологизмов. Это свидетельствует о том, что материал не обладает большой метафоричностью. Это также связано с тем, что в рамках материала много терминологических единиц.

Самое большое количество словосочетаний состоит из прилагательного и существительного. Много также устойчивых словосочетаний типа «глагол + существительное в винительном падеже», а также словосочетаний, построенных по модели «имя существительное + существительное в родительном падеже» и «глагол + предложно-падежная форма существительного».

Можно также отметить, что все найденные в материале фразеологические единицы соответствуют по структуре выражениям типа «глагол + другая часть речи (другие части речи)».

Литература:

1. Справочник по правописанию и литературной правке. Выбор устойчивого словосочетания // Терка — электронные учебники и самоучители. URL: http://www.terka.ru/rozental_2/144.html (дата обращения: 30.11.2017).
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А., Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. — 3-е изд. испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
3. Молотков А. И., Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Современный русский язык. Лексикология, фразеология, лексикография: Хрестоматия и учебные задания. — Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2002. — С. 346–365.
4. Ярцева В. Н. (ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — 2-е изд. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. — 687 с.

5. Бабкин А. М., Лексикографическая разработка русской фразеологии // Современный русский язык. Лексикология, фразеология, лексикография: Хрестоматия и учебные задания. — Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2002. — С. 336–346.
6. Шанский Н. М., Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». — 4-е изд. испр. и доп. — СПб.: Специальная Литература, 1996. — 191 с.
7. Справочник по фразеологии // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ — русский язык для всех. URL: <http://www.gramota.ru/spravka/phrases/> (дата обращения: 30.11.2017).
8. Рауш В. Партитура Баха // Итоги. — 2013. — № 38 (901). — С. 46–47.
9. Рауш В. Золотая лихорадка // Итоги. — 2014. — № 05 (921). — С. 52–54.
10. Антонова Л. В. (ред.). Большой фразеологический словарь русского языка. — 1-е изд. — М.: ООО «Дом славянской книги», 2010. — 928 с.
11. Рауш В. С его подачи // Итоги. — 2013. — № 46 (910). — С. 57–58.

Лингво-прагматическая и когнитивная интерпретация концепта «глаз» в языках различных систем

Шокиров Шерали Ибрагимович, научный сотрудник
Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура (Узбекистан)

В статье освещаются структурные и семантические свойства конститuentов лексико-семантического поля «глаз(а)» английского, русского и узбекского языков.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, архисема, лексема, доминанта, ядро, периферия, план выражения, план содержания, тематические группы

The article deals with the structural and semantic features of the constituent lexemes of the lexical-semantic fields of «eye» in modern English, Russian and Uzbek.

Key words: lexical-semantic field, archiseme, lexeme, dominant, centre, periphery, surface structure, deepstructure, thematic groups

Современное языкознание характеризуется возросшим интересом к проблемам сравнительного изучения лингво-прагматических и когнитивных особенностей языков различного морфологического строя. В данной статье делается попытка осветить данный вопрос в плане семантического анализа структуры концепта «глаз-» в английском (eye) и «кўз» в узбекском языках.

Актуальность исследования данного вопроса определяется ростом межкультурных контактов. Особую актуальность представляет привлечение материала английского и узбекского языков, принадлежащих к различным языковым группам, к компаративным семантическим исследованиям, выявление как общих признаков-универсалий, так и отличительных черт, свойственных любому языку. Взаимодействие языков германской и тюркской групп мало изучено, а потому наиболее притягательно и актуально в условиях расширения границ общения и поиска новых путей диалога различных мировых культур.

Лексико-семантическое поле (ЛСП) «глаз» выполняет важную информационную функцию в процессе коммуникации так как оно имеет обширную сеть семантического поля.

В настоящее время появилась и приобретает права гражданства во всем мире еще одна «лингвистика» — «прагматик лингвистика». Термин «прагматик лингвистика» мог бы оказаться весьма подходящим для того, чтобы обратить внимание на один из разделов нашей науки, до сих пор остававшийся незамеченным и не нашедший отражение ни в одной из многообразных и разнообразных старых и новых «-лингвистик» [1, С. 45].

Одной из нерешенных проблем прагмалингвистики является проблема соотношения семантики и прагматики. По мнению Р. Познера [7, С. 198–199], это разграничение в лингвистическом описании должно основываться на разграничении значения (sense) и употребления (use) слов в речевой коммуникации. Один из постулатов когнитивной лингвистики состоит в том, что знания людей об объективной действительности организуются и хранятся в виде концептов — абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления [Кубрякова, 1999, 2004; Болдырев, 2001; Wierzbicka, 1980, 1996; Lakoff, 1980, 1999; TFJr, 2006].

Под лексико-семантическим полем «глаз» мы подразумеваем систему языковых единиц, объединенных вокруг

инвариантной архисемы «глаз», имеющих в этом поле свою семантическую нишу, различающихся морфологическим и синтаксическим строением, находящихся между собой в смысловой связи разной степени — близкой либо дистантной, моно- и полисемических, моно- или полифункциональных, находящихся в парадигматической либо синтагматической связи друг с другом, активных и пассивных по функции, имеющих в плане выражения различную эмоционально-экспрессивную окраску.

Как и любое лингвистическое поле, ЛСП «глаз» имеет план выражения и план содержания. Под планом содержания поля мы подразумеваем общую архисему «глаз», а также в разной степени близости связанный с ней комплекс сем. Под планом выражения поля мы имеем в виду разные лексические единицы, сформированные в рамках фонетических, лексических, грамматических законов языка, свойственные устной и письменной речи, имеющие визуальные и аудиальные формы и объединенные вокруг общего значения «глаз».

Изучение лингвистических свойств языковых единиц, составляющих отдельные парадигматические ряды и объединённых в одном поле на основании общего значения «глаз», имеет и теоретическое, и практическое значение.

Анализ лексем, данных в толковых словарях английского, русского и узбекского языков, показал, что лексема «глаз» во всех трех языках является полисемантической и, кроме того, как в отдельно взятом случае, так и в составе словосочетаний и фразеологизмов приобретает различные значения. В этом случае необходимо определить из ряда значений, связанных с лексемой «глаз», инвариантное, имеющее в сопоставляемых языках общее значение. Принимая во внимание данное обстоятельство, мы подвергли анализу лексическую единицу «глаз» в том виде, в каком оно зафиксировано в словарях, а также проанализировали имеющие морфологические и синтаксические строения единицы, связанные по смыслу с данной лексемой.

В третьем «Новом международном словаре английского языка» Вебстера [6] отмечено, что слово «eye», будучи именем существительным, является родственным для лексем «eage» в древнеанглийском, «eie» в средневековом английском, «ouga» в древнемецком, «oculus» в латинском, «oscs» (two eyes) в греческом языках и «aksi» в санскрите, его прямое и основное (ведущее) значение — «an organ of sight» (орган зрения) [6, С. 809–810].

Путем перевода мы установили другие значения слова «eye» в той последовательности, в какой они даются в словаре:

1) *глаз и защищающие, поддерживающие, близко расположенные к нему веки, ресницы, брови; внутреннее пространство глаза и место, окружающее его.*

2) *хрусталик глаза* (a girl with blue eyes);

3) *видеть глазом либо воспринимать (представлять, предчувствовать), словно видимое глазом* (a keen eye for a significant detail), *видеть силой физи-*

ческого и умственного восприятия (a good eye for what is essential) *способность видеть через воображение* (on eye for beauty, He has on artists eye).

4) *взгляд* (in the public eye)

5) *внимательно смотреть, наблюдать с близкого расстояния* (under the eye of the employers)

6) *точка зрения: мнение о чём-либо* (in the eye of the law).

7) *вещь, имеющая вид, похожий на глаз*: а) отверстие в игле (ушко); б) отверстие для веревки, крюка, в частности, в орудии труда: отверстие молотка, топора; в) кончик растения (фасоли, сои).

Итак, лексема «глаз» в английском языке имеет более 20 значений.

В толковом словаре узбекского языка [4] перечисляются следующие основные значения слова «глаз» как имени существительного: [4, С. 127–128]

1. *Орган зрения живого существа*: Кўз косаси (глазная впадина). Қарға қарғанинг кўзини чўқимайди («Ворон ворону глаз не выклюет»)

2. *Взгляд, взор*: Мансур ҳамон индамас, кўзларини бир нуқтадан узмас эди. (Мансур все еще молчал, не отрывая глаза от одной точки).

3. *Способность видеть*: Мутный глаз. Слепой. «Когда—то шил тубетейки. Теперь это не под силу моим глазам»

4. *Некоторые места нахождения предметов, объектов (в переносном значении)*. Оконное стекло. Место, откуда бьет родник.

В словаре русского языка приводятся четыре значения слова «глаз»:

1. *Орган зрения*, 2. *Способность видеть*, 3. *Дурной глаз* (в старых народных представлениях: взгляд, приносящий неблагоприятие, несчастье), 4. *Присмотр*. [2, С. 313]

Во всех вышеназванных словарях лексема «глаз» в основном значении толкуется как «орган зрения живого существа». Смежные с ним другие дистантные значения даны последовательно.

Кроме этого, в процессе опроса, проведенного среди информантов (в качестве информантов были привлечены специалисты по английскому и узбекскому языку, а также молодые люди, принадлежащие к различным социальным слоям), на вопрос, что означает слово «глаз», 90–95% опрошенных ответили, что глаз — это орган зрения, затем перечислили другие значения. Исходя из вышеизложенного, в качестве архисемы лексемы «глаз» мы выбрали значение «орган зрения». Семы, смежные с ней, будем считать ее вариантами.

Элементы в этой системе находятся в иерархическом отношении друг к другу. Данную связь можно считать ступенчатым отношением.

Вариантные значения являются смежными с архисемой «глаз». Близкие варианты выражают значение «глаз» и соответствующие его задачам сопутствующие значения. Например, в английском языке — sight, vision

(видение), look, glance, gaze, view (взгляд, взор, точка зрения), scrutiny (пристальный), point of view (точка зрения), something having an appearance suggestive of an eye (предмет в форме глаза).

В узбекском языке — кўз қисмок (моргнуть глазом, т.е. — для подачи какого-либо знака или сигнала закрыв один глаз), кўз олди, кўз ўнги (перед глазами), кўз ташламок (бросить взгляд; посмотреть, взглянуть), кўздан қолмок (потерять способность видеть), кўзи хира (мутный глаз — плохо видящий).

В русском языке — голубые глаза (глаза голубого цвета), близорукие глаза (не видящие на дальнем расстоянии); «У семи нянек дитя без глазу»; Смотреть во все глаза (смотреть пристальным взглядом).

Варианты с дистантными значениями являются комплексом сем, не относящихся к глазу как органу зрения, его задачам и специфике. Например, в английском языке an eye for an eye (насколько причинил страдание, настолько и наказать; око за око, кровь за кровь), to see eye to eye (with) (полностью согласиться, иметь схожую точку зрения), to give an eye to (опекать, присматривать), to eye (выражает удивление и недовольство); в узбекском языке узукнинг кўзи (камень, вставляемый в кольцо), кўз остига олмақ (приметить (сделать своим, наметить для пользования)), кўзи ёримок (разрешиться от бремени (родить)), кўзини ёғ босмоқ (не признавать многих, даже своих знакомых; быть высокомерным); в русском языке: глаза горят (очень хотеть занять что-то), за глаза (говорить, ругать кого-либо в его отсутствие).

Если в лексемах с дистантным значением архисема «глаз» выражена слабо, то в лексемах с близким значением она находит свое выражение с разной степенью точности. Например, идиома «смотреть краешком глаза» означает взгляд с одной стороны глаза. Данное обстоятельство наблюдается и в английском языке: Keer an eye on him (присматривай за ним).

Архисема «глаз» и его варианты значения могут проявляться через лексические единицы, имеющие разные морфологические строения: простые, сложные, парные сочинительные сочетания, словосочетания, фразеологизмы.

Мы установили, что в английском языке значение лексем eye (существительное), eye (глагол) выражается через производные слова: eyeglass, eyewitness (существительное, глагол), сложное eyed (прилагательное), eyedness (существительное), eye-ful (существительное), eyeless (прилагательное), eye some (прилагательное), через сложнопроизводные слова — eye mindedness (существительное), eye-popper (существительное), eye-server (существительное), словосочетания — to close one's eyes; in public eyes, to keep one's eyes on, фразеологизмы — all the eye, to cut on eye, up to one's eyes и через сленг: «in a pig's eye».

В узбекском же языке главное значение лексемы «глаз» и его варианты выражаются через морфологически простые слова кўз — глаз (существительное), кўз остига олмақ — приметить (глагол), кўзанақ — углубление

(существительное), производные слова кўзмунчок — бусы (существительное), кўзойнақ — очки (существительное), кўзбойлогич — фокусник (существительное), кўз бўямачи — очковтиратель (существительное), кўзли — с глазом, кўзсиз — без глаза, кўз-кўз — показывать другим, кўз кулоқ — быть присматривающим, словосочетания кўздан кечирмок — осматривать, кўз қири билан қарамок — осмотреть краешком глаза, кўз олайтирмок — плялить глаза, кўз-кўз қилмок — хвастаясь, показывать другим, кўзи очилмок — отрезывать, открыть истинное положение вещей и др.

Лексемы поля, основанного на архисеме «глаз», разделяем на смысловые группы:

1) Лексемы, выражающие движение глаза как органа зрения: мигать, открыть, открытый, смотреть, взглянуть, ловить, плакать, прослезиться, моргать, бросить, пробежать, бросить взгляд, уставиться, оглянуться, to cry, to winn, to gaze, to look, to store, to have a look at, to sere wanes eyes, to peer, to blinn.

2) Лексемы, выражающие цвет глаза как органа зрения: черный, зеленый, голубой, красный, посиневший, покрасневший, blue, black, red, red dened.

3) Лексемы, выражающие форму и размер глаза как органа зрения: большой, маленький, корейский, красивый, узкий, косой, олений, выпученный, томный, круглый, screw, round, big, wide, narrow, small.

4) Лексемы, непосредственно не связанные с задачами глаза как органа зрения: взгляд, кончик, язва, родник, доска, древесина, работа, кольцо, хурджун, голодный, не насытится, родила (родить), уйти из жизни с открытыми глазами, приметить, плялить, закрывать, вытаращить, needle eye, the opening of a spring well.

5) Лексемы, выражающие состояние глаза как органа зрения, а также вообще способность видеть: слепой, открытый, закрытый, острый, хороший, плохой, невидящий, слабый, незримый, дальний, дальше, невидимый, ясный, четкий, мутный, близорукий, помутнеть, потемнеть, big squint, strabismus (знание), squint — eyed, cross — eyed, long — sighted, far — sighted, long — sight, presbyopia (медицинский), weak, short — sighted, near — sighted, myopic (медицинский), shortsightedness.

6) Анатомия глаза как органа зрения и связанная с ним медицинская терминология: очки, офтальмолог, резать, удалить, ставить, микроскоп, линза, сетчатка, хрусталик, зеница, катаракта, яблоко, цилиарное тело, орбита, белок, eye pit, eyehole, oculist, eye piece, (ocular), iris, lens, eye ball, ophthalmologist.

На основе проведенного научного анализа мы установили следующие значения архисема «глаз» которые представлены в рисунке № 1,

Анализ языкового материала показывает, семантическое поле «глаз» состоит из трех частей, лексема с архисемой «глаз» является его доминантой, лексемы с близкими значениями составляет его ядро, а лексемы с дистантными значениями образуют его периферию.

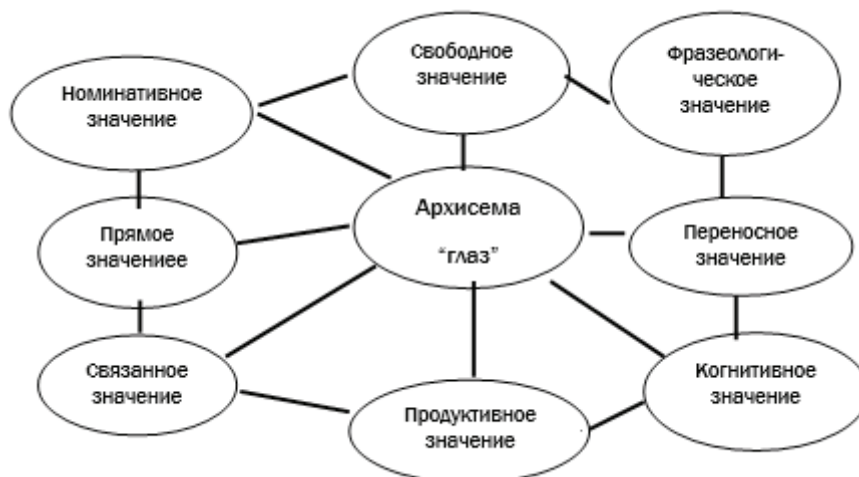

Рис. 1

Литература:

1. Ахманова О. С., Магидова И. М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика. — *Вопр. языкознания*, 1978, № 3.
2. Евгенева А. П. *Словарь русского языка*. — 1-том. Русский язык. М.1981.
3. Собиров А. Ўзбек тилининг лексик сатҳини системалар системаси тамойили асосида тадқиқ этиш. — Т. Маънавият.2004.
4. Ўзбек тилининг изоҳли луғати (2-жилд) — «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» Давлат илмий нашрети. 2006. с198—199.
5. Pozner R. *Semantics and Pragmatics of Sentence Connectives in Natural Language // Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht, 1980.
6. Webster's third international dictionary of the English language. Konemann.1993.c. 809—810
7. Leech G. *Principles of Pragmatics*. — Penguin Books, 1985.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Реализация культурно-образовательной функции журналистики через призму детских и подростковых передач на российском телевидении

Корочкова Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Изменения социально-экономической и культурной среды функционирования СКК (средств массовой коммуникации) неизбежно ведут к трансформации их функций в обществе. В современной отечественной науке восприятие функций также изменилось. Так, петербургская школа журналистики (в частности Корконосенко С. Г.) выделяет следующие функции (роли) журналистики: производственно-экономическую, регулируемую, информационно-коммуникативную, духовно-идеологическую [3, 150].

Московская школа (в частности Прохоров Е. П.) выделяет коммуникативную, идеологическую, культууроформирующую (культурно-образовательную), рекламно-справочную, рекреативную и организаторскую функции журналистики [4, 61].

В своей работе мы будем исходить из следующей трактовки культууроформирующей функции журналистики: участие в пропаганде и распространении в обществе высоких культурных ценностей, воспитание людей на образцах общемировой культуры, содействие всестороннему развитию человека» [4, 72]. На практике очень часто она реализуется совместно с рекреативной функцией, т.к. это повышает интерес телезрителей и, соответственно, рейтинги телепередач.

Основными видами детского телевизионного контента, представленными сегодня в российском эфире, являются полнометражные и короткометражные анимационные фильмы; художественные фильмы; мультипликационные сериалы; телевизионные программы; детские телесериалы.

В таблице 1. представлены данные Аналитического центра «Видео Интернешнл», рассчитанные на основании программных сеток крупнейших эфирных российских каналов [5, 35].

Согласно правилам лицензирования телевидения, установленным Федеральной комиссией по телерадиовещанию, доля детских телепрограмм должна составлять минимум 7–10% от эфирного времени Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 N2124–1, ред. от 25.12.2008.

Ни один из центральных российских телеканалов не соответствует этому требованию. На Первом канале детские передачи занимают менее 2% эфирного времени (Ералаш, Умники и умницы, мультфильмы), на канале «Россия» менее 1% эфирного времени (мультфильмы, конкурс талантов «Синяя птица»), доля детских передач на канале НТВ еще меньше («Устами младенца», конкурс талантов «Ты супер! Танцы»). На канале «Культура» передачи для детей занимают чуть более 3% эфира (мультфильмы, конкурс по русскому языку для старшеклассников «Мы грамотеи», конкурс талантов «Синяя птица», «Спокойной ночи, малыши!»). Больше всего программ для детей и подростков на канале СТС, чуть больше 19%. В основном это мультфильмы и полнометражные художественные фильмы, есть также ряд передач, например, Детский КВН.

К 2015 г. детских передач на основных каналах стало еще меньше (см. Таблица 2 [6]).

К тому же, большинство каналов пытаются выполнить требование закона, заполняя эфир мультфильмами, в основном зарубежного производства. Они успешно выполняют функцию развлечения, однако ни о какой культурно-просветительской функции здесь речи не идет.

Необходимо заметить, что многие каналы транслируют мультфильмы очень рано, в неудобное для детей время. Посмотрим варианты трансляции мультфильмов за неделю с 20 по 26 ноября 2017 г.:

Первый канал: воскресенье 7.20–7.30

Россия 1.: суббота 6.35–7.10

5 канал: понедельник 5.10–5.20, суббота 6.50–7.00, 8.00–9.00, воскресенье 6.20–7.00, 8.00–8.35.

Россия К. (Культура): суббота 8.45–9.10, воскресенье 8.40–9.30.

СТС: 6.00–9.00, суббота 19.10–21.00, воскресенье, 14.00–16.00.

Снова, как видим, лучше ситуация на канале СТС и Культура.

Детское просветительское телевидение — это не только мультфильмы, это также и научно-популярные, учебные программы, экранизации классических произведений, бе-

Таблица 1

Объем и доля «детского» контента в эфире крупнейших телеканалов за 2012

Канал	Детские программы, час.	Доля детских программ в вещании, %
2×2	5822	79,62
Disney	2387	45,29
СТС	1419	19,15
ТНТ	1125	15,83
ТВЗ	779	10,30
Перец	575	7,67
Пятый канал	361	4,70
МУЗ ТВ	230	3,13
Россия К	197	3,30
MTV	192	2,58
ТВ Центр	169	2,26
РЕН ТВ	153	2,05
Первый канал	125	1,66
Звезда	84	1,12
Россия 1	53	0,71
Семерка	48	1,98
НТВ	21	0,28
Домашний	1	0,01

Таблица 2

Распределение эфирного времени по категориям передач на «Первом канале» и канале «Россия 1»

Категории передач	«Первый канал»		«Россия»	
	Время (мин.)	Доля	Время (мин.)	Доля
Новости	1100	11.90%	1565	15.40%
Фильмы	1640	13.40%	2000	19.60%
Сериалы	1360	13%	1945	20.20%
Развлечения	4735	48.40%	2560	25.10%
Детские передачи	30	0.30%	40	0.40%
Спорт	240	2.40%	0	0%
Прочее	1220	12.10%	1970	19.30%

седы об искусстве и музыке, в том числе современной, а также другие формы и жанры, которые успешно использовались в советское время. Сейчас же, если убрать мультфильмы, доля детских передач на телевидении ничтожна (см. Таблицу 3 [5, 37]).

С телевещанием для подростков дело обстоит также плохо. Специальные программы, рассчитанные на эту аудиторию, на российском телевидении практически полностью

отсутствуют. Как следствие, подростки вынуждены смотреть фильмы и передачи для взрослых. То, что они там видят, вызывает вполне закономерную озабоченность у ученых.

В Центре социологии образования Российской академии образования (РАО) в ходе экспертных телепросмотров, длительность которых составила 116 часов, установили, что в среднем на один час телетрансляций приходится 4,2 сцены насилия и эротики (т.е. каждые 15 минут).

Таблица 3

Объем и доля детских программ в эфире крупнейших телеканалов

Канал	Объем детских программ, час.	Доля в детском вещании, %	Доля во всем вещании, %
СТС	230	16,21	3,10
Россия 1	44	83,02	0,59
ТВЗ	32	4,11	0,42
Disney	25	1,05	0,47
ТВ Центр	21	12,43	0,28
Первый канал	11	8,80	0,15
Россия К	6	3,05	0,10

Если учесть, что общая длительность ежедневных телепросмотров у школьников составляет в среднем 2,3 часа, то можно сделать вывод, что в среднем российский ребенок или подросток ежедневно видит не менее девяти подобных сцен [2].

О советском учебном телевещании подробно рассказал в своей книге «Телевидение: Страницы истории» Вилен Владимирович Егоров. С 1955 г. в Москве на центральном телевидении существовала постоянная рубрика «В помощь школе», в Ленинграде — «Телевизионный лекторий для старшеклассников».

В марте 1965 года был открыт специализированный канал, названный третьей (учебной) программой. Создавались учебные программы, которые, по сути, были наглядным пособием для школьников, изучающих ту или иную дисциплину в рамках программы. Утренний блок третьей программы адресовался школам. Дневные факультативные передачи выходили за рамки учебника и адресовались не только детям, но и взрослым. Однако эта программа никогда не была общесоюзной.

Для школьников, желавших поступить в вузы, редакция совместно с одним из самых престижных вузов Москвы — МИФИ — организовала курс лекций (около 60 лекций) по математике. Писем от школьников было так много, что в МИФИ для анализа домашних заданий стали привлекать студентов-старшекурсников, а по итогам такой переписки институт отбирал себе будущих студентов [1, 83].

Сейчас аналогом этой передачи является программа «Умники и умницы» на Первом канале. Это, пожалуй, единственное, что сохранилось из традиций советского просветительского телевещания.

Литература:

1. Егоров В. В. Телевидение. Страницы истории. М.: Аспект пресс, 2004. — 202 с.
2. Журавлева Е., Назарова Т. Беспокойной ночи, малыши! Российские телеканалы могут лишиться лицензий за отсутствие детских программ. <https://newizv.ru/news/society/29-06-2005/27194-bespokojnoj-nochi-malyshi>
3. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебное пособие / С. Г. Корконосенко. — М.: КНОРУС, 2016. — 272 с.
4. Прохоров. Е. П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов / Е. П. Прохоров — 8-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 351 с.
5. Телевидение для детей. Исследование особенностей производства, формирования и распространения программ. Мировой опыт. М., 2013. http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2013/tv_for_children.html
6. Телевидение — королевство кривых зеркал <http://inance.ru/2014/12/televidenie/>

В развитых странах телевидение является мощным и неотъемлемым средством образования. Учитывая большое влияние на аудиторию, доступность и массовый характер вещания, ТВ давно используется в качестве обучающего инструмента. Создаются специальные телеканалы, как общеобразовательные, так и тематические (о науке, технике, природе и т. д.), чего нельзя сказать о российском ТВ.

Такой же подход реализуется и на российском телевидении. Познавательные передачи выходят в эфир на специальных каналах. Яндекс-телепрограмма с пометкой «познавательные» выдает список из 40 каналов. К сожалению, большинство из них можно смотреть только через спутниковое или кабельное телевидение, т. е. широкой публике они недоступны.

Очень незначительная часть передач на этих каналах идет с пометкой 6+ (мастер-классы, обзор и чтение детской классики и мифов, уроки танцев и рисования), чуть больше с пометкой 12+, основная часть же часть передач на этих каналах идет с пометкой в 16+. Это говорит о том, что образовательных передач, адаптированных для детского восприятия, практически нет, их тематика также ограничена. Большинство познавательных программ на российском телевидении рассчитаны на взрослую аудиторию.

Появление новых проектов образовательного характера свидетельствует об осознании руководителями телеканалов потребности в программах подобного рода. Однако их качество и степень доступности пока оставляют желать лучшего, и надеяться на то, что наряду с развлекательными и информационными, появятся полноценные, доступные широким массам, образовательные телеканалы пока не приходится.

Актуализация семантического поля «культура» в языке современных российских СМИ (на материале газеты «Аргументы и факты» № 32 (1813) 5–11 августа 2015 г.)

Руденко Татьяна Ивановна, студент
Московский Педагогический государственный университет

Согласно определению семантического поля, это совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [1, с. 98–99]. Связи между значениями слов в семантическом поле различаются по степени общности. Корреляции между словами, относящимися к семантическому полю «культура» определяются смысловыми компонентами, составляющими концепт, репрезентуемой лексемой «культура».

Для установления концептуальной составляющей семантического поля «культура» мы проанализировали определения слова «культура», которые даны в Толковых словарях русского языка: в «Толковом Словаре Русского Языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой» [2], в «Большом толковом словаре русского языка» [3], в «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» [4]. Анализ приведенных определений показывает, что слово «культура» в современном русском языке является многозначным. Концептная сфера составлена из двух групп смысловых компонентов, которые условно можно обозначить как «относящиеся непосредственно к человеку» и «относящиеся к миру живой природы». Общим для обеих групп является смысловой компонент «результат деятельности человека».

Принимая во внимание различия предлагаемых определений значения слова «культура» в современном русском языке, в своем исследовании мы будем опираться на трактовку словаря Ефремовой [4], которая не содержит принципиальных разночтений с другими словарями.

Текстовые признаки исследуемого материала определяются особенностями его принадлежности к дискурсу СМИ. Объединение отдельных текстов происходит на метатекстовом уровне и определяется единой концепцией номера и издания в целом.

Лингвистический анализ исследуемого материала на лексико-грамматическом и семантико-синтаксическом уровне показал, что актуализация концепта «культура» осуществляется на лексическом и дискурсивном уровне через ряд смысловых компонентов, репрезентация которых осуществляется лексическими единицами, реализуемыми в контексте того или иного высказывания, являющегося частью общего текстового содержания.

Лексемы «культура», «культурный» в исследуемом материале являются репрезентантами трёх смысловых компонентов: «совокупность достижений человечества», «уровень и результаты развития каждой из областей жизни», «совокупность памятников». Число реализаций: 26, 5 и 2 соответственно, — позволяет говорить о смыс-

ловом компоненте значения слова «культура»: «совокупность достижений человечества», — как об основном. Смысловые компоненты «культивируемое растение» и «клетки микроорганизмов» лексемами «культура», «культурный» в исследуемом материале не представлены.

Синонимичные корреляции слова «культура» представлены в исследуемом тексте по 1, 2 и 4 значениям. Наиболее часто в качестве синонима слова «культура» в 1 значении («совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений») используется слово «образование» (11), лексема «самообразование» имеет 1 реализацию. В качестве синонима слова «культура» во 2 значении («уровень развития каждой из областей жизни») отмечены слова «искусство» (6), «нравственность», «нравственный» (4), «цивилизация» (3), «просвещение», «просвещенный» (2), «прогресс» (1), «этика» (1). По значению 4 («культивируемое растение») синонимами являются следующие лексемы: «выращивание» (6), «растение» (5), «выкопать» (1), «подрезать» (1), «разделить» (1), «посадить» (1), «убрать на хранение» (1), «поливать» (1), «посадка» (1), «пересадка» (1), «пересаживать» (1), «гибрид» (1), «многолетники» (1). Наиболее частотными синонимами слова «культура» по первой группе значений являются «образование», «искусство», «нравственность», «цивилизация». По второй группе значений в качестве основных выступают синонимические корреляции «выращивание», «растение».

Антонимичные корреляции слова «культура» представлены в исследуемом тексте по 1, 2 и 4 значениям. В качестве антонимов к слову «культура» в 1 значении («совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений») отмечена 1 лексема «орда» (1). Антонимами слова «культура» во 2 значении («уровень развития каждой из областей жизни») являются лексические единицы: «потребление попкорна» (1), «ящик (в значении «телевизор»)» (1), «циничные ценности» (1), «безграмотность» (1), «безнравственные поступки» (1). Антонимом к слову «культура» в значении 4 (культивируемое растение) являются слова «природа» (4), «природный» (1).

Гипо-гиперонимические (родо-видовые) корреляции со словом «культура» реализованы в целом ряде смысловых компонентов. По слову «культура» в значении 1 («совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений») гипонимами являются лексемы, актуализирующие смысловой компонент «музыка»: «Музыка»,

«музыкальный» — 11 реализации, «вальс» — 1, «мелодии» — 1, романс — 1; смысловой компонент «кино»: «Кино» — 15, «Д/ф» — 4, «Т/с» — 1; смысловой компонент «театр»: «Театр» — 2., смысловой компонент «телевидение»: «Телевидение» — 3, «ТВ» — 2, «Ток-шоу» — 1, «передача» — 1; смысловой компонент «искусство»: фото — 1, «танцуют» — 1, «поэзия», «поэтический» — 3; смысловой компонент «наука», «технология»: «Наука» — 2. «Технология» — 1; смысловой компонент смысловой компонент «архитектура»: «Архитектура», «архитектурный» — 5, «атриум» — 1, «храм» — 3, «здание» — 6, «дом», «домик» — 2, «фонтан» — 1, «дворец» — 2, «фасад» — 1. По значению 3 «совокупность памятников литературы, искусства, архитектуры и т.п., относящихся к одному времени, определенной территории» гипонимами слова «культура» являются лексемы: «Романс «Выхожу один я на дорогу» (1), «Калинка-малинка» (1), «Summer-time» (1), «фрагменты из Бетховена» (1), «Вивальди» (1), Рахманинова (1), «Калина красная» (1), «Спасской башни Кремля» (1), «Храм Российской военной базы в Армении» (1), «храма Троицы Живоначальной в Серебряниках» (1). По значению 4: «культивируемое растение» гипонимами являются лексемы, актуализирующие смысловой компонент смысловой компонент «монокультура»: «Деревьями» (1), «арбузов» (1), «дынь» (1), «бахчевых» (1), «цветочных многолетников» (1), «чеснока» (1), «картофель» (3), овощи (1), «марихуану» (1), «семян», «лилии» (2) По значению 5 гипонимами являются лексемы, актуализирующие смысловой компонент «микроорганизмы». «Бактерии» (1), «вирус», «вирусный» (4). Наиболее часто в исследуемом материале использованы гипонимы слова «культура» по 1 группе значений «кино» и «музыка».

Корреляции семантической производности со словом «культура» в значении 1 («совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений») реализованы в лексемах: «Госкино» (1), «Киношные» (1), «Кинозвезда» (1).

Актантные корреляции со словом «культура» в значении 1 («совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений») реализованы в отдельных смысловых компонентах концепта «культура». В исследуемом материале нами отмечены актантные корреляции «действие» — «субъект культурного действия», «обобщенный субъект культурного действия», реализуемые в словах: «артисты» (3), «музыканты» (1), «режиссёр», «режиссерский» (7), «продюсер» (1), «музыкальный коллектив» (1), «лауреат» (1), «подростки» (1), «обозреватель» (1), «Минкульт» (1), «Миннац» (1), «актёр», «актёрский» (4), «мхатовцы-старики» (1), «худрук» (1), «настоятель» (1), «школьник» (1), «кинотеатр» (4), «министерства культуры» (1), «Госкино» (2), «Голливуд» (1), «театр» (18), «нонконформисты» (1), «зритель» (2), «художник» (2), «научные сотрудники» (1) «кураторы» (1), «скульптор» (1), «герой» (3), «гимнасты» (1), «эквилибристы» (1), «акробаты» (1), «клоуны» (1), «сценарист» (1), «министр» (2), «редактор»

(3), «солист» (4). В качестве актантных корреляций «действие» — «субъект культурного действия», «обобщенный субъект культурного действия» наиболее часто использованы слова «театр» и «режиссёр».

Актантные корреляции «действие» — «форма культурного действия» представлены в лексемах: «концерт» (5), «дискотеки» (1), «вечеринки» (1), «вечер» (2), «выставка» (5), «поэтический союз» (1), «выставочный зал» (1), «Домик Чехова» (1), «экспозиции» (1), «творческие объединения» (1), «музей» (2). Наиболее употребительными являются слова «концерт» и «выставка».

Актантные корреляции «действие» — «объекты культурного действия» реализованы в словах: «ценности» (4), «достижения» (3), «наследие» (1), «музей» (2), «филармония» (1), «храм» (2), «памятники истории» (1), «концертный зал» (3), «журнал» (1), «Дом пионеров» (1), «драмтеатр» (1), «Геликон-опера» (1), «МДМ» (1), «Ленком» (1), «Государственный Кремлёвский дворец» (1), «школа» (2), «фотографии» (1), «документы» (1), «книги» (1), «картины» (1). Чаще других использовано слово «ценности».

Актантные корреляции со словом «культура» в значении 4 («культивируемое растение») реализованы в лексемах: актантные корреляции «действие» — «обобщенный субъект действия» — «Минсельхоз» (1), «сельхозпроизводители» (3), «аграрии», «аграрный» (2), «Россельхознадзор» (1), «Роспотребнадзор» (1), «крестьяне» (3), «сельхозпроизводственный», «министр» (1), «кооператив» (1), «агрохолдинг» (1), «хлебоборобы» (1), «сельхозпредприятие» (1), «механизатор» (1), «мужики» (1), «фермеры» (1); актантные корреляции «действие» — «форма действия» — «семеноводство» (1), «жатва» (1), «сельское хозяйство» (4), «полевые работы»; актантные корреляции «действие» — «объекты действия» — «техника» (1), «поле» (4), «сыры» (1), «продовольственный» (1), «мясные продукты» (1), «сельскохозяйственные машины» (1), «урожай» (3). Чаще других использованы слова «сельское хозяйство» и «поле».

Со словом «культура» в 5 значении («выращенные клетки микроорганизмов») репрезентованы актантные корреляции «действие» — «объекты действия», в следующих лексемах: «Дисбактериоз» (1), «гепатит С» (1), «противовирусные препараты» (1).

Корреляции «часть — целое» со словом «культура» в значении 1 («совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений») реализованы в лексемах: «Гуцинь» (1), «сяо» (1), «дицзы» (1), «сюнь» (1), «скрипки» (1), «оркестр» (1), «фортепиано», «фортепианный» (2), «балет» (1).

Корреляции «часть — целое» к слову «культура» значению 4 «культивируемое растение» реализованы в лексемах: «Стебель» (1), «пенёк» (1), «луковицы», «луковички» (3), «корни» (1), «гнездо» (1), «колосок» (1).

Таким образом, смысловой компонент значения слова «культура» «совокупность достижений человечества» является основным. Смысловые компоненты «культивиру-

емое растение» и «клетки микроорганизмов» лексемами «культура», «культурный» в исследуемом материале не представлены.

Реализуемые в исследуемом материале корреляции между словами, относящимися к семантическому полю «культура», включают в себя следующие типы отношений: синонимические, антонимические, гипо-гиперонимические, семантической производности, актантные корреляции «действие» — «субъект культурного действия», «обобщенный субъект культурного действия», «действие» — «форма культурного действия», «действие» — «объекты культурного действия» по 1 группе значений; актантные корреляции «действие» — «обобщенный субъект действия», «действие» — «объекты действия» по 2 группе значений; корреляции, «часть — целое по 1 и 2 группе значений.

Литература:

1. И. М. Кобозева. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 4-е. — М. Кн. дом. «ЛИБРОКОМ», 2009 с. 98–99
2. Толковый Словарь Русского Языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой/ sheba.spb.ru
3. Большой толковый словарь русского языка./ Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. В ред. 2014 г.
4. Ефремова Т. Ф. «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный». — М.: Русский язык, 2000

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

К вопросу о степени эквивалентности лексемы «связь» и ее русских, английских и немецких соответствий (на материале толковых словарей)

Лаврентьева Екатерина Александровна, старший преподаватель
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

Известно, что перевод — один из древнейших видов человеческой деятельности — процесс сложный и многогранный. Любой перевод обусловлен столкновением различных видов мышления; иногда взаимоисключающих культур и традиций; предполагающих разные уровни развития временных особенностей. Поэтому переводчик имеет дело не просто с двумя текстами, составленными на разных языках, а с двумя различными культурами, обществами, менталитетами, выраженными в тексте.

По определению Л.Л. Нелюбина, межкультурная коммуникация представляет собой общение на уровне взаимодействия существующих в определенном пространстве времени культур, которое осуществляется посредством языка, пронизывающего всю теоретическую и практическую деятельность человека [7, с. 62–63]. Исходя из этого, задачей любого перевода является, прежде всего, возможность передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности.

Кроме того, исследователи единодушны в том, что перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и то, как это выражено в нем. Причем, это требование относится как ко всему переводу данного текста, так и к отдельным его частям.

Для определения степени общности содержания или смысловой близости оригинала и перевода существуют понятия *эквивалентности* и *адекватности*. Понятие эквивалентности раскрывает важнейшую особенность перевода и является одним из центральных понятий современного переводоведения.

Следует указать, что термин *эквивалентность* существовал в философии задолго до появления теории перевода как самостоятельной отрасли лингвистического знания. В философском словаре дается следующее определение: *эквивалентность* (лат. равносильный, разнозначный) в логике — отношение между высказываниями (суждениями, предложениями, формулами), выражающие тот факт, что два высказывания имеют одинаковые значения истинности (т.е. оба истинны или оба ложны) [15, С. 338].

В настоящее время существует большое количество работ отечественных и зарубежных исследователей, в которых содержится определение переводческой адекватности

и эквивалентности (Егер Г., Каде О., Комиссаров В.Н., Кэ-тфорд Дж., Марчук Ю.Н., Миньяр-Белоручев Р.К., Найда Ю., Нелюбин Л.Л., Рецкер Я.И., Сдобников В.В., Солдуб Ю.П., Федоров А.В. Швейцер А.Д. и др.).

Так, в трудах Л.Л. Нелюбина, основанных на прагматическом подходе, *адекватность и эквивалентность* определяются как стилистическая и эстетическая равноценность исходного оригинала и переводного текста. Под адекватным переводом понимается такой перевод, в котором переданы все намерения автора как продуманные им, так и бессознательные в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма [6, с. 95].

Один из основоположников современной школы перевода Р.К. Миньяр-Белоручев, считая, что адекватный перевод является целью художественного перевода, определяет *адекватность* перевода как воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка [5, с. 69].

Одним из подходов к определению *эквивалентности* является теория уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова, согласно которой, в процессе перевода устанавливаются отношения эквивалентности между соответствующими уровнями оригинала и перевода. Заметим, что В.Н. Комиссаров рассматривает «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод» как понятия неидентичные, хотя и тесно соприкасающиеся друг с другом. [4, с. 201].

Необходимо заметить, что на любом уровне успешная межкультурная коммуникация невозможна без полноценного и адекватного перевода. Качество перевода во многом зависит от качества используемых при переводе словарей, поэтому очень важным является тот факт, чтобы в словарях давались точные переводные соответствия.

Также интересным является мнение о том, что «дословный перевод можно рассматривать как самый лучший анализ текста, поскольку понимание смысла каждого предложения ведет к пониманию текста в целом». [12].

Проведем анализ лексемы *связь* с точки зрения адекватности ее перевода на материале толковых переводных словарей. Эта лексема была выбрана для исследования по той причине, что понятие, ею обозначаемое, является

универсальной реалией, присутствующее в русской, немецкой и английской лингвокультурах.

На основе определений, представленных в Толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [10, с. 704], можно говорить о том, что лексема *связь* может быть:

— общеупотребительным словом (она обозначает отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между к-л и ч-л, напр.: *дружеская связь, любовная связь, близкое знакомство* с к-л. и т.д.);

— может использоваться в составе клишированных лексических единиц (*близкое знакомство с к-л., обеспечивающее поддержку, покровительство, выгоду, напр.: иметь связи во влиятельных кругах, иметь большие связи, связи есть — ума не надо* и т.д.);

— быть компонентом составных терминов в отраслевых терминологиях (*космическая связь, междугородняя связь, воздушная связь, служба связи, работник связи, почтовая связь, телеграфная связь, телефонная связь* и т.д.).

Следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что лексема *связь* является *консубстанциональным* словом, поскольку она используется в разных функциональных сферах языка.

Многозначность лексемы *связь* подтверждается и анализом, проведенным с помощью Толкового словаря русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова [14, стр. 546–547]. В словаре лексема представлена:

1. Как общеупотребительное слово: «*связь — то, что связывает, соединяет, создает что-то общее между кем-н., тесное общение, единение — дружеская связь, вступить с к-л. в деловую связь, вступить в близкое знакомство с к-л.*».

2. В общенаучной терминологии, например: *причинная связь, логическая связь, установить связи между явлениями, связь между частями целого;*

3. В отраслевой терминологии — *связь между биографией и творчеством писателя (литературоведение), телеграфная связь, телефонная связь, железнодорожная связь, воздушная связь с Арктикой, поддерживать связь с тылом, держать связь с правым флангом (военная терминология). Связь — металлическая или деревянная скрепа различных частей зданий и сооружений (архитектурная терминология);*

4. В областном диалекте, например: *связь — изба с надворными строениями, сведенными под одну крышу.*

Будучи произведенной от глагола *связывать*, лексема *связь* унаследовала от глагола многие его значения и оттенки значений. Так, согласно данным словаря В. Даля [13], *связывать* — скреплять, соединять, например: *связать узел, связать простыню, углы с углами, кипу, тюк, руки; связать чулок, колпак, невод; в фольклоре: скручен, связан, по избе скачет (веник); в значении — связка (бубликов, книг, дров); в значении связно — он пишет несвязно, отрывочно; в качестве диалектного употребления —*

Задняя связка двора, наголовная связка (повязка); в качестве медицинского термина — связка в суставе.

При переводе русской лексемы *связь* на немецкий язык обнаруживается, что в немецком языке ее эквивалентами могут служить как минимум 10 слов: *der Zusammenhang, die Verbindung, das Verhältnis, die Verbindung, der Zusammenhalt, die Beziehung, das Band, das Nachrichtenwesen, der Verband, die Beziehung.*

Следовательно, анализируемая русская лексема обладает скрытой многозначностью, обнаруживающейся при переводе.

Так, немецкий словарь издательства Дуден [16, с. 536] объясняет значения следующим образом:

der Zusammenhang — связь; связность; контекст; der Vortrag hatte wenig Zusammenhang — доклад был довольно бессвязен; in (im) Zusammenhang mit etw. (D) — в связи с чем-л.; etw. in Zusammenhang mit etw. (D) bringen — увязать (связать) что-л. с чем-л.; in Zusammenhang mit etw. (D) stehen — находиться в связи (быть связанным) с чем-л.; in keinem Zusammenhang mit etw. (D) stehen — не иметь никакой связи с чем-л., не быть никак связанным с чем-л.

die Verbindung — связь, сообщение.

В данном значении лексема *связь* представлена в следующих случаях:

1. В общеупотребительном значении — *persönliche Verbindungen (личные связи). Verbindung halten (поддерживать связь); Verbindungen knüpfen — завязать отношения (с кем-л.); mit j-m in Verbindung stehen — находиться в связи, поддерживать связь, быть связанным с кем-л. и т.д.;*

2. В специальном значении в экономической терминологии — *geschäftliche Verbindungen (деловые связи);*

3. В отраслевых терминологиях: *drahtlose Verbindung (радиосвязь; беспроводная связь); einseitige Verbindung (односторонняя связь); optische Verbindung (визуальная связь) die Verbindung ausschalten / (vollziehen) разъединять/соединить (разговаривающих по телефону); Post und Fernmeldewesen — служба связи; Selbstwahlfernverkehr — междугородняя телефонная связь; в полиграфии в значении перепутывание листов (при брошюровке). В химии — biegbare Verbindung — гибкое соединение; lösbare Verbindung — разъёмное соединение; steife Verbindung — жёсткое соединение. В технической терминологии — Holzverband — деревянная связь; Stahlkonstruktionsverband — металлическая связь; в военной терминологии: Nachrichtentruppen — войска связи. А также в медицине в значении лигатура (перевязка), в юридической науке, в маркетинге.*

3. *die Beziehung* — в значении общения, отношения отношение; (pl) связи; связь (блат). *Beziehungen anknüpfen* — устанавливать связи; *Beziehungen erweitern* — расширять связи; *Innerbetriebliche Beziehungen* — внутрипроизводственные связи; *Beziehungen zu Kunden* — связи с клиентами.

Wirtschaftsbeziehungen — экономические связи; *einflussreiche Beziehungen haben* — иметь большие связи (блат).

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что лексема *связь* сосуществует в нескольких отраслях знания (экономика, физика, химия, медицина, юриспруденция, военное дело), имеет в каждой из них определенное собственное значение, что не вызывает сомнения *атропоцентричности* выбора общеупотребительного слова для наименования профессионального явления.

В данном случае мы согласны с мнением Э.А. Сорокиной о том, что присутствие *консубстанциональных* слов в терминологии может определять ее как молодую, формирующуюся отрасль знания, так как процесс номинирования специального профессионального явления часто происходит интуитивно, без опоры на научное исследование. Причиной появления *консубстанциональности* является желание использовать уже существующую в языке лексическую единицу, а не создавать новую [1, с. 139].

В деятельности профессионального переводчика вопрос *адекватности* перевода, «верности» перевода оригиналу является центральным вопросом и, более того, от переводчика требуется гарантия точности перевода. Однако в последнее время все чаще приходится слышать суждения о том, что на сегодняшний момент не существует «идеального словаря» для переводчика, и, по нашему мнению, с этим вполне можно согласиться.

Материалом для проведения дальнейшего исследования лексемы *связь* с точки зрения ее перевода с немецкого языка на русский язык послужил онлайн-словарь «Мультитран» [11].

В словарной статье «связь», данной в словаре «Мультитран», мы обнаруживаем 22 варианта перевода лексемы только в общеупотребительном значении. Ни один из общеупотребительных словарей немецкого языка не дает такую исчерпывающую информацию о лексеме. Для этого необходимо просмотреть и пролистать множество словарей современного немецкого языка. В дополнении к общеупотребительным значениям, найденным в других немецко-русских словарях, представлены следующие варианты: *die Bindung, die Fühlung, die Gemeinschaft, der Umgang, die Fügung, die Interkommunikation, die Juktur, das Konnexität, der Kontakt, die Liierung*.

Говоря о словаре Мультитран, следует отметить, что очень часто в нем обнаруживаются именно те значения, которые контекстуально подходят к переводимому тексту. В словаре толкование лексемы *связь* сопровождается пометами, указывающими на то, что перед нами термин, использующийся в различных областях знания, например, в вычислительной технике обнаружилось несколько терминов, которые не были найдены ни в одном словаре: *die Korrespondenz* (в значении *связь с каналом*), *der Link, das Verketteten* (сцепленная канальная команда). В автомобильной индустрии — *der Anker* (*связь*). В артиллерии (воен. терм.) — *die Beschlagschiene* (*связь*). В бизнесе — *der Feldmeldewesen*. Во внешней торговле — *der*

Verkehr. В геологии — *die Kohasion*. В гидравлике — *die Wirkverbindung*. В лингвистике — *der Nexus* (*связь, взаимосвязь*). В психологии — *der Rapport*. В технических науках — *die Koharenz*. В юриспруденции — *das Bezogenheit*. В химии — *die Verkopplung*. В строительстве — *der Verband*. В текстильной промышленности — *der Verbindungsriegel* (*связь ткацкого станка*).

Также при переводе лексемы *связь* в онлайн словаре мы наблюдаем явление эпонимии — образование термина на основе личных имен и фамилий, *напр.: das Russel — Saunders — Kopplung*. (*связь Расселя-Сондерса*). и т.д.

Все это еще раз подтверждает определение термина, которое мы находим у Л.Л. Нелюбина: «слово или словосочетание, принятое для точного выражения специального понятия или обозначения специального предмета в той или иной области знаний. В тексте, предназначенном для перевода, термин всегда требует отдельного решения на перевод, то есть выступает как единица перевода» [7, с. 92].

При переводе анализируемой лексемы на английский язык мы воспользовались Большим англо-русским словарем под редакцией академика Ю.Д. Апресяна [9]. В данном словаре лексема *связь* представлена в разных значениях, что еще раз доказывает, что изучаемое нами слово, может быть как общеупотребительным, так и *прототермином*, и обозначать специальное понятие, т.е. быть *термином*.

В общеупотребительном значении — *tie, bond; connection; relationship relations pl (with); устанавливать дружеские связи — establish friendly relations (with); терять связь — lose touch (with) и т.д.*

В общенаучной терминологии — *логическая связь — logical connection; причинная связь — causal relationship; кака́я связь ме́жду э́тими явлéниями? — what is the connection between the two phenomena?;*

Как новейшее заимствование (англицизмы) — *связи с общественностью — public relations (сокр. PR), обратная связь — feedback;*

В отраслевой терминологии — *служба связи — communications service; министерство связи — ministry of telecommunications; оператор связи (компания) — telecom provider и т.д; в химии (bond); в физике (tie, connection, link), в языкознании (connection, link) и т.д.*

В онлайн словаре Мультитран лексема *связь* представлена как специальное понятие (термин) в определенной области, которому дан соответствующий эквивалент, например: *в архитектуре — link-up; в биологии — intercommunication; в военном деле — communications support (как вид боевого обеспечения); в геологии — cleat; в космической отрасли — down-link; в общей медицине — affinity; в психологии — attachment; в химии — tie-up; в экономике — telecommunication service; в юриспруденции — chain и т.д.*

Проведенный анализ, подтверждает следующее мнение: «характерно, что слова, взятые из общего языка и приспособленные для наименования специальных понятий, нередко могли одновременно использоваться в нескольких областях, разных сферах» [3, с. 99].

Процесс перехода общеупотребительного слова в термин и термина в обиходное слово происходит в языке постоянно, поэтому особой осторожности требует подход к рассмотрению каждого отдельно взятого *консубстанционального* термина. С.В. Гринев-Гриневиц отмечал, что лексема способна отражать эволюцию сознания человека. [2, с. 96]. Данное утверждение можно также отнести к лексеме *связь*, которая является *консубстанциональной* по причине многогранности своего значения.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что лексема *связь*, будучи полисемичной в русском языке, обнаруживает и скрытые значения, и оттенки значения, выявляемые при переводе на немецкий и английский языки. Следовательно, семантическая структура анализируемой лексемы, может создавать определенные трудности, как в художественном переводе, так и в научно-техническом, т.е. в специальном.

Литература:

1. Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации: сборник научных статей// ГОУ ВПО Московский государственный областной ун-т / [Э.А. Сорокина и др.]. Вып. 6. М.: Издательство МГОУ, 2011. 172 с.
2. Гринев-Гриневиц с. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антропологистики: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. 128 с.
3. Даниленко В. П. Русская терминология. М.: Наука, 1977. 245 с.
4. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / Предисл. М. Я. Цвиллинга. Изд. 2-е, доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.
5. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.
6. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). Курс лекций. Английский язык. М.: Изд-во МГОУ, 2005. 153 с.
7. Нелюбин Л. Л. Перевод и прикладная лингвистика. М.: Высшая школа, 1983. 208 с.
8. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
9. Новый большой англо-русский словарь// Под рук. Апресяна Ю. Д. и Медниковой Э. М. В трех томах. М.: Русский язык, 1998.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка/под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1990. 921 с. www.ozhegov.org
11. Онлайн словарь Мультитран, www.multitrans.ru; www.multitrans.de.
12. Сизова Ю. С. Интеграция переводных методов изучения иностранного языка в программу неязыкового вуза// Материалы восьмой международной научно — практической конференции. РАНХИГС. 2014. с. 82—90.
13. Словарь Даля — «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля (1863—1866) в соответствии с современными правилами орфографии. Около 40 тысяч статей. www.sldal.ru учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 128 с.
14. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: Ок. 60 000 слов. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2004. 1280 с.
15. Философский словарь // Под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1986. 590 с.
16. Langenscheidt Wörterbuch, Langenscheidt KG, Berlin und München, Auflage 2009, 1216 Seiten

О некоторых вопросах (трудностях) перевода текстов кораблестроительной тематики с русского языка на английский

Паршина Татьяна Вячеславовна, документовед деканата факультета иностранных учащихся Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Определение трудностей технического перевода и выработка путей их преодоления позволяет техническому переводчику критически относиться к своей работе.

Ключевые слова: *вопросы (трудности) перевода, тексты кораблестроительной тематики, технический перевод, перевод с русского языка на английский, технический переводчик*

Практика осуществления перевода текстов кораблестроительной тематики с русского языка на английский показала, что переводчику необходима определенная

подготовка и совместная работа с инженерами и техниками, специализирующимися в конкретных узких направлениях кораблестроения.

Одной из трудностей, по мнению автора, является то, что переводчик, не имеющий соответствующего технического образования, сталкивается со сложной предметной областью. Тяжело переводить технический текст, когда не владеешь знанием предметной области. Опыт показал, что даже консультации с инженерами и техниками не всегда бывает достаточно. Бывают случаи, когда по многим вопросам технического характера возникает полемика между техническими специалистами.

Что же делать переводчику в этой ситуации? Конечно же, совместно с инженерами и техниками приходиться к определенному результату и находить общее наиболее подходящее решение. Но это не все. Переводчику необходимо самому «погружаться» в кораблестроительную тематику. Так, следуя рекомендациям видного технического переводчика Климзо Б. Н. [1], автор статьи дополнительно изучал и продолжает изучать литературу по соответствующей предметной области, в частности:

Жинкин В. Б. Теория и устройство корабля: Учебник. — 2-е изд., исправл. и доп. — СПб.: Судостроение, 2000. — 336 с., ил.

Г. В. Трибуц, Л. В. Тычина Пособие по переводу английских военно-морских текстов. Краткий справочник. Военно-морская орденов Ленина, Октябрьской Революции и Ушакова академия имени Маршала Советского Союза Гречко А. А., 1989. — 152 с.

Ашик В. В. Проектирование судов: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — Л.: Судостроение, 1985. — 320 с., ил.

Машиностроение. Энциклопедия / Ред. совет: К. В. Фролов (пред.) и др. — М.: Машиностроение; СПб.: Политехника. Расчет и конструирование машин. Раздел IV. Корабли и суда. Т. IV-20. Общая методология и теория кораблестроения. Кн. 1 / В. Т. Томашевский, В. М. Пашин, И. Г. Захаров и др; Под ред. В. Т. Томашевского, В. М. Пашина. — СПб.: Политехника, 2003. — 744 с.: ил.

Мирохин Б. В., Жинкин В. Б., Зильман Г. И. Теория корабля: Учебник. — Л.: Судостроение. 1989. — 352 с.

Воскресенская Н. Е., Захарова С. А. Суда и море. Методические указания для студентов I курса дневного отделения. Изд. ЛКИ, 1987. — 55 с.

Колышкина Л. Л. Экология моря: учеб. пособие по английскому языку / Под ред. к. ф. н., доц. С. А. Захаровой; СПбГМТУ. — СПб., 2008. — 95 с.

Другой трудностью, с которой пришлось столкнуться при переводе текстов кораблестроительной тематики, является перевод научных и технических сокращений, терминов.

Сложности работы переводчика в области технического перевода, описанные Люткиным И. Д. [2] в 1991 году, имеют место быть и в настоящее время. Например, при переводе текста о сварке корабельных конструкций автор столкнулся с многочисленностью терминов. Значение терминов меняется, появляются новые термины и терминологические словари определенно не успевают быстро актуализироваться.

В работе с терминологией, автор предпринимает следующие равнозначные действия:

- обращение к словарям;
- консультации с инженерами, техниками, переводчиками;
- изучение справочных материалов;
- изучение учебных, научных, технических материалов;
- многократное изучение переводимого текста;
- систематическое ведение персонального терминологического словаря;
- анализ сути термина, анализ применения термина, осмысление сути термина;
- использование ГОСТов.

Данный перечень действий не является полным и будет дополняться. Опыт показал, что вышеперечисленные действия, применяемые автором, позволили добиться положительного эффекта. Конечно, говорить о том, что автор достиг максимально близкого по сути перевода значения термина не представляется возможным, поскольку необходима многолетняя практика и кропотливая работа с терминологией, применяемой в кораблестроении. Поэтому впереди еще долгий путь познания перевода специфической терминологии.

Определенную трудность при переводе технического текста вызывает его проверка. Возникают вопросы. Все ли учтено при осуществлении перевода? Насколько качественно переведен текст? Для проверки качества перевода технического текста переводчик может обратиться, при наличии такой возможности, к другим переводчикам и техническим специалистам. Опыт показал, что такой возможности у переводчика может и не быть. Что делать? Автор предлагает осуществлять самопроверку перевода опираясь на постулаты теории технического перевода [3]. Так, учитывая, что сущность технического перевода заключается в полноте и адекватности, автор выстраивает следующие позиции самопроверки осуществленного перевода:

- отсутствие пропусков и произвольных сокращений текста оригинала;
- точная передача содержания оригинала;
- использование единой терминологии по всему тексту перевода; терминологии, соответствующей определенной предметной области;
- выдерживание стиля изложения, соответствующего нормам языка научно-технической литературы и документации;
- соблюдение правил осуществления технического перевода.

По сути, простые критерии оценки качества перевода позволили автору находить в своей работе ошибки и своевременно их устранять. Конечно, приведенные выше критерии самопроверки перевода не являются исчерпывающими и будут дополняться и развиваться.

Дополнительно хочется обратить внимание на еще очень важное, по мнению автора, действие. При осуществлении перевода, автор ведет и впоследствии приклады-

вает к переводу свои примечания. Это действительно до- выручает переводчика. Вот один схематичный пример (См. полнительный и занимающий время труд очень сильно схему 1).

Схема 1

К сведению заказчика – примечания переводчика

ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

1 освоение ресурсов Мирового океана	Resources Development of World Ocean [1]
2 месторождение	field [2]

НОРМАТИВНЫЕ И СПРАВОЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Название и реквизиты документа, на который дана ссылка	Номер раздела, подраздела, пункта, подпункта, перечисления, приложения в документе
[2] Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 53713–2009. Месторождения нефтяные и газонефтяные. Правила разработки. Oil and gas-oil fields. Rules of development. Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. № 1166-ст.	п. 3.9.

УЧЕБНАЯ, НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Название и реквизиты учебной, научной литературы	Номер (название) раздела, подраздела, пункта, подпункта, перечисления, приложения в учебной, научной литературе
[1] Актуальные проблемы освоения биологических ресурсов Мирового океана Urgent problems of the World ocean biological resources development: материалы международной научно-технической конференции: материалы IV Междунар. науч.—техн. конф.: в 2 ч. — Владивосток: Дальрыбвтуз, 2016. — Ч. II. — 248 с.	с. 118.

НОРМАТИВНЫЕ И СПРАВОЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ТЕКСТА ПЕРЕВОДА

Название и реквизиты документа	Номер раздела, подраздела, пункта, подпункта, перечисления, приложения документа
1. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Общие требования к текстовым документам. Unified system for design documentation. General requirements for textual documents. ГОСТ 2.105–95. Введён в действие в качестве государственного стандарта Российской Федерации с 1 июля 1996 года Постановлением Комитета Российской Федерации по стандартизации, метрологии и спецификации от 8 августа 1995 года № 426.	Раздел 4, Раздел 5, Приложение А.

Переводчик:

Паршина Татьяна Вячеславовна
Квалификация – магистр лингвистики
Документовед деканата факультета иностранных учащихся
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Примечания переводчика позволяют осуществлять глубокую аналитическую работу, фиксировать источники на основании чего было принято то или иное переводческое решение. Также примечания переводчика способствуют проведению более качественной проверки и самопроверки выполненной переводчиком работы.

В заключение хочется заметить, что перевод текстов технической тематики, в частности кораблестроительной, требует от переводчика не только определенной подго-

товки, умения взаимодействовать с инженерами и техниками, но и склонности к осуществлению перевода научно-технической литературы и документации.

Также автор отмечает, что существенную помощь в углублении знаний конкретной предметной области (кораблестроение) оказывает переводчику сбор и накопление уже выполненных переводов по конкретной тематике (кораблестроение).

Литература:

1. Климзо Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. 3-е изд., исправленное и дополненное — М.: «Р. Валент», 2011. — 488 с.
2. Люткин И. Д. Научно-технический перевод с русского языка на английский. Методическое пособие для переводчика-практика. Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации. — М., 1991. — 125 с.
3. Паршина Т. В. О методике подготовки и чтения лекции по учебной дисциплине «Технический перевод» для студентов-переводчиков на тему «Теория технического перевода»: учебно-методическое пособие / Т. В. Паршина. — Казань: Изд-во «Бук», 2016. — 54 с.

Классификация функциональных стилей речи (теоретический аспект)

Хромых Анастасия Андреевна, магистрант

Уральский Федеральный университет имени Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В данной статье приводится попытка систематизировать имеющийся теоретический материал в области функциональных стилей речи. Материал, представленный в статье, является обязательным для ознакомления перед началом работы над любым видом перевода.

Ключевые слова: функциональный стиль языка, научный стиль языка, официально-деловой стиль языка, публицистический стиль языка, газетный стиль языка, художественный стиль языка

Перевод — это неотъемлемая часть современного мира. Сегодня, когда международные отношения играют одну из важнейших ролей в общественной жизни, переводческая деятельность крайне важна. Следовательно, качество перевода имеет очень высокую значимость. От качества перевода зависит правильное понимание идеи, которую хотел донести автор оригинального произведения. Для создания точного, адекватного и наиболее близкого перевода по отношению к тексту оригинала переводчику следует обращать внимание на множество факторов и особенностей, которыми обладает переводимый текст. Зачастую не все эти особенности видны с первого взгляда, и переводчик может просто не заметить их, если не уделяет особое внимание их поиску и анализу. Авторы данной статьи решили остановиться на классификации функциональных стилей речи, для создания единой системы характерных особенностей, что в последствии должно облегчить стоящую перед переводчиком проблему — создания точного, адекватного и эквивалентного перевода.

И. Р. Гальперин даёт следующее определение тексту: «текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде

письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющие определенную целенаправленность и прагматическую установку» [3, с. 18].

В данном определении под понятием «документ» подразумевается любой письменный носитель текста. И. Р. Гальперин противопоставляет текст устному изречению, отмечая тот факт, что текст не спонтанен и лишь косвенно рассчитан на слуховое восприятие. И в отличие от устной речи текст не только динамичен, но и статичен. Динамика текста осуществляется только при его чтении [И. Р. Гальперин, с. 18].

Функциональный стиль языка — это система взаимосвязанных языковых средств, выполняющих определенную цель коммуникации. Следовательно, функциональный стиль можно считать результатом определенной задачи, поставленной говорящим» [3, с. 28].

Существует множество взглядов на то, как нужно классифицировать тексты в зависимости от стиля и типа. Приведем некоторые из них.

В. А. Кухаренко выделяет следующие функциональные стили: научный, официально-деловой, публицистический, газетный, художественный.

Научный стиль, по словам В. А. Кухаренко, применяется в профессиональной коммуникации [6, с. 61]. Наиболее характерными чертами этого стиля является обилие терминов, обозначающих предметы, явления или процессы, характерные для какой-либо узкой сферы человеческой деятельности. Для научного стиля также характерны высокая точность, предельная ясность и логическая связность речи. Это достигается в основном за счет использования устоявшихся фраз и клише, которые неоднократно применяются во всех текстах данного стиля. [6, с. 61].

Официально-деловой стиль — это стиль официальных документов и деловой корреспонденции. В. А. Кухаренко считает этот стиль наиболее консервативным, так как тексты данного стиля составляются по общему шаблону, установленному для каждого типа текста [В. А. Кухаренко, с. 61]. Также в них используется множество синтаксических структур и слов, считающихся архаичными и закрепившимися как термины в текстах документов. Структура текста документа строго регулируется нормами его написания (такие составляющие, как обращение, подпись, причины обращения и т.д.). В текстах данного стиля категорически запрещается использование эмоциональной, просторечной и оценочной лексики [6, с. 61].

Публицистический стиль — это стиль, известный своей прагматической функцией, направленной на убеждение читателя в чем-либо, его задача — повлиять на читателя и сформировать у него определенное мнение о повестуемом предмете, совпадающее с мнением автора. В тексте данного стиля отчетливо видна активная аргументация своей позиции по отношению к проблеме и высокая степень субъективности, отражающая личные чувства автора и его эмоции, касательно описываемой проблемы [6, с. 61]. Таким образом, можно сделать вывод, что в текстах публицистического стиля будут широко использоваться личные местоимения, прямые обращения, эмоционально-оценочная лексика, синтаксические конструкции, направленные на призыв к действию.

Газетный стиль применяется в текстах газет. Но не все тексты, опубликованные в газетах, по мнению В. А. Кухаренко, относятся к газетному стилю. Автор отмечает, что к газетному стилю относятся только те тексты, которые можно встретить исключительно в газетах и нельзя найти в других печатных изданиях, таких как журналы, буклеты, афиши и т.д. [6, с. 61]. Целью газетного текста является привлечение внимания читателя. Поэтому в них широко применяются различные специальные графические средства, такие как особый формат заголовка, нестандартное расположение текста на странице, выделение цветом и т.д. В таких текстах встречается большое количество дат, имен собственных, названий организаций и географических названий. Тексты газетных статей обычно объективны, безличны и не отражают личного отношения автора к описываемому событию. Поэтому такие тексты часто анонимны

и лишены личной оценки автора. Но, тем не менее, эмоциональность в таких текстах присутствует, и позиция и отношение к проблеме, описываемой в статье, ясны. Это достигается за счет использования эмоционально лексики и ясно из темы самой статьи [6, с. 61].

Художественный стиль, или так называемая беллетристика, обладает наиболее широким диапазоном средств коммуникации. Он не только имеет свой собственный стиль изложения, но и вмещает в себя черты всех других стилей, в нем можно встретить элементы как научного, так и публицистического, и официально делового, и газетного стилей. Функция художественного текста, по мнению В. А. Кухаренко, заключается в том, чтобы не только сообщить информацию и убедить читателя, что характерно для других стилей, но и оказать эстетическое воздействие на читателя. Форма изложения художественного текста тоже имеет смысл и несет в себе дополнительную информацию. В тексте художественного стиля присутствуют все существующие средства выразительности. Такой текст высоко эмоционален, субъективен и индивидуален [6, с. 61–62].

Н. Г. Блохина выделяет пять основных функциональных стилей: научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорный. Однако, в отличие от В. А. Кухаренко, в своей классификации она выделяет разговорный стиль и приобщает газетный стиль к публицистическому [2, с. 90].

Научный стиль, по мнению Н. Г. Блохиной, используется в текстах таких работ как монограммы, статьи в научных журналах, диссертации, словари, энциклопедии, справочники, учебная литература т.д. [Н. Г. Блохина, с. 90].

К особенностям текстов данного стиля Н. Г. Блохина относит логичность изложения информации, точность, отвлеченность и обобщенность, которые достигаются использованием безличных и неопределенно-личных конструкций. Также в текстах данного стиля присутствует большое количество терминов, отсутствует эмоционально-окрашенная лексика, слова употребляются только в прямом значении. На синтаксическом уровне характерной чертой, по мнению Н. Г. Блохиной, является использование сложноподчиненных предложений и предложений, осложненных причастными и деепричастными оборотами. Функцией текстов данного стиля Н. Г. Блохина считает сообщение информации [2, с. 90].

Официально-деловой стиль применяется в «сфере служебно-правовых, производственных отношений» [2, с. 94]. Как говорит Н. Г. Блохина, для текстов этого стиля характерны точность, канцеляризм, шаблонность. Как и в научном стиле, в текстах официально-делового стиля слова употребляются в прямом значении, и отсутствует эмоциональная лексика. Также Н. Г. Блохина отмечает широкое использование отглагольных существительных, кратких прилагательных и простых по структуре предложений. Н. Г. Блохина определяет функцию текстов такого стиля как предписывающе-информационную [2, с. 94–95].

Публицистический стиль, по мнению Н. Г. Блохиной, отличается логичность и последовательность изложения,

конкретность, строгая обоснованность и общедоступность информации, эмоциональность и призывной характер. Используется лексика общественно-политического, профессионального и абстрактного характера. Синтаксис предложений сложный, часто встречаются вводные слова. Н. Г. Блохина определяет функцию такого стиля как информационно-воздействующую, так как тексты публицистического стиля предназначены для средств массовой информации [2, с. 105].

Художественный стиль характерен для произведений художественной литературы. К особенностям этого стиля Н. Г. Блохина, как и В. А. Кухаренко, относит использование всевозможных языковых средств и сочетание черт всех стилей. Функцию текстов данного стиля Н. Г. Блохина также считает эстетической [2, с. 112].

Разговорный стиль также является отдельным звеном в классификации функциональных стилей Н. Г. Блохиной, хотя он не является стилем письменной речи. По ее словам, он обслуживает бытовую сферу и устно-разговорную речь. Этот стиль отличает неофициальность, спонтанность, нестандартизованность, сопровождение невербальными знаками. Лексика данного стиля может быть как эмоциональной, так и нейтральной. На морфологическом уровне преобладают глаголы, на синтаксическом — простые неполные предложения. Функцией данного стиля является осуществление коммуникации, по мнению Н. Г. Блохиной [Н. Г. Блохина, с. 117].

И. С. Алексеева, однако, дает другую классификацию текстов. Она делит тексты в соответствии с типом и характером информации, представленной в том или ином тексте. В своей классификации она выделяет четыре основные группы текстов, а именно: примарно-когнитивные тексты.

К этой группе И. С. Алексеева относит такие типы текстов, как научный, научно-учебный, научно-популярный, искусствоведческий, музыковедческий, философский, объявления, документы, деловые письма. В текстах данной группы, согласно И. С. Алексеевой, преобладает когнитивная информация, что ясно из названия данной группы. Также она определяет тип источника и реципиента данных текстов. Для этой группы они групповые, реже коллективные, по мнению И. С. Алексеевой.

1. Примарно-оперативные тексты: законодательные и религиозные тексты, проповеди, инструкции и рецепты. Преобладающим типом информации является оперативный тип. Источник и реципиент: коллективный.

2. Примарно-эмоциональные тексты: траурные объявления, некрологи, беллетристику, публичные речи, рекламные и мемуарные тексты. В таких текстах преобладает эмоциональная информация и совершенно отсутствует оперативная информация, согласно. Источник и реципиент: коллективный, индивидуальный.

3. Примарно-эстетические тексты: художественные тексты и художественная публицистика. В текстах этой группы ведущую роль играет эстетическая и эмоциональная информация. Источник и реципиент: индивидуальный [1, с. 264–266].

Итак, мы видим, что каждый ученый по-своему рассматривает принципы классификации текстов. Также видно, что к этой проблеме можно подходить с точки зрения различных аспектов, поэтому мы не можем наблюдать согласованности во взглядах различных людей, занимающихся данной проблемой. Но тем не менее во всех рассмотренных классификациях можно наблюдать схожие идеи, касательно языковых средств, характерных для того или иного стиля.

Литература:

1. Алексеева И. С. Введение в перевод / И. С. Алексеева. М., 2004. С. 153–169, 264–266, 325–329.
2. Блохина Н. Г. Современный русский язык. Текст. Стили речи. Культура речи. / Н. Г. Блохина. Тамбов. 2006. С. 89–117.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. М., 1981. С. 18–19.
4. Galperin I. R. Stylistics / I. R. Galperin. М., 1977. Р. 28.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. М., 1990. С. 135.
6. Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка / В. А. Кухаренко. М., 1986. С. 61–62.
7. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я. И. Рецкер. М., 1950. С. 158

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Обучение грамматическим конструкциям иностранного языка в процессе формирования коммуникативной компетенции студентов

Арустамян Диана Владимировна, старший преподаватель,
Дроздова Екатерина Александровна, руководитель очно-заочного отделения «Лингвистика»
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

В работе рассматривается проблема компетентностного подхода в обучении грамматике иностранного языка. По мнению автора, в его основании лежит идея выделения двух грамматик — активной и пассивной, выдвинутая Л. В. Щербой. Осознание важности учета двух подходов к рассмотрению природы грамматических явлений и их использования в методике преподавания иностранного языка позволит успешнее формировать грамматическую компетенцию обучаемых, являющуюся основным кодом языка.

Ключевые слова: лингвометодика, фоновые знания, компетентностный подход, активная грамматика, пассивная грамматика, грамматическая компетенция.

Формирование фоновых знаний относится к важнейшим когнитивным процессам личности, поскольку в широком смысле они представляют собой все те знания, которыми овладели участники коммуникативного процесса к моменту общения.

Для участия в межкультурной коммуникации языковой личности необходимо актуализировать лексико-грамматические составляющие иностранного языка, заложенные в вербализованных концептах сознания. Формирование грамматической компетенции как составной части лингвистической и коммуникативной компетенции является важнейшей задачей в процессе формирования фоновых знаний по иностранному языку и связанной с ним культуре. Грамматическую компетенцию ученые рассматривают как уровень владения основным кодом языка.

Как известно, понятие «компетенция» было актуализировано в научно-терминологическом аппарате Н. Хомским, а введено еще ранее В. фон Гумбольдтом. Новый интерес к понятию был связан с процессом формирования лингвопсихологической и антропологической модели в языкознании и языковой педагогике, начавшимся в конце 50-х годов прошлого века. Педагогическая мысль живо восприняла новую грамматику и открыла тем самым перспективу создания компетентностно-ориентированной системы иноязычной подготовки. По мнению ряда исследователей (О. С. Ахмановой, С. Д. Кацнельсона и др.), основные положения генеративной грамматики Н. Хомского были во-многом предвосхищены трудами отечественного исследователя языка Л. В. Щербой, в теоретических построениях которого, в свою очередь, четко прослеживается преемственность со взглядами В. фон Гумбольдта, увидевшего в грамматике «объективную данность»: в отличие от слов, в ней нет ничего телесного, осязаемого,

она состоит исключительно из интеллектуальных отношений [1, с. 337].

В развитие компетентностного подхода в лингводидактике большую роль играет вывод Л. В. Щербой о необходимости выделения «активной» и «пассивной» грамматики в обучении иностранному языку. Идеалом для языковеда всегда была замена схоластики и механического разбора наблюдениями над живыми фактами языка, их осмыслением, «думаньем» над ними [4, с. 99].

В основе данной концепции представлено взаимодействие двух подходов к изучению языковых явлений: ономазиологического и семасиологического. Учёный заявил о необходимости выделения *активной грамматики*, или ономазиологической, свободной от формализма. В рамках коммуникативного акта под ней подразумевается грамматика отправителя сообщения, направленная на употребление грамматических форм и способов выражения мысли. Название такого вида грамматики обусловлено активностью говорящего, продуцирующего речевое высказывание.

Пассивная грамматика, имеющая семасиологическую основу, — это грамматика получателя сообщения и она движется в направлении от формы к значению, логически подразумевая пассивность слушающего. Л. В. Щерба декларировал необходимость двух подходов к рассмотрению природы грамматических явлений и их учета в методике преподавания иностранного языка, но приоритетность признавал за ономазиологическим синхроническим подходом.

При отборе учебного материала для дальнейшего использования в речевой коммуникации необходима осознанная селекция изучаемых грамматических средств:

1) выделение наиболее употребительных средств выражения тех или иных смысловых отношений;

2) исключение грамматических конструкций и форм, которые, хотя и могут быть синонимичными, но имеют статус периферийных элементов в выражении определенных значений.

Для определения универсальности, а, следовательно, и активности грамматических явлений в том или ином языке необходимо учитывать следующие факторы:

- способность грамматической формы или конструкции служить моделью для образования аналогичных единиц;
- употребление грамматических явлений, составляющих специфику изучаемого иностранного языка;
- реализация языковых единиц в различных моделях;
- множество примеров употребления данных языковых единиц в данном значении.

Пассивная грамматика, в отличие от активной, рассматривает употребление грамматических единиц по направлению от формы к содержанию, функции. Главной целью в области пассивной грамматики является не анализ употребления формы слов и оформлении мыслей говорящего в предложении или высказывании, а прежде всего анализ и понимание смысла написанного или сказанного. Например, при осмыслении ответа на вопрос «*Когда это было?*» применительны следующие конструкции для выражения временных отношений: «*В период чего?*», «*При чем?*», «*При ком?*», «*По окончании чего?*». Такой подход представляется целесообразным на более продвинутых этапах обучения иностранному языку.

Литература:

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. Изд. 2. — М.: Прогресс, 2000. — 400 с.
2. Личман Л. Ю. Идеи Л. В. Щербы и Н. Хомского: аспекты трансформации в иноязычной дидактике // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2016. — № 5. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/16096.htm> (дата обращения 25.11.2017)
3. Лысакова И. П. О вечном в методике преподавания языков. — С-Пб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — Режим доступа: http://new.loiro.ru/files/users_932_13.doc (дата обращения 24.11.2017)
4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. — М.: Едиториал WCC, 2004. — С. 99.

О стилистических средствах в русском рекламном тексте и их переводе на китайский язык

Чжу Юйфу, профессор
Тюменский государственный университет

Лу Вэнья, старший преподаватель
Сычуаньский университет иностранных языков (г. Чунцин, Китай)

У Цзинвэнь, аспирант, соискатель
Тюменский государственный университет

В данной научной работе раскрывается суть и значение рекламы как своего рода искусство и результат синтеза различных языковых фактов. Русский рекламный текст имеет своеобразные языковые особенности, подчеркивающие его «художественное очарование». Все эти особенности отражены как на стилистическом уровне, так и на лексическом, грамматическом, риторическом. При переводе его на китайский язык необхо-

На основе принципа выделения пассивной и активной грамматики Л. В. Щерба предлагал создавать грамматические учебно-методические пособия двух типов: для овладения «пассивными» грамматическими формами и конструкциями и для обучения «активной» речевой деятельности. Таким образом, Л. В. Щерба подходил к разграничению семасиологической и ономасиологической грамматик с лингводидактической стороны, придавая ему большое значение в практике преподавания иностранных языков.

Такой лингвометодический вектор, заданный Л. В. Щербой, можно рассматривать как практическое и концептуальное учебно-методическое развитие теоретических построений в компетентностном подходе при обучении иностранным языкам, как справедливо считает Л. Ю. Личман [2]. Эту позицию разделяет и И. П. Лысакова, полагающая, что концепция активной грамматики, выдвинутая Л. В. Щербой, очень близка к постулатам компетентностного подхода [3].

Вместе с тем стоит отметить, что идеи Л. В. Щербы в последующие десятилетия недостаточно использовались в преподавании иностранного языка. Только в начале 1970-х гг. вновь вспоминают об идее активной грамматики в связи с появлением и развитием функционально-коммуникативного подхода к изучению иностранных языков. Коммуникативная направленность образования нуждалась в новой практико-ориентированной грамматике, способной объяснить функционирование языковых единиц в речевой деятельности.

димо учитывать весь спектр лингвистической специфики языка-донора и языка-реципиента, а также историко-культурный контекст. В тоже время исследуется функция стилистики в РРТ и метод перевода на китайский язык.

Ключевые слова: русские стилистические приемы, рекламный текст, эстетическая функция, коммерческое назначение, перевод на китайский язык

Реклама имеет различные формы, в том числе и текст, и предмет, и зрительный и слуховой образ. Язык — это самый главный элемент в рекламе, а стилистика — это самое прямое и практическое средство для украшения рекламы. Без стилистики рекламный язык будет скучным и банальным. Стилистика и реклама — две очень разные комплексные науки, но их связывают миллионы и миллиарды нитей. Стилистика обогащает рекламу экспрессивными средствами, а реклама даёт стилистике живые примеры. [7: 152–157]

Отмечал, что в современной западной стилистике механизм убеждения является сутью исследования; реакция целевой аудитории является решающим фактором удачного употребления стилистических средств. Это точно соответствует функции рекламы (убеждающая функция) и цели рекламы (ориентировать целевую аудиторию на потребление). Это также свидетельство о тесной связи между стилистикой и рекламой.

Что касается определения стилистики и классификации стилистических средств, то по этому поводу существуют разные мнения ученых. Известный стилист М. Н. Кожина отмечает, «предметом исследования выступают выразительные возможности и средства разных уровней языковой системы...» [3: 28]

Согласно ее точке зрения, «любая языковая единица может быть стилистическим средством». [3:76] Ввиду того, что стилистические возможности зависят от реализации в определённых речевых условиях, а между языковой структурой и языковой функцией существует диалектическое единство, поэтому любая классификация стилистических средств относительна. Известный русский учёный Д. Э. Розенталя в работе «Практическая стилистика русского языка» [5] выделял лексическую, грамматическую стилистику и изобразительно-выразительные средства языка. Для удобства исследования на основе классификации Д. Э. Розенталя мы анализируем стилистические средства в русском рекламном тексте со стороны лексических, грамматических и риторических средств.

1. Лексические средства в русском рекламном тексте

«Слово — одежда всех фактов, всех мыслей», — говорил А. М. Горький, подчеркивая важность слова в тексте. В рекламе выбор слов следует следующим принципам: точности, краткости, образности.

1.1 Заимствованное слово

Благодаря импорту и распространению новых предметов, новых идей, новых технологий из других стран, заимствованные слова оказывают всё большее влияние на

язык, культуру и мышление народа. Заимствованные слова в брендах товара (услуга) и рекламных текстах как главный источник неологизма передают самую общую информацию о политике, экономике и культуре общества. С одной стороны, заимствованные слова применяются в брендах всякого рода товаров, особенно известных иностранных товаров, такие примеры многочисленны: НАЙК (NIKE), Кока-Кола (Coca-Cola), Порше (Porsche), Лореаль (L'Oréal Paris), Самсунг (삼성), Хонда (本田), Тосиба (東芝), и т.д. С другой стороны, в рекламном тексте появляется масса заимствованных слов, например: фаст фуд (fastfood), бикини (bikini), мотел (motel), хотдог (hotdog), шоп (shop), супермаркет (supermarket) и др.

1.2 Аббревиатура

Самый продуктивный способ компрессии многословных названий — создание аббревиатуры, или сокращения. С одной стороны, её применение может усиливать информативность, экономить пространство текста, с другой стороны, соответствует быстрому ритму жизни современного человека, и зрительно является более ясным и эстетичным по сравнению со сложно образующимися словами.

1) ТВК «Славянский» — У нас есть всё! // «Рекламное поле», 11.12.2012

2) Филиал в Челябинске приглашает на работу: промутеров з/п 130 руб./час. Тел.: 8–908–57–61–337 // «Работодатель», 10 Декабря 2012

1.3 Фразеология

«Сама природа фразеологизмов, обладающих яркой образностью, создает предпосылки для их использования в художественной и публицистической речи. Употребление фразеологизмов обогащает речь, служит «противоядием» против речевых штампов». [2:448] Удачно использованный в рекламном тексте фразеологизм способствует тому, что потребитель готов воспринимать, запоминать и воспроизводить этот рекламный текст.

1) Любой стол может стать шведским, если он накрыт предметами из ИКЕА. (Магазин «ИКЕА»)

2) Супы Gallina Blanca — это любовь с первой ложки. (Реклама супов Gallina Blanca)

1.4 Термин

С развитием науки и техники в рекламе появилось большое количество терминов. Термины часто наблюдаются в рекламе о медицине, химии и т.д. Например: *косметология, дерматология, лечебное питание, сахарный диабет*. Термины подчеркивают точность языка рекламы. Приведем пример:

«Полифепан-плюс» поможет при ПОХМЕЛЬЕ и ОТРАВЛЕНИЯХ в праздники и будни. Также рекомендуется при заболеваниях: инфекциях, в т.ч. вирусных, токсикозах,

псориазе, аллергии, гипертонии, нейродермите, циррозе, ожирении, атеросклерозе. Спрашивайте в аптеках! // «Подробно о здоровье», № 22(90), декабрь, 2012.

1.5 Слово с положительной оценкой

Цель рекламы — соблазнить потребителей на покупку. Это требует правильно выбрать слово с положительной оценкой, что нередко встречается в русском рекламном тексте. Как показал проведенный статистический анализ 560 рекламных текстов, в список 50 самых постоянных прилагательных вошли следующие: бесплатный, идеальный, комфортный, натуральный, эффективный, эlegantный, надёжный и др. [8:35–36] Кроме прилагательных, в рекламе присутствуют также абстрактные существительные и наречия.

1) Красота и уют вашего дома! (Elan Gallery) // «Посуда, подарки, сувениры», № 8, 2012

2) Niagara. Просто, удобно, надёжно. // «PC Week/RE», № 35(820), 18 Декабря 2012

2. Грамматические средства в русском рекламном тексте

По словам Ф.И. Буслаева, «стилистике необходимо основываться на грамматике, ибо она есть не что иное, как та же грамматика, только в непрестанном применении к чтению писателя и к собственному сочинению». [1: 168]

Соответственно необходимо придавать большое значение грамматике рекламного текста. Прежде всего, нужно уместно эксплуатировать части речи и выбирать оптимальный строй предложения.

2.1 Сравнительная степень и превосходная степень

Составитель рекламы с помощью сравнительной степени и превосходной степени утверждает, что его товар или услуга лучше, чем у других, принесёт покупателям больше пользы. В ходе употребления степени сравнения прилагательного обычно не нужно указать объект, который сравнивают с данным товаром или услугой. Это, с одной стороны, соответствует закону лингвистической экономии, а с другой, расширяет сферу сравнения, тем самым, создаёт больший эффект.

1) Тоньше · Ярче · Мощнее. (Rraftway Studio) // «Snews», № 64, Декабрь, 2012.

2) Лучшее из возможного! (STELS) // «TOUREAST», март-апрель, 2012

2.2 Личное местоимение 1-го и 2-го лиц множественного числа

Как правила, в рекламе личное местоимение 1-го лиц направлено на рекламодателей, а личное местоимение 2-го лиц направлено на потребителей. Иногда местоимение 1-го лица может быть исключено. Потребителям кажется, что они сами принимают участие в этой рекламе и чувствуют близость к продавцам. Соответственно расстояние между рекламодателями и потребителями сокращается.

1) Мы выполним любые Ваши свадебные мечты! (Дизайн-студия «Катаlea») // «Брак и Семья», № 6(56), Ноябрь, 2012.

2) У вас есть всё. Танцуйте. (Клуб GgllaDance) // «National Business», № 3, Апрель, 2012

2.3 Номинативные предложения

В рекламе наиболее распространённое предложение — предложение простое, номинативное. Оно характеризуется короткостью и ясностью, и поэтому имеет больше возможности воздействовать на эмоции потенциальных потребителей.

1) Новый уровень вашего вкуса. // «Хлеб-соль», № 11, Ноябрь, 2012.

2) Качество с первых дней жизни. (Одежда «Агат») // «Мир детства», № 10, 2012.

2.4 Вопросительное предложение

При посредстве употребления вопросительного предложения процесс передачи информации разделяется на два этапа: задать вопрос и ответить на него. Вопросительное предложение в рекламе заставляет потребителей размышлять и откликаться на рекламу, таким образом, объединяет потребителей и рекламодателей.

1) У вашей компании есть Новость? У вас есть мнение? Вы хотите развивать имидж вашей компании? Ждём ваших пресс-релизов. (Журнал «Наши деньги») // «Дыхание Земли», № 20(39), Ноябрь, 2012.

2) Болит спина? Грыжа диска? Операция подождет! В санатории «Радон» помогут Вам! // «Дыхание Земли», № 48(526), Декабрь, 2012.

2.5 Восклицательное предложение

В рекламе восклицательное предложение обычно используется в заголовке рекламы или в начале текста. Вследствие того, что восклицательное предложение характеризуется эмоциональностью, стилистической окрашенностью и повышенной экспрессивностью, оно быстро бросается в глаза потребителей и возбуждает любопытство потребителей.

1) Мы изменились! РДТЕХ поможет Клиентам найти оптимальный путь к успеху! // «Snews», № 64, Декабрь, 2012.

2) Новогодняя акция! При покупке полнокомплектного автомобиля — подарок от деда мороза! // «Основные Средства», № 12, Декабрь, 2012.

2.6 Побудительное предложение

Побудительные предложения выражают волеизъявления говорящего — просьбу, приказ, требование и т.д., неся оттенки побуждения, что как раз совпадает с убеждающей функцией рекламы.

1) Наслаждайся жизнью вместе с Frosch! // «Хлеб-соль», № 11, Ноябрь, 2012.

2) Включай и смотри! (КП ТВ) // «Советский Спорт», № 190(18857), Декабрь, 2012.

3. Риторические средства в русском рекламном тексте

Усиление экспрессивности языка достигается различными способами, самыми главными из которых являются выразительные средства. К ним относятся тропы (сравнение, метафора, олицетворение, метонимия, гипербола,

эпитет) и фигуры (параллелизм, анафора, эпифора, антитеза, градация, эллипсис, умолчание, инверсия, риторический вопрос, каламбур). Выразительные средства способствуют стилистическому уточнению готовых рекламных конструкций. По выражению Л. А. Новикова, троп «обогащает мысль новым содержанием, дает определенное художественное »приращение« мысли. Что касается фигуры, то »старые« грамматики называли эти своеобразные формы 'движения речи' фигурами по аналогии с фигурами в танцах. Танец доставляет эстетическое удовольствие в том случае, если он не беспорядочен, хаотичен, а воплощен в определенные фигуры движения. Точно так же и поэтическая речь. Именно особая группировка слов, их определенное расположение и способны во много раз увеличивать эмоциональное воздействие текста». [4: 63]

3.1 Сравнение

Сравнение является наиболее «примитивным» образным средством. Далее идут собственно метафора и олицетворение. В рекламе чаще используются союзы *как*, *будто*, *словно*, а также творительный падеж, сравнительная степень. С помощью сравнения положительные черты объекта аналогии переносятся на товар.

1) Надежна, как швейцарский банк. (Стиральная машина «Еврособа/ Eucosoba», Швейцария)

2) Florena... и моя кожа нежнее шелка. (Косметика «Флорена/Florena»)

3.2 Метафора

По мнению R. Hoffmann, «метафора в качестве орудия описания и толкования в разных областях... всегда расширяет и углубляет понимание поступков, знания и языка человечества». [6: 327]

Можно сказать, что метафора имеет огромное значение для эстетизации языка рекламы.

1) Ключ к дорогам России. (Автомобили «Лада/LADA»)

2) Фридерм — здоровая почва для Ваших волос! (Дерматологические шампуни «Фридерм»)

3.3 Олицетворение

Как вид метафоричности этот приём используется для изображения товара, чтобы он носил характер человека. Благодаря этому приёму рекламный образ воспринимается легче, и нам кажется, что товар — это наш друг, наш помощник в жизни.

1) Формула, которая понравится Вашей машине. (Машинное масло «Зик/ZIC»)

2) Глубокое дыхание вашей кожи. (Очищающий гель для лица «Avon Pure O2»)

3.4 Метонимия

Ясное отличие между метонимией и метафорой заключается в том, что первая связана со сходством двух предметов, а вторая — с их подобием. Поскольку стилистическая окраска метонимии не так ясна, как метафоры, ее не так часто используют в рекламном тексте, в котором придать особое значение украшению языка.

1) Попробуй Италию на вкус. (Ресторан Итальянец, Москва)

2) Здоровье в красном и синем (Дуовит/КРКА, витамины и минералы)

3.5 Гипербола

В рекламе широко употребляется гипербола, с помощью которой можно рационально увеличивать черты продукта, тем самым углублять понимание его характеристик и воздействовать на чувства потребителей. Чаще всего она применяется при таких словах или выражениях, *как все*, *первый*, *супер*, *мир* и т.д.

1) ... и целого мира мало. (Внедорожники Land Rover Discovery3)

2) Nec Versa. Все остальное — XX век. (Ноутбуки «Nec Versa»)

Иногда она имеет вид количественного преувеличения:

Многолетний опыт нашей компании — гарантия успеха для вашего бизнеса. Компания «Супер» сегодня — это тысячи контрактов на десятки миллионов рублей. (Компания «Супер»)

3.6 Эпитет

Это специфический троп в рекламе, так как для передачи информации он является излишним, но стилистически он необходим. По сравнению с обычным лексическим средством эпитет имеет особо выразительный характер.

1) Блестящий вкус — ослепительная белизна зубов! (Жевательная резинка «Дирол/Dirol»)

2) Dove. Шелковый шоколад... (Премиальный плиточный шоколад «Dove/ Дав»)

Следует отметить, что эпитет часто встречается в рекламе о косметике и предмете роскоши. Например:

Наконец сияющий цвет надолго сохранится на ваших губах. Juicy Rouge — стойкий эффект влажных губ. Аппетитный цвет, свежий и искрящийся. Настоящее наслаждение: тающая сладость малины, увлажняющая и нежная текстура. Для сияющих и манящих губ. (Губная помада «Juicy Rouge»)

3.7 Параллелизм

Употребление параллелизма в рекламе позволяет сделать ритм текста более гармоничным, пластичным, тем самым, усилить привлекательность товара.

1) Совершенство тела. Торжество души. (Белье «Триумф»)

2) Малышу хорошо, маме спокойно! (Подгузники «Бэ-бито» для детей в возрасте до 2 лет)

3.8 Анафора и эпифора

Анафора и эпифора считаются как разновидности параллелизма. Оба средства повышают мелодичность языка. С помощью анафоры и эпифоры усиливается экспрессивность рекламного текста, повторяющаяся информация надолго сохраняется в памяти потребителей.

1) Дышите свободно. Дышите Euromate. (Очистители воздуха Euromate)

2) Энергия на все утро! Бодрость на все утро. (Печенье «Юбилейное Утреннее»)

3) L'Oreal. Ведь Вы этого достойны. L'Oreal. Ведь я этого достойна! (Косметика «L'Oreal»)

Мы замечаем, что в последних трёх фразах используется другая фигура — симплока. Эта фигура сочетает в себе анафору и эпифору, т.е. существует повторение и начала, и конца смежных предложений.

3.9 Повтор

Повтор употребляется в рекламе для эффективного запоминания рекламного текста и особенностей товара. Повторяются в рекламном тексте или ключевые слова, или группа слов, даже целое предложение.

1) Крепкий чай для крепкой семьи. (Чай «Никитин»)

2) Нас выбирают, мы выбираем. (Агентство недвижимости «Рентэк» в Москве)

Иногда повторение названия товара или фирмы углубляет впечатление потребителей о данном товаре или фирме:

Буксировка с места аварии? — С фирмой «Гарант» — это просто.

Ремонт в дороге? — С фирмой «Гарант» — это быстро.

Доступные цены? С фирмой «Гарант» — всегда

3.10 Антитеза

При помощи антитезы ярко показывается достоинство товара или услуги. Особенно распространено в рекламе противопоставление низкой цены высокому качеству, короткого времени долгому эффекту. Чаще всего наблюдается структура «Минимум... максимум...», которая позволяет чётко подчеркнуть преимущество данного товара. Кроме этой формулы существует и другие разнообразные варианты антитезы в рекламе:

1) Мы работаем — вы отдыхаете! (Бытовая техника «Индезит/Indesit»)

2) Gardex. Ближе к природе, дальше от комаров. (Gardex/Гардекс, средства защиты от комаров)

3.11 Градация

Благодаря этой фигуре создается нарастание (реже ослабление) производимого ими впечатления. Или слова, или фразы, даже целые абзацы могут формировать восходящую и нисходящую градации. Логичное изменение оттенка речи поможет значительно усилить функцию убеждения рекламы.

1) Знать, чувствовать, уметь. (РГППУ, Российский государственный профессионально-педагогический университет в Екатеринбурге)

2) Хороший костюм — это хорошо. Элегантная обувь — это еще лучше, шикарная шляпа CHEZ REY-MOND — просто великолепно. И вы, господин, будете действительно совершенны. (Шляпа «CHEZ REY-MOND»)

3.12 Эллипсис

Эта фигура употребляется в рекламе с целью компрессии и воздействия на потребителей при использовании минимальной информации. Обычно в такой рекламе замечается увеличение быстроты речи и усиление динамичности текста.

1) Наши, самарские. (Соки «Иваныч»)

2) Чьё? — Ваше! Почём? — Почти даром! Но как? — Элементарно: компания «Супер»!

3.13 Умолчание

Умолчание наряду с эллипсисом служит компрессии текста. Умолчание содержит в себе многозначительные пропущенные части, которые читателю можно угадать. Если в рекламе существует разные возможности пропущенного слова, или потребителю легко угадывать эти слова, то данная реклама может считаться удачной.

1) Не доверяй людям... (Сейфы «Valberg/Валберг»)

2) Когда я вернусь... (Водка «Исток»)

3.14 Инверсия и хиазм

Инверсия нарушает традиционный порядок предложений. С помощью данной фигурой в рекламе акцент может быть сделан на определённом слове или словосочетании. Следовательно, она позволяет потребителя обращать внимание на позитивные свойства товара.

Благодаря своей мягкой текстуре помада легко скользит по губам (реклама о губной помаде)

Хиазм является своеобразной разновидностью двух фигур речи: параллелизма и инверсии. Как особенная игра слов делает язык рекламы более живым и интересным.

Легкая Жизнь. Живи легко. (Низкокалорийные полуфабрикаты «Легкая Жизнь»)

3.15 Риторический вопрос

Данная фигура может выполнять много функций: комическую, изобразительную, ироническую, экспрессивную, усилительную и др. Все эти функции соответствуют цели рекламы: привлечь внимание потребителя и заставить его запомнить данную рекламу.

1) Кто же его не знает? (Майонез «Байсад»)

2) Хочешь знать, кто он, твой сотрудник? (Консалтинговое агенство «Кадры», Тула)

3.16 Риторическое обращение

В рекламе его риторическое обращение употребляют не к реальному собеседнику, а к воображаемому партнёру или вещи изображения. С помощью данной фигуры не только рекламный текст становится более живым, но и контакт с будущим потребителем оказывается более крепким.

1) Дорогие женщины, любите себя! (Агентства «Zig Toronto»)

2) Прощайте, 6 признаков нездоровых волос. (Шампуни и бальзамы «Pantene Pro-V»)

3.17 Многосоюзие и бессоюзие

В рекламе многосоюзие и бессоюзие часто применяются для описания разнообразных ассортиментов товара в магазине или в других случаях.

1) И лыжи, и ботинки, и коньки, и ватрушки — большой выбор низкие цены. // «Барс», Декабрь, 2012.

2) У нас огромный выбор товаров для новорождённых и малышей до 3 лет. Торговые марки: NATURE&BABY, ABENTINY, BEBEMINI, LAY LAY, RIKITIKI BABY, BEBESSI, CICIX, BUBBA, SAN BEBE, VEO BABY. // «Мир детства», № 10, 2012.

3.18 Каламбур

Как один из мощнейших приёмов намёка, каламбур позволяет создать эффект неожиданности и эффект развле-

чения адресата. Можно сказать, каламбур — самый искусное средство для составления текста рекламы. Главные элементы каламбура — одинаковое или близкое звучание, и несогласованность между двумя значениями слов. Следовательно, в рекламе каламбур функционирует в трёх формах, т.е. омофоны, омонимы, омографы.

1) Употребление омофонов

В данном случае весьма успешно употребляются вместе прямое значение слова и это же слово как название товара. Например:

Порошок «Обычный» — результат отличный!
(«Обычный порошок»)

2) Употребление омонимов

Омонимия (многозначность) часто используется в рекламе для активизирования экспрессии и создания эффекта неожиданности. Например:

Двигаем недвижимое! (Жилищный центр «Каян», Краснодар)

3) Графическая игра слов (омографы)

При умелом использовании этого приёма реклама насыщена каламбурами. Иногда игра слов существует в названии продукта. Например: «ОтЧАЯнная бодрость!» В этой рекламе мы замечаем скрытый продукт — чай. Другим, особенно удачным примером представляется: «На100%ящая вода». В этой рекламе о питьевой «настоящей воде» цифра 100 как раз звучит «сто».

Хватит мечтать — пора обLADАть. (Автосалоны «Элекс-Полус», Москва)

4. Перевод стилистических средств русского рекламного текста на китайский язык

Перевод — это передача определённой информации средствами исходного языка (ИЯ) на другой язык — переводящий язык (ПЯ). Однако существует много примеров, когда осуществить абсолютный перевод невозможно. Существует проблема «переводимости» и «непереводимости», в соответствии с которой мы обобщили четыре способа перевода стилистических средств рекламного текста: дословный перевод, вольный перевод, творческий перевод и перефразирование.

4.1 Дословный перевод

Дословный перевод требует считать фразу за основную единицу, сохранять структуру и стиль оригинальной фразы, таким образом, восстанавливать структуру, содержание и стиль оригинального текста. Дословно можно перевести большинство стилистических средств русского рекламного текста.

1) Philips. Изменим жизнь к лучшему!

飞利浦——让生活更美好! (fei li pu, rang sheng huo geng mei hao!)

2) BMW 7 серии. Не как все.

宝马7系, 与众不同 (bao ma qi xi, yu zhong bu tong)

4.2 Вольный перевод

В случае, когда переводной текст не соответствует оригинальному тексту или не отвечает стандартам оценки це-

левой аудитории в результате дословного перевода, необходимо изменить форму и стиль оригинального текста, использовать знакомое выражение в целевом языке или выражение, которое легко понимается читателями и близко к оригиналу по смыслу. При переводе необходимо сохранять содержание оригинального текста, но допускается изменить его форму. Вольный перевод содержит в себе следующие черты: увеличение информации (комментирование), сокращение (редукция), изменение (интерпретация).

1) Увеличение

Данный способ пригоден для такого текста рекламы, который содержит короткие фразы, но имеет емкое значение. Следует увеличить объем текста рекламы, т.е. расширить лексическую составляющую, чтобы раскрыть глубокое содержание оригинала. Фраза переводного текста является ритмичной и аккуратной, и обычно имеет определённый стилистический оттенок. Например:

Добро пожаловать в страну Мальборо!

来到万宝路世界——尽善尽美! (lai dao wan bao lu shi jie, jin shan jin mei)

В переводе добавляется китайская фразеология «尽善尽美» (jin shan jin mei), что означает «превосходный, совершенный, идеальный». Китайцы надеются, что все дела, которые хорошо начинаются, то хорошо и закончатся. Данный фразеологизм выражает прекрасное желание народа.

2) Сокращение

Данный способ используется для такого текста, который содержит длинные фразы и лишнюю информацию, чтобы снизить себестоимость рекламы. Кроме того, из-за различия в языке и культуре информация, которая привлекает внимание потребителей на родном языке, обязательно удовлетворяет требованиям иноязычных потребителей. Поэтому в процессе перевода зачастую теряется информация, которую потребителям трудно воспринимать. Например:

Наши высокоэффективное металлообрабатывающее оборудование для большей производительности, гибкости, экономической эффективности и большей вашей прибыли.

本公司的金属加工设备高效, 节能, 有韧性, 为您谋利, (ben gong si de jin shu jia gong she bei gao xiao, jie neng, you ren xing, wei nin mou li)

Только одно слово «高效» (gao xiao) выражает значение слова «высокоэффективное», «большой производительности» и «эффективность».

3) Изменение

Различия в языке и культуре приводит к трудностям перевода таких стилистических средств, как метафора, метонимия, каламбуры, идиомы, которые обладают национально-культурной спецификой. В таком случае необходимо изменять образ или фразовую структуру в процессе перевода оригинального текста, чтобы удовлетворять требованиям целевой аудитории. Типичный пример:

Это не сон, это SONY.

索尼让梦想成真 (so ni rang meng xiang cheng zhen)

В данном слогане используется риторическая фигура каламбур, так как произношение «SONY» близко к русскому слову «сон». Переводной текст в основном показывает идею исходного текста.

4.3 Творческий перевод

Этот способ требует от переводчика широты кругозора, творческой фантазии. Не следует ограничиваться буквальным смыслом, а надо стараться найти адекватный заменитель смысла исходного текста.

Мегафон. Жизнь в общении. (Сотовый оператор «Мегафон»)

美佳丰, 真情沟通你我 (mei jia feng, zhen qing gou tong ni wo.)

Буквальное значение переводного текста значительно отличается от того, что в оригинале, но в данном варианте перевода проявляется философия управления предприятием, т. е., подчёркивается дружеское отношение между потребителем и производителем.

4.4 Перефразирование

Перефразирование рассматривается как один из способов перевода рекламы, при котором заимствуется привычное выражение в ИЯ. Заимствованное выражение может быть фразеологизмом, афоризмом, слоганом. Данное выражение должно быть известным каждому и понравиться каждому. Перефразирование требует от переводчика безупречного знания двух языков, обладания способностью ассоциирования.

Крепкая водка для крепких парней. (Водка «Бизон»)

好酒逢知己 (hao jiu feng zhi ji)

В переводящем тексте перефразируют китайское готовое выражение «好酒逢知己» (hao jiu feng zhi ji), что значит «пить хорошее вино, когда встречаются друзья». В рекламе высказывается дружба в распитии водки «Бизон». Китайский перевод также отлично выражает

подобную дружескую атмосферу, когда держат в руках стакан пива.

Заключение

Реклама играет главную роль в экономике современного общества, которое без рекламы даже невозможно представить. Реклама — это не простая агитация, её создание требует от рекламодателя серьёзной и тщательной работы над текстом, чтобы воздействовать на чувства потенциальных потребителей. Уместное использование стилистических средств может принести удачу в продаже самого товара.

Анализ русского рекламного текста и его перевод на китайский язык показал, что это весьма трудная и важная задача. Во-первых, в результате экономической интеграции торговля между Китаем и Россией активизировалась. Во-вторых, стала актуальной проблема перевода рекламных текстов как в сугубо прагматическом аспекте, так и методологическом. Мы выделили и описали четыре способа передачи русского рекламного текста относительно свойств текста перевода. Основой конструирования переводного смысла является целостное восприятие рекламного текста. Оптимальным результатом переводческой деятельности мы полагаем такой семиотический объект, который соответствует типу исходного текста, отражает цель исходной коммуникации.

Многолетняя практика переводческой деятельности наших мастеров-переводчиков показывает нам красоту перевода с русского языка на китайский на основе китайской культуры и традиции. Они украшают и русский язык как исходный язык, указывая на эстетическую функцию перевода. Актуальный вопрос состоит в том, что у нас не хватает квалифицированных переводчиков, особенно в аспектах перевода технических документов и терминов естественных наук и техники.

Литература:

1. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. — М.: Издание братьев Салаевых, 1987.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. — М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997.
3. Кожина М. Н. Дускаева Л. Р. Салимовский В. А. Стилистика русского языка. — СПб.: Наука, 2008.
4. Новиков Л. А. Искусство слова. — М.: Педагогика, 1982.
5. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М.: Высшая школа, 1974.
6. Hoffman Robert. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science, in Paprotte, Wolf & Dirven, Rene eds. The Ubiquity of Metaphor. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1985.
7. 温科学. 中西比较修辞论 [M], 北京: 中国社会科学出版社, 2009
8. 张相蕊. 俄语广告的语言变提问题探讨 [J], 外语研究: 2006, (2)

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

V Международная научная конференция
Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Издательский дом «Свое издательство», г. Санкт-Петербург

Подписано в печать 24.12.2017. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 7,51. Уч.-изд. л. 10,46. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.